Духовная сокровищница

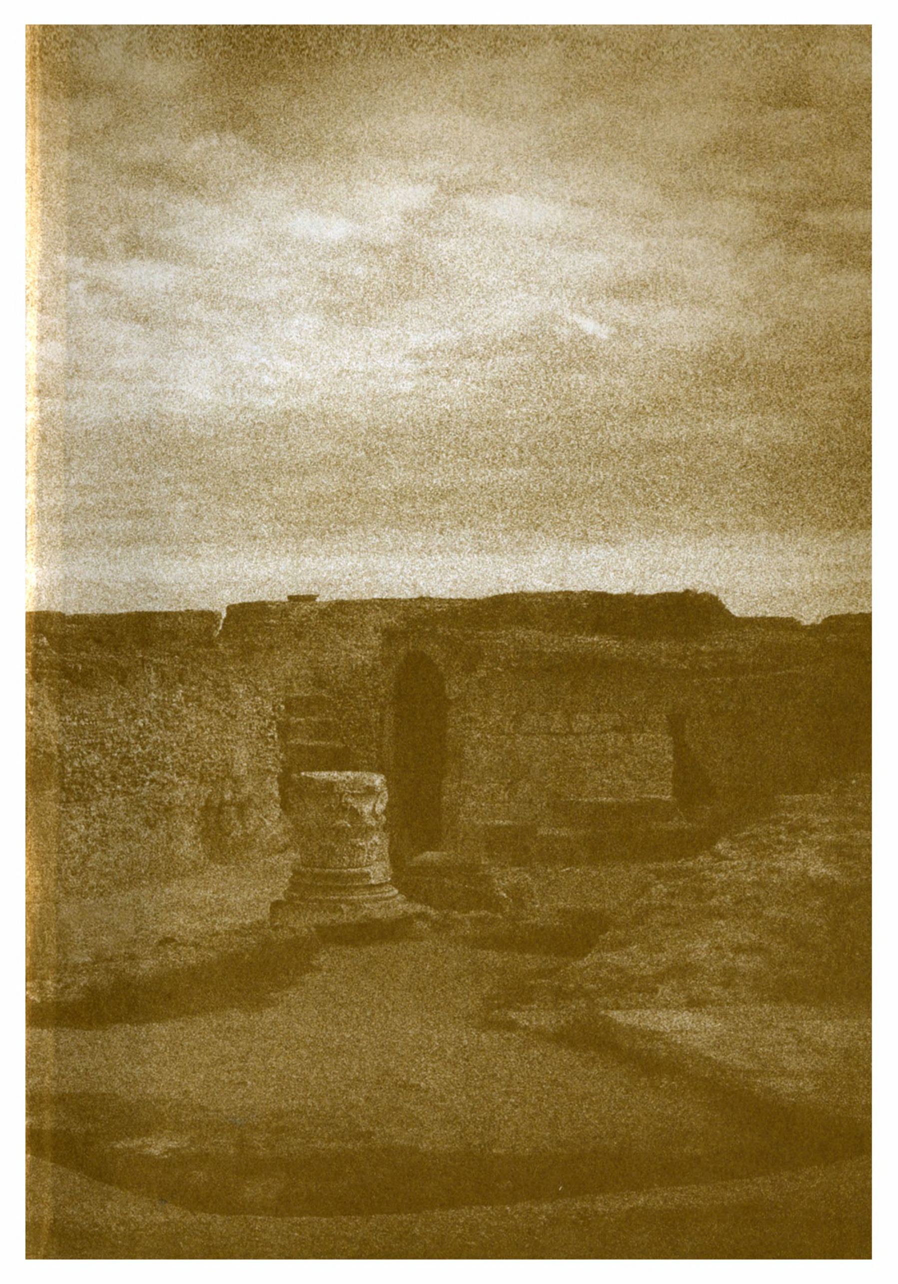
Блаженный Августин Гиппонский

Исповедь

ДУХОВНАЯ
СОКРОВИЩНИЦА

Блаженный
Августин Гиппонский

ИСПОВЕДЬ

Перевод с латинского
Марии Сергеенко

Издательство
Сретенского монастыря
Москва, 2012

УДК 27-1
ББК 86.37
А 18

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

ИС 12-207-0585

Оригинальное издание: Augustinus Sanctus. Confessiones

Блаженный Августин Гиппонский

А 18 Исповедь / Пер. с лат. М. Сергеенко ; Предисл. иером. Симеона (Томачинского). — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. — 528 с. — (Серия «Духовная сокровищница»).

ISBN 978-5-7533-0710-1

«Исповедь» блаженного Августина Гиппонского на многие века стала незаменимым путеводителем для всех душ, ищущих Бога. В этом классическом произведении великого учителя Церкви переплелись автобиография, мемуары, философские трактаты, литературная критика, экзегетические штудии — все это в форме вдохновенной молитвы к Богу. Искренне и горячо, с темпераментом африканца, блаженный Августин рассказывает о самом главном в своей жизни.

УДК 27-1
ББК 86.37

ISBN 978-5-7533-0710-1

«ИСПОВЕДЬ ГОРЯЧЕГО СЕРДЦА»

Ее можно перечитывать бесконечно. Возможно, эта книга — лучшее, написанное когда-либо смертным. В «Исповеди» блаженного Августина — метания и поиски всего человечества, извилистые земные дороги, страдания души, ищущей Бога, — она переворачивается, бедная, с боку на бок, везде жестко.

Прошло 16 веков, но книга читается как будто написанная вчера; доказательством тому сравнительно недавнее обращение под влиянием «Исповеди» Августина известного актера Жерара Депардье, который впоследствии ездил по всему миру с публичными чтениями книги. Причем «Исповедь» доступна как для далеких от Церкви людей, так и для «продвинутых пользователей», как для невзыскательного читателя, так и для утонченного интеллектуала. Недаром ее проходят и в светских университетах — как шедевр мировой литературы, и в семинариях — как святоотеческий труд...

«Мы должны отнести его к числу тех редких людей, отмеченных сияющей печатью гения, которые несут

миру новое слово и рождаются не в каждом тысячелетии», — говорит о блаженном Августине профессор Московской духовной академии Иван Васильевич Попов, ныне прославленный в лике святых как мученик Иоанн[1].

Другой известный патролог и историк Церкви Ярослав Пеликан в своем труде «Христианская традиция» пишет о блж. Августине так: «Нет, наверное, ни одного христианского богослова, историческое значение которого могло бы сравниться с его значением... Он был универсальным гением»[2].

Не менее восторженно отзываются о нем и писатели. Так, Петрарка замечает: «С Августином, конечно, сравниться не может, по-моему, ни один человек; ведь если в его изобильный талантами век ему, на мой взгляд, не было равных, кто сравнится с ним теперь? Слишком велик был во всех отношениях этот человек, слишком неподражаем»[3].

1 *Попов И.В.* Труды по патрологии. Т. 2: Личность и учение блаженного Августина. — Сергиев Посад: Московская духовная академия, 2005. — с. 6.

2 *Пеликан Я.* Христианская традиция: История развития вероучения. Т. 1: Возникновение кафолической традиции [100–600] / Пер. с англ. под. ред. А. Кырлежева. — М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2007. — с. 279.

3 Цит. по: *Столяров А.* Аврелий Августин. Жизнь. Учение и его судьбы // *Аврелий Августин.* Исповедь. — М.: Ренессанс, 1991.

К сожалению, среди православных порой встречается чуть ли не ритуальное дистанцирование от блаженного Августина, поскольку некоторые из его идей послужили основой для католических догматов, таких как Филиокве или учение о первородном грехе. Это преувеличение ошибок отца Церкви, действительных и мнимых, было подробно разобрано в замечательном исследовании иеромонаха Серафима (Роуза), посвященном блаженному Августину[1]. В своей работе отец Серафим показал всю меру почтения, которую воздает Гиппонскому святителю Православная Церковь. Отдельные мысли Августина по вопросам, еще не получившим в его время соборного решения, действительно не вполне соответствовали тем догматам, которые впоследствии были сформулированы на Вселенских Соборах. Однако это нисколько не умаляет заслуг человека, который именуется «учителем Церкви».

Иеромонах Серафим, очень любивший блаженного Августина, подчеркивает: «Без огня подлинной ревности и благочестия, открывающихся в «Исповеди», наша православная духовность — подделка и пародия»[2]. Сам отец Серафим ежегодно перечитывал «Исповедь», находя в ней все новые и новые источники для духовного преображения.

[1] *Серафим (Роуз), иеромонах.* Вкус истинного Православия / Пер. с англ. — М.: Российское отделение Валаамского общества Америки, 1995.

[2] Там же. — с. 54.

Блаженный Августин родился 13 ноября 354 года в Тагасте (ныне город Сук-Арас, недалеко от границы Алжира с Тунисом). Он получил прекрасное образование и стал преподавателем грамматики и риторики — сначала в родном городе, потом в Карфагене, Риме и, наконец, Медиолане, где и познакомился со святителем Амвросием Медиоланским.

Это была переходная эпоха — от античности к средневековью. Северная Африка, в то время провинция Римской империи, находилась на пересечении финикийско-греко-римского влияния, а Карфаген оспаривал у Александрии второе место после «Вечного города» по значению на мировой «шахматной доске». Именно в Северной Африке просияли такие великие христианские апологеты, как Тертуллиан, Лактанций, священномученик Киприан Карфагенский и другие.

Августин искренне и горячо, с темпераментом бербера, искал истину, к чему его особенно побудили сочинения Цицерона. Множество извилистых путей, среди которых и манихейская ересь, пришлось ему преодолеть, множество сомнений, колебаний и соблазнов пришлось ему отринуть, прежде чем Августин принял решение о том, чтобы стать христианином. Об истории души, ищущей и наконец обретающей Бога, и повествует его «Исповедь». Эта книга, написанная по просьбе святителя Павлина Милостивого, стоит у истоков жанра автобиографии.

В 391 году его рукополагают в священника в приморском городе Гиппон (ныне Аннаба, в Алжире), а через

несколько лет он становится епископом этого города. Все эти годы, до самой смерти, он вел монашескую жизнь, не имея никакой собственности, но всего себя вверяя трудам церковного управления, не забывая при этом и своих ученых изысканий.

Блаженный Августин отошел ко Господу в 430 году, когда Гиппон осаждали вандалы. Его память Православная Церковь празднует 28 июня (15 июня по старому стилю)...

Творческое наследие блаженного Августина представляет собой около 100 работ, среди которых есть такие фундаментальные труды, как трактат «О Граде Божием» (De Civitate Dei) в 5 томах. Многие из них до сих пор не переведены на русский язык.

Однако «Исповеди» в этом отношении повезло. Ее первые переводы появились еще в XVIII веке, с тех пор книга «Confessiones» переводилась неоднократно. Но самым лучшим переводом, несомненно, стал труд известного ученого Марии Ефимовны Сергеенко (1891–1987), выполненный во время блокады Ленинграда. Впервые этот перевод был опубликован в «Богословских трудах» в 1978 году.

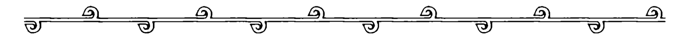
Необходимо отметить, что библейские цитаты и аллюзии, которые органично вплетаются в ткань «Исповеди», используются блаженным Августином не по каноническому латинскому тексту («Вульгата» блаженного Иеронима тогда была еще в процессе создания), а либо по более древней версии Писания — «Итале», либо в его собственном переводе, либо просто

по памяти, в пересказе. Именно поэтому русский переводчик, стремясь максимально точно передать смысл каждой фразы, не стал искусственно подгонять все подобные реминисценции к тексту Синодального перевода Библии (да это и вряд ли было осуществимо). Благодаря такому подходу русская версия «Исповеди» сохранила как букву, так и дух оригинала.

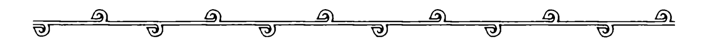
Можно только позавидовать тем, кто впервые открывает для себя эту книгу...

Иеромонах Симеон (Томачинский)

ИСПОВЕДЬ БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА, ЕПИСКОПА ГИППОНСКОГО

КНИГА ПЕРВАЯ

I

1. «Велик Ты, Господи, и всемерной достоин хвалы; велика сила Твоя и неизмерима премудрость Твоя». И славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих; человек, который носит с собой повсюду смертность свою, носит с собой свидетельство греха своего и свидетельство, что Ты «противостоишь гордым»[1]. И все-таки славословить Тебя хочет человек, частица созданий Твоих. Ты услаждаешь нас этим славословием, ибо Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе. Дай же мне, Господи, узнать и постичь, начать ли с того,

[1] Иак 4, 6; 1 Пет 5, 5.

чтобы воззвать к Тебе, или с того, чтобы славословить Тебя; надо ли сначала познать Тебя или воззвать к Тебе. Но кто воззовет к Тебе, не зная Тебя? Воззвать не к Тебе, а к кому-то другому может незнающий. Или, чтобы познать Тебя, и надо «воззвать к Тебе»? «Как воззовут к Тому, в Кого не уверовали? И как поверят Тебе без проповедника?»[1]. И восхвалят Господа те, кто ищет Его. Ищущие найдут Его, и нашедшие восхвалят Его. Я буду искать Тебя, Господи, взывая к Тебе, и воззову к Тебе, веруя в Тебя, ибо о Тебе проповедано нам. Взывает к Тебе, Господи, вера моя, которую дал Ты мне, которую вдохнул в меня через вочеловечившегося Сына Твоего, через служение Исповедника Твоего[2].

II

2. Но как воззову я к Богу моему, к Богу и Господу моему? Когда я воззову к Нему, я призову Его в самого себя. Где же есть во мне место, куда пришел бы Господь мой? Куда придет в меня Господь, Господь, Который создал небо и землю? Господи Боже мой! Ужели есть во мне нечто, что может вместить Тебя? Разве небо и земля,

[1] Рим 10, 14.
[2] Т. е. Иисуса Христа.

которые Ты создал и на которой создал и меня, вмещают Тебя? Но без Тебя не было бы ничего, что существует, — значит, всё, что существует, вмещает Тебя? Но ведь и я существую; зачем прошу я Тебя прийти ко мне: меня бы не было, если бы Ты не был во мне. Я ведь еще не в преисподней, хотя Ты и там. И «если я сойду в ад, Ты там»[1]. Меня не было бы, Боже мой, вообще меня не было бы, если бы Ты не был во мне. Нет, вернее: меня не было бы, не будь я в Тебе, «от Которого всё, чрез Которого всё, в Котором всё»[2]. Воистину так, Господи, воистину так. Куда звать мне Тебя, если я в Тебе? и откуда придешь Ты ко мне? Куда, за пределы земли и неба, уйти мне, чтобы оттуда пришел ко мне Господь мой, Который сказал: «Небо и земля полны Мною»[3]?

III

3. Итак, вмещают ли Тебя небо и земля, если Ты наполняешь их? Или Ты наполняешь их и еще что-то в Тебе остается, ибо они не вмещают Тебя? И куда изливается этот остаток Твой, когда небо и земля наполнены? Или Тебе не

[1] Пс 138, 8.
[2] Рим 11, 36.
[3] Иер 23, 24.

нужно вместилища, Тебе, Который вмещаешь всё, ибо то, что Ты наполняешь, Ты наполняешь, вмещая? Не сосуды, полные Тобой, сообщают Тебе устойчивость: пусть они разбиваются. Ты не выльешься. А когда Ты изливаешься в нас, то не Ты падаешь, но мы воздвигнуты Тобой; не Ты расточаешься, но мы собраны Тобой. И все, что Ты наполняешь, целиком Собой Ты все наполняешь. Но ведь всё не в состоянии вместить Тебя, оно вмещает только часть Тебя — и все сразу вмещают ту же самую часть? Или отдельные создания — отдельные части: бо́льшие бо́льшую, меньшие меньшую? Итак, одна часть в Тебе больше, а другая меньше? Или же повсюду Ты целый и ничто не может вместить Тебя целого?

IV

4. Что́ же Ты, Боже мой? Что, как не Господь Бог? «Кто Господь, кроме Господа? и кто Бог, кроме Бога нашего?»[1]. Высочайший, Благостнейший, Могущественнейший, Всемогущий, Милосерднейший и Справедливейший; самый Далекий и самый Близкий, Прекраснейший и Сильнейший, Недвижный и Непостижимый; Неизменный, Изменяющий всё, вечно Юный и вечно Старый, Ты

[1] Пс 17, 32.

обновляешь всё и старишь гордых[1], а они того и не ведают; вечно в действии, вечно в покое, собираешь и не нуждаешься, несешь, наполняешь и покрываешь; творишь, питаешь и совершенствуешь; ищешь, хотя у Тебя есть всё. Ты любишь и не волнуешься; ревнуешь и не тревожишься; раскаиваешься и не грустишь; гневаешься и остаешься спокоен; меняешь Свои труды и не меняешь совета; подбираешь то, что находишь, и никогда не теряешь; никогда не нуждаешься и радуешься прибыли; никогда не бываешь скуп и требуешь лихвы. Тебе дается с избытком, чтобы Ты был в долгу, но есть ли у кого что-нибудь, что не Твое? Ты платишь долги, но Ты никому не должен; отдаешь долги, ничего не теряя. Что сказать еще, Господь мой, Жизнь моя, моя Святая Радость? И что вообще можно сказать, говоря о Тебе? Но горе тем, которые молчат о Тебе, ибо и речистые онемели.

V

5. Кто даст мне отдохнуть в Тебе? Кто даст, чтобы вошел Ты в сердце мое и опьянил его так,

[1] Иов 9, 5: «Старящий горы, а они и не знают» (в русском переводе: «Он передвигает горы, и не узнают их»). По толкованию блж. Августина, «горы» означают «гордых», а «старишь» — «делаешь слабыми», «унижаешь».

чтобы забыл я все зло свое и обнял единое благо свое, Тебя? Что́ Ты для меня? Сжалься и дай говорить. Что́ я сам для Тебя, что Ты велишь мне любить Тебя и гневаешься, если я этого не делаю, и грозишь мне великими несчастиями? Разве это не великое несчастие не любить Тебя? Горе мне! Скажи мне по милосердию Твоему, Господи Боже мой, что́ Ты для меня? «Скажи душе моей: Я — спасение твое»[1]. Скажи так, чтобы я услышал. Вот уши сердца моего пред Тобой, Господи: открой их и скажи душе моей: «Я спасение твое». Я побегу на этот голос и застигну Тебя. Не скрывай от меня лица Твоего: умру я, не умру, но пусть увижу его[2].

6. Тесен дом души моей, чтобы Тебе войти туда: расширь его. Он обваливается, обнови его. Есть в нем чем оскорбиться взору Твоему: сознаюсь, знаю, но кто приберет его? и кому другому, кроме Тебя, воскликну я: «От тайных грехов моих очисти меня, Господи, и от искушающих избавь раба Твоего»[3]. Верю и потому говорю: «Господи, Ты знаешь». Разве не свидетельствовал я пред Тобой «против себя о преступлени-

[1] Пс 34, 3.

[2] Ср. Исх 33, 20. Бог говорит Моисею: «Лица Моего не можно тебе увидеть, потому что человек не может увидеть Меня и остаться в живых».

[3] Пс 18, 13–14.

ях моих, Боже мой? и Ты отпустил беззакония сердца моего»[1]. Я не сужусь с Тобой, Который есть Истина, и не хочу лгать себе самому, да не солжет себе неправда моя. Нет, я не сужусь с Тобой, ибо «если воззришь Ты на беззакония, Господи, Господи, кто устоит?»[2].

VI

7. И все-таки позволь мне говорить перед Тобой, Милосердный, мне, «праху и пеплу»[3]. Позволь все-таки говорить: к милосердию Твоему, не к человеку, который осмеет меня, обращаюсь я. Может быть, и Ты посмеешься надо мной, но, обратившись ко мне, пожалеешь меня. Что хочу я сказать, Господи Боже мой? — только, что я не знаю, откуда я пришел сюда, в эту — сказать ли — мертвую жизнь или живую смерть? Не знаю. Меня встретило утешениями милосердие Твое, как об этом слышал я от родителей моих по плоти, через которых Ты создал меня во времени; сам я об этом не помню. Первым утешением моим было молоко, которым не мать моя и не кормилицы мои

[1] Пс 31, 5.
[2] Пс 129, 3.
[3] Ср. Быт 18, 27.

наполняли свои груди; Ты через них давал мне пищу, необходимую младенцу по установлению Твоему и по богатствам Твоим, распределенным до глубин творения. Ты дал мне не желать больше, чем Ты давал, а кормилицам моим желание давать мне то, что Ты давал им. По внушенной Тобою любви хотели они давать мне то, что в избытке имели от Тебя. Для них было благом мое благо, получаемое от них, но оно шло не от них, а через них, ибо от Тебя все блага и от Господа моего все мое спасение. Я понял это впоследствии, хотя Ты взывал ко мне и тогда — дарами извне и в меня вложенными. Уже тогда я умел сосать, успокаивался от телесного удовольствия, плакал от телесных неудобств — пока это было все.

8. Затем я начал и смеяться, сначала во сне, потом и бодрствуя. Так рассказывали мне обо мне, и я верю этому, потому что то же я видел и у других младенцев: сам себя в это время я не помню. И вот постепенно я стал понимать, где я; хотел объяснить свои желания тем, кто бы их выполнил, и не мог, потому что желания мои были во мне, а окружающие вне меня, и никаким внешним чувством не могли они войти в мою душу. Я барахтался и кричал, выражая немногочисленными знаками, какими мог и насколько мог, нечто подобное моим желаниям — но

знаки эти не выражали моих желаний. И когда меня не слушались, не поняв ли меня или чтобы не повредить мне, то я сердился, что старшие не подчиняются мне и свободные не служат как рабы, и мстил за себя плачем. Что младенцы таковы, я узнал по тем, которых смог узнать, и что я был таким же, об этом мне больше поведали они сами, бессознательные, чем сознательные воспитатели мои.

9. И вот младенчество мое давно уже умерло, а я живу, Господи — Ты, Который живешь всегда, в Котором ничто не умирает, ибо прежде начала веков и прежде всего, о чем можно сказать «прежде», Ты есть — Ты Бог и Господь всего создания Твоего, — стойки у Тебя причины всего нестойкого, неизменны начала всего изменяющегося, вечен порядок беспорядочного и временного, — Господи, ответь мне, наступило ли младенчество мое вслед за каким-то другим умершим возрастом моим или ему предшествовал только период, который я провел в утробе матери моей? О нем кое-что сообщено мне, да и сам я видел беременных женщин. А что было до этого, Радость моя, Господь мой? Был я гденибудь, был кем-нибудь? Рассказать мне об этом некому: ни отец, ни мать этого не могли, нет здесь ни чужого опыта, ни собственных воспоминаний. Ты смеешься над тем, что я спрашиваю

об этом, и велишь за то, что я знаю, восхвалять Тебя и Тебя исповедовать?

10. Исповедую Тебя, Господи неба и земли, воздавая Тебе хвалу за начало жизни своей и за свое младенчество, о которых я не помню. Ты позволил человеку догадываться о себе по другим, многому о себе верить, полагаясь даже на свидетельство простых женщин. Да, я был и жил тогда и уже в конце младенчества искал знаков, которыми мог бы сообщить другим о том, что чувствовал. Откуда такое существо, как не от Тебя, Господи? Разве есть мастер, который создает себя сам? в другом ли месте течет источник, откуда струится к нам бытие и жизнь? Нет, Ты создаешь нас, Господи, Ты, для Которого нет разницы между бытием и жизнью, ибо Ты есть совершенное Бытие и совершенная Жизнь. Ты совершен и Ты не изменяешься: у Тебя не проходит сегодняшний день, и, однако, он у Тебя проходит, потому что у Тебя все; ничто не могло бы пройти, если бы Ты не содержал всего. И так как «годы Твои не иссякают»[1], то годы Твои — сегодняшний день. Сколько наших дней и дней отцов наших прошло через Твое сегодня; от него получили они облик свой и как-то возникли, и пройдут еще и другие, получат свой облик

[1] Пс 101, 28.

и как-то возникнут. «Ты же всегда один и тот же»[1]: всё завтрашнее и то, что идет за ним, всё вчерашнее и то, что позади него, Ты превратишь в сегодня, Ты превратил в сегодня. Что́ мне, если кто-то не понимает этого? Пусть и он радуется, говоря: «Что же это?». Пусть радуется и предпочитает найти Тебя, не находя, чем находя, не найти Тебя.

VII

11. Услыши, Господи! Горе грехам людским. И человек говорит это, и Ты жалеешь его, ибо Ты создал его, но греха в нем не создал. Кто напомнит мне о грехе младенчества моего? Никто ведь не чист от греха перед Тобой, даже младенец, жизни которого на земле один день. Кто мне напомнит? Какой-нибудь малютка, в котором я увижу то, чего не помню в себе?

Итак, чем же грешил я тогда? Тем, что, плача, тянулся к груди? Если я поступлю так сейчас и, разинув рот, потянусь не то что к груди, а к пище, подходящей моему возрасту, то меня по всей справедливости осмеют и выбранят. И тогда, следовательно, я заслуживал брани, но так как я не мог понять бранившего, то было

[1] Пс 101, 28.

и не принято, и неразумно бранить меня. С возрастом мы искореняем и отбрасываем такие привычки. Я не видел сведущего человека, который, подчищая растение, выбрасывал бы хорошие ветви[1]. Хорошо ли, однако, было даже для своего возраста с плачем добиваться даже того, что дано было бы ко вреду? Жестоко негодовать на людей неподвластных, свободных и старших, в том числе и на родителей своих, стараться по мере сил избить людей разумных, не повинующихся по первому требованию потому, что они не слушались приказаний, послушаться которых было бы губительно? Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей. Я видел и наблюдал ревновавшего малютку: он еще не говорил, но бледный, с горечью смотрел на своего молочного брата. Кто не знает таких примеров? Матери и кормилицы говорят, что они искупают это, не знаю, какими средствами. Может быть, и это невинность, при источнике молока, щедро изливающемся и преизбыточном, не выносить товарища, совершенно беспомощного, живущего одной только этой пищей? Все эти явления кротко терпят не потому, чтобы они были ничтожны или маловажны, а потому, что с годами это пройдет. И Ты подтверждаешь

[1] Ср. Ин 15, 2.

это тем, что то же самое нельзя видеть спокойно в возрасте более старшем.

12. Господи Боже мой, это Ты дал младенцу жизнь и тело, которое снабдил, как мы видим, чувствами, крепко соединил его члены, украсил его и вложил присущее всякому живому существу стремление к полноте и сохранности жизни. Ты велишь мне восхвалять Тебя за это, «исповедовать Тебя и воспевать имя Твое, Всевышний»[1], ибо Ты был бы Всемогущим и Благим, если бы сделал только это, чего не мог сделать никто, кроме Тебя; Единственный, от Которого всякая мера, Прекраснейший, Который всё делаешь прекрасным и всё упорядочиваешь по закону Своему. Этот возраст, Господи, о котором я не помню, что я жил, относительно которого полагаюсь на других и в котором, как я догадываюсь по другим младенцам, я как-то действовал, мне не хочется, несмотря на весьма справедливые догадки мои, причислять к этой моей жизни, которой я живу в этом мире. В том, что касается полноты моего забвения, период этот равен тому, который я провел в материнском чреве. И если «я зачат в беззаконии, и во грехах питала меня мать моя во чреве»[2], то где, Боже мой, где,

[1] Пс 91, 2.

[2] Пс 50, 7

Господи, я, раб Твой, где или когда был невинным? Нет, я пропускаю это время; и что мне до него, когда я не могу отыскать никаких следов его?

VIII

13. Разве не перешел я, подвигаясь к нынешнему времени, от младенчества к детству? Или, вернее, оно пришло ко мне и сменило младенчество. Младенчество не исчезло — куда оно ушло? И все-таки его уже не было. Я был уже не младенцем, который не может произнести слова, а мальчиком, который говорит, был я. И я помню это, а впоследствии я понял, откуда я выучился говорить. Старшие не учили меня, предлагая мне слова в определенном и систематическом порядке, как это было немного погодя с буквами. Я действовал по собственному разуму, который Ты дал мне, Боже мой. Когда я хотел воплями, различными звуками и различными телодвижениями сообщить о своих сердечных желаниях и добиться их выполнения, я оказывался не в силах ни получить всего, чего мне хотелось, ни дать знать об этом всем, кому мне хотелось. Я схватывал памятью, когда взрослые называли какую-нибудь вещь и по этому слову оборачивались к ней; я видел это и запоминал: прозвучав-

шим словом называется именно эта вещь. Что взрослые хотели ее назвать, это было видно по их жестам, по этому естественному языку всех народов, слагающемуся из выражения лица, подмигиванья, разных телодвижений и звуков, выражающих состояние души, которая просит, получает, отбрасывает, избегает. Я постепенно стал соображать, знаками чего являются слова, стоящие в разных предложениях на своем месте и мною часто слышимые, принудил свои уста справляться с этими знаками и стал ими выражать свои желания. Таким образом, чтобы выражать свои желания, начал я этими знаками общаться с теми, среди кого жил; я глубже вступил в бурную жизнь человеческого общества, завися от родительских распоряжений и от воли старших.

IX

14. Боже мой, Боже, какие несчастья и издевательства испытал я тогда. Мне, мальчику, предлагалось вести себя как следует: слушаться тех, кто убеждал меня искать в этом мире успеха и совершенствоваться в краснобайстве, которым выслуживают людской почет и обманчивое богатство. Меня и отдали в школу учиться грамоте. На беду свою, я не понимал,

какая в ней польза, но если был ленив к учению, то меня били; старшие одобряли этот обычай. Много людей, живших до нас, проложили эти скорбные пути, по которым нас заставляли проходить; умножены были труд и печаль для сыновей Адама. Я встретил, Господи, людей, молившихся Тебе, и от них узнал, постигая Тебя в меру сил своих, что Ты Кто-то Большой и можешь, даже оставаясь скрытым для наших чувств, услышать нас и помочь нам. И я начал молиться Тебе, «Помощь моя и Прибежище мое»[1], и, взывая к Тебе, одолел косноязычие свое. Маленький, но с жаром немалым, молился я, чтобы меня не били в школе. И так как Ты не услышал меня, что было не во вред мне[2], — то взрослые, включая родителей моих, которые ни за что не хотели, чтобы со мной приключалось хоть что-нибудь плохое, продолжали смеяться над этими побоями, великим и тяжким тогдашним моим несчастьем.

15. Есть ли, Господи, человек, столь великий духом, прилепившийся к Тебе такой великой любовью, есть ли, говорю я, человек, который

[1] Пс 93, 22.

[2] Ср. Пс 21, 3 по переводу LXX: «мне не на глупое», «чтобы я не стал глупее»; славянский перевод: «не в безумие мне».

в благочестивой любви своей так высоко настроен, что дыба, кошки и тому подобные мучения, об избавлении от которых повсеместно с великим трепетом умоляют Тебя, были бы для него нипочем? (Иногда так бывает от некоторой тупости.) Мог бы он смеяться над теми, кто жестоко трусил этого, как смеялись наши родители над мучениями, которым нас, мальчиков, подвергали наши учителя? Я и не переставал их бояться, и не переставал просить Тебя об избавлении от них, и продолжал грешить, меньше упражняясь в письме, в чтении и в обдумывании уроков, чем это от меня требовали. У меня, Господи, не было недостатка ни в памяти, ни в способностях, которыми Ты пожелал в достаточной мере наделить меня, но я любил играть, и за это меня наказывали те, кто сами занимались, разумеется, тем же самым. Забавы взрослых называются делом, у детей они тоже дело, но взрослые за них наказывают, и никто не жалеет ни детей, ни взрослых. Одобрит ли справедливый судья побои, которые я терпел за то, что играл в мяч и за этой игрой забывал учить буквы, которыми я, взрослый, играл в игру более безобразную? Наставник, бивший меня, занимался не тем же, чем я? Если его в каком-нибудь вопросике побеждал ученый собрат, разве его меньше душили

желчь и зависть, чем меня, когда на состязаниях в мяч верх надо мною брал товарищ по игре?

X

16. И всё же я грешил, Господи Боже, всё в мире сдерживающий и всё создавший; грехи же только сдерживающий. Господи Боже мой, я грешил, нарушая наставления родителей и учителей моих. Я ведь смог впоследствии на пользу употребить грамоту, которой я, по желанию моих близких, каковы бы ни были их намерения, должен был овладеть. Я был непослушен не потому, что избрал лучшую часть, а из любви к игре; я любил побеждать в состязаниях и гордился этими победами. Я тешил свой слух лживыми сказками, которые только разжигали любопытство, и меня всё больше и больше подзуживало взглянуть собственными глазами на зрелища, игры старших. Те, кто устраивает их, имеют столь высокий сан, что почти все желают его для детей своих, и в то же время охотно допускают, чтобы их секли, если эти зрелища мешают их учению; родители хотят, чтобы оно дало их детям возможность устраивать такие же зрелища. Взгляни на это, Господи, милосердным оком и освободи нас, уже призывающих Тебя; освободи и тех, кто еще не призывает Тебя; да призовут Тебя, и Ты освободишь их.

XI

17. Я слышал еще мальчиком о вечной жизни, обещанной нам через уничижение Господа нашего, нисшедшего к гордости нашей. Я был ознаменован Его крестным знамением и осолен Его солью по выходе из чрева матери моей[1], много на Тебя уповавшей. Ты видел, Господи, когда я был еще мальчиком, то однажды я так расхворался от внезапных схваток в животе, что был почти при смерти; Ты видел, Боже мой, ибо уже тогда был Ты Хранителем моим, с каким душевным порывом и с какой верой требовал я от благочестивой матери моей и от общей нашей матери Церкви, чтобы меня окрестили во имя Христа Твоего, моего Бога и Господа. И моя мать по плоти, с верой в Тебя бережно вынашивавшая в чистом сердце своем вечное спасение мое, в смятении торопилась омыть меня и приобщить к Святым Твоим Таинствам, Господи Иисусе, ради отпущения грехов моих, как вдруг я выздоровел. Таким образом, очищение мое отложили, как будто необходимо было, чтобы, оставшись жить, я еще больше вывалялся в грязи; по-видимому, грязь преступлений, совершенных после этого омовения, вменялась в бóльшую и более

[1] Обряд, предшествующий Крещению.

страшную вину. Итак, я уже верил, верила моя мать и весь дом, кроме отца, который не одолел, однако, во мне уроков материнского благочестия и не удержал от веры в Христа, в Которого сам еще не верил. Мать постаралась, чтобы отцом моим был скорее Ты, Господи, чем он, и Ты помог ей взять в этом верх над мужем, которому она, превосходя его, подчинялась, ибо и в этом подчинялась, конечно, Тебе и Твоему повелению.

18. Господи, я хочу узнать, если Тебе угодно, с каким намерением отложено было тогда мое крещение: во благо ли отпущены мне были вожжи моим греховным склонностям? или они не были отпущены? Почему и до сих пор в ушах у меня со всех сторон звенит от слова, то об одном человеке, то о другом: «Оставь его, пусть делает: ведь он еще не крещен». Когда дело идет о телесном здоровье, мы ведь не говорим: «Оставь, пусть его еще ранят: он еще не излечился». Насколько лучше и скорее излечился бы я, заботясь об этом и сам, и вместе со своими близкими, дабы сенью Твоей осенено было душевное спасение, дарованное Тобой. Было бы, конечно, лучше. Какая, однако, буря искушений нависает над человеком по выходе из детства, мать моя это знала и предпочитала, чтобы она разразилась лучше над прахом земным, кото-

рый потом преобразится, чем над самим образом Божиим.

XII

19. В детстве моем, которое внушало меньше опасностей, чем юность, я не любил занятий и терпеть не мог, чтобы меня к ним принуждали; меня тем не менее принуждали, и это было хорошо для меня, но сам я делал нехорошо; если бы меня не заставляли, я бы не учился. Никто ничего не делает хорошо, если это против воли, даже если человек делает что-то хорошее. И те, кто принуждал меня, поступали нехорошо, а хорошо это оказалось для меня по Твоей воле, Господи. Они ведь только и думали, чтобы я приложил то, чему меня заставляли учиться, к насыщению ненасытной жажды нищего богатства и позорной славы. Ты же, «у Которого сочтены волосы наши»[1], пользовался, на пользу мою, заблуждением всех настаивавших, чтобы я учился, а моим собственным — неохотой к учению — Ты пользовался для наказания моего, которого я вполне заслуживал, я, маленький мальчик и великий грешник. Так через поступавших нехорошо Ты благодетельствовал мне и за мои собственные

[1] Мф 10, 30.

грехи справедливо воздавал мне. Ты повелел ведь — и так и есть, — чтобы всякая неупорядоченная душа сама в себе несла свое наказание.

XIII

20. В чем, однако, была причина, что я ненавидел греческий, которым меня пичкали с раннего детства? Это и теперь мне не вполне понятно. Латынь я очень любил, только не то, чему учат в начальных школах, а уроки так называемых грамматиков. Первоначальное обучение чтению, письму и счету казалось мне таким же тягостным и мучительным, как весь греческий. Откуда это, как не от греха и житейской суетности, ибо «я был плотью и дыханием, скитающимся и не возвращающимся»[1]. Это первоначальное обучение, давшее мне в конце концов возможность и читать написанное, и самому писать что вздумается, было, конечно, лучше и надежнее тех уроков, на которых меня заставляли заучивать блуждания какого-то Энея[2], забывая о своих собственных; плакать над умершей Дидоной, по-

[1] Пс 77, 39.

[2] Эней — главный герой поэмы «Энеида» Вергилия, описывающей скитания Энея. Карфагенская царица Дидона полюбила Энея; после разлуки с ним она покончила с собой.

кончившей с собой от любви, — и это в то время, когда я не проливал, несчастный, слез над собою самим, умирая среди этих занятий для Тебя, Господи, Жизнь моя.

21. Что может быть жалостнее жалкого, который не жалеет себя и оплакивает Дидону, умершую от любви к Энею, и не оплакивает себя, умирающего потому, что нет в нем любви к Тебе, Господи, Свет, освещающий сердце мое; Хлеб для уст души моей, Сила, оплодотворяющая разум мой и лоно мысли моей. Я не любил Тебя, я изменял Тебе, и клики одобрения звенели вокруг изменника. Дружба с этим миром — измена Тебе[1]: ее приветствуют и одобряют, чтобы человек стыдился, если он ведет себя не так, как все. И я не плакал об этом, а плакал о Дидоне, «угасшей, проследовавшей к последнему пределу»[2], — я, следовавший сам за последними созданиями Твоими, покинувший Тебя, я, земля, идущая в землю. И я загрустил бы, если бы мне запретили это чтение, потому что не мог бы читать книгу, над которой грустил. И эти глупости считаются более почтенным и высоким образованием, чем обучение чтению и письму.

[1] Ср. Иак 4, 4.
[2] Энеида 6, 457.

22. Господи, да воскликнет сейчас в душе моей и да скажет мне правда Твоя: «Это не так, это не так». Гораздо выше, конечно, простая грамота. Я готов скорее позабыть о блужданиях Энея и обо всем прочем в том же роде, чем разучиться читать и писать. Над входом в школы грамматиков свисают полотнища, но это не знак тайны, внушающей уважение; это прикрытие заблуждения. Да не поднимают против меня крика те, кого я уже не боюсь, исповедуясь Тебе, Боже мой, в том, чего хочет душа моя: я успокаиваюсь осуждением злых путей своих, дабы возлюбить благие пути Твои. Да не поднимают против меня крика продавцы и покупатели литературной премудрости; ведь если я предложу им вопрос, правду ли говорит поэт, что Эней когда-то прибыл в Карфаген, то менее образованные скажут, что они не знают, а те, кто пообразованнее, определенно ответят, что это неправда. Если же я спрошу, из каких букв состоит имя «Эней», то все выучившиеся грамоте ответят мне правильно, в соответствии с тем уговором, по которому людям заблагорассудилось установить смысл этих знаков[1]. И если я спрошу, от чего у них в жизни произойдет больше затруднений: от того ли, что они позабудут грамоту, или от того,

[1] Т. е. букв.

что позабудут эти поэтические вымыслы, — то разве не очевидно, как ответит человек, находящийся в здравом уме? Я грешил, следовательно, мальчиком, предпочитая пустые россказни полезным урокам, вернее сказать, ненавидя одни и любя другие. Один да один — два; два да два — четыре; мне ненавистно было тянуть эту песню[1] и сладостно было суетное зрелище: деревянный конь, полный вооруженных, пожар Трои и «тень Креусы самой»[2].

XIV

23. Почему же ненавидел я греческую литературу, которая полна таких рассказов? Гомер ведь умеет искусно сплетать такие басни; в своей суетности он так сладостен, и тем не менее мне, мальчику, он был горек. Я думаю, что таким же для греческих мальчиков оказывается и Вергилий, если их заставляют изучать его так же, как меня Гомера. Трудности, очевидно обычные трудности при изучении чужого языка, окропили, словно желчью, всю прелесть греческих баснословий. Я не знал ведь еще ни одного слова по-гречески, а на меня налегали,

[1] Таков был метод обучения счету.

[2] Энеида. 2, 772.

чтобы я выучил его, не давая ни отдыха, ни сроку и пугая жестокими наказаниями. Было время, когда я, малюткой, не знал ни одного слова по-латыни, но я выучился ей на слух, безо всякого страха и мучений, от кормилиц, шутивших и игравших со мной, среди ласковой речи, веселья и смеха. Я выучился ей без тягостного и мучительного принуждения, ибо сердце мое понуждало рожать зачатое, а родить было невозможно, не выучи я, не за уроками, а в разговоре, тех слов, которыми я передавал слуху других то, что думал. Отсюда явствует, что для изучения языка гораздо важнее свободная любознательность, чем грозная необходимость. Течению первой ставит плотину вторая — по законам Твоим, Господи, по законам Твоим, управляющим и учительской линейкой, и искушениями праведников, — по законам, которыми властно определено литься спасительной горечи, призывающей нас обратно к Тебе от ядовитой сладости, заставившей отойти от Тебя.

XV

24. Услыши, Господи, молитву мою, да не ослабнет душа моя под началом Твоим, да не ослабну я, свидетельствуя пред Тобою о милосердии Твоем, исхитившем меня от всех злых путей

моих; стань для меня сладостнее всех соблазнов, увлекавших меня; да возлюблю Тебя всеми силами, прильну к руке Твоей всем сердцем своим; избавь меня от всякого искушения до конца дней моих. Вот, Господи, Ты Царь мой и Бог мой, и да служит Тебе все доброе, чему я выучился мальчиком, да служит Тебе и слово мое, и писание, и чтение, и счет. Когда я занимался суетной наукой, Ты взял меня под свое начало и отпустил мне грех моего увлечения этой суетой. Я ведь выучил и там много полезных слов, хотя им можно было научиться, занимаясь предметами и несуетными: вот верный путь, по которому должны бы идти дети.

XVI

25. Горе тебе, людской обычай, подхватывающий нас потоком своим! Кто воспротивится тебе? Когда же ты иссохнешь? Доколе будешь уносить сынов Евы в огромное и страшное море, которое с трудом переплывают и взошедшие на корабль? Разве не читал я, увлекаемый этим потоком, о Юпитере, и гремящем и прелюбодействующем? Это невозможно одновременно, но так написано, чтобы изобразить, как настоящее, прелюбодеяние, совершаемое под грохот мнимого грома-сводника.

Кто из этих учителей в плащах трезвым ухом прислушивается к словам человека, созданного из того же праха и воскликнувшего: «Это выдумки Гомера: человеческие свойства он перенес на богов — я предпочел бы, чтобы Божественные — на нас»[1]? Правильнее, однако, сказать, что выдумки — выдумками; но когда преступным людям приписывают божественное достоинство, то преступления перестают считаться преступлениями и совершающий их кажется подражателем не потерянных людей, а самих богов — небожителей.

26. И однако в тебя, адский поток, бросают сынов человеческих, чтобы они учили это, притом еще за плату! Какое великое дело делается, делается публично, на форуме пред лицом законов, назначающих сверх платы от учеников еще плату от города! Ты ударяешься волнами о свои скалы и звенишь: «Тут учатся словам, тут приобретают красноречие, совершенно необходимое, чтобы убеждать и развивать свои мысли». Мы действительно не узнали бы таких слов, как: «золотой дождь», «лоно», «обман», «небесный храм» и прочих слов, там написанных, если бы Теренций не вывел молодого повесу, который, рассмотрев нарисованную на стене картину, берет себе в разврате за образец Юпитера. На кар-

[1] *Цицерон*. Тускуланские беседы. I, 26, 65.

тине было изображено, каким образом Юпитер некогда пролил в лоно Данаи золотой дождь и обманул женщину. И посмотри, как он разжигает в себе похоть, как будто поучаемый с небес:

И бог какой, великим громом храм небесный сотрясавший!

Ну как не совершить того же мне, человеку малому?[1]

Нет, неверно, неверно, что легче заучить эти слова в силу их мерзкого содержания; такие слова позволяют спокойнее совершать эти мерзости. Я осуждаю не слова, эти отборные и драгоценные сосуды, а то вино заблуждения, которое подносят нам в них пьяные учителя; если бы мы его не пили, нас бы секли и не позволили позвать в судьи трезвого человека. И однако, Боже мой, пред очами Твоими я могу уже спокойно вспоминать об этом: я охотно этому учился, наслаждался этим, несчастный, и поэтому меня называли мальчиком, подающим большие надежды.

XVII

27. Позволь мне, Господи, рассказать, на какие бредни растрачивал я способности мои,

[1] *Теренций*. Евнух. 585 и след.

дарованные Тобой. Мне предложена была задача, не дававшая душе моей покоя: произнести речь Юноны, разгневанной и опечаленной тем, что она не может повернуть от Италии царя тевкров[1]. Наградой была похвала; наказанием — позор и розги. Я никогда не слышал, чтобы Юнона произносила такую речь, но нас заставляли блуждать по следам поэтических выдумок и в прозе сказать так, как было сказано поэтом в стихах. Особенно хвалили того, кто сумел выпукло и похоже изобразить гнев и печаль в соответствии с достоинством вымышленного лица и одеть свои мысли в подходящие слова. Чтó мне с того, Боже мой, истинная Жизнь моя! Чтó мне с того, что мне за декламации мои рукоплескали больше, чем многим сверстникам и соученикам моим? Разве все это не дым и ветер? Не было разве других тем, чтобы упражнять мои способности и мой язык? Славословия Тебе, Господи, славословия Тебе из Писания Твоего должны были служить опорой побегам сердца моего! Его не схватили бы пустые безделки, как жалкую добычу крылатой стаи. Не на один ведь лад приносится жертва ангелами-отступниками.

[1] Тевкры — троянцы. Царь тевкров — Эней.

XVIII

28. Удивительно ли, что меня уносило суетой и я уходил от Тебя, Господи, во внешнее? Мне ведь в качестве примера ставили людей, приходивших в замешательство от упреков в варваризме или солецизме, допущенном ими в сообщении о своем хорошем поступке, и гордившихся похвалами за рассказ о своих похождениях, если он был велеречив и украшен, составлен в словах верных и правильно согласованных. Ты видишь это, Господи, и молчишь, «долготерпеливый, многомилостивый и справедливый»[1]. Всегда ли будешь молчать? И сейчас вырываешь Ты из этой бездонной пропасти душу, ищущую Тебя и жаждущую услады Твоей, человека, «чье сердце говорит Тебе: я искал лица Твоего; лицо Твое, Господи, я буду искать»[2]. Далек от лица Твоего был я, омраченный страстью. От Тебя ведь уходят и к Тебе возвращаются не ногами и не в пространстве. Разве Твой младший сын искал для себя лошадей, повозку или корабль? Разве он улетел на видимых крыльях или отправился в дорогу пешком, чтобы, живя в дальней стороне, расточить и растратить состояние, которое

[1] Ср. Пс 102, 8; 85, 15.
[2] Пс 26, 8.

Ты дал ему перед уходом? Ты дал его, нежный Отец, и был еще нежнее к вернувшемуся нищему. Он жил в распутстве, то есть во мраке страстей, а это и значит быть далеко от лица Твоего.

29. Посмотри, Господи, и терпеливо, как Ты и смотришь, посмотри, как тщательно соблюдают сыны человеческие правила, касающиеся букв и слогов, полученные ими от прежних мастеров речи, и как пренебрегают они от Тебя полученными непреложными правилами вечного спасения. Если человек, знакомый с этими старыми правилами относительно звуков или обучающий им, произнесет вопреки грамматике слово homo без придыхания в первом слоге, то люди возмутятся больше, чем в том случае, если, вопреки заповедям Твоим, он, человек, будет ненавидеть человека. Ужели любой враг может оказаться опаснее, чем сама ненависть, бушующая против этого врага? Можно ли, преследуя другого, погубить его страшнее, чем губит вражда собственное сердце? И, конечно, знание грамматики живет не глубже в сердце, чем запечатленное в нем сознание, что ты делаешь другому то, чего сам терпеть не пожелаешь. Как далек Ты, обитающий на высотах в молчании, Господи, Единый, Великий, посылающий по неусыпному закону карающую слепоту на недозволенные страсти! Когда человек в погоне за

славой красноречивого оратора перед человеком — судьей, окруженный толпой людей, преследует в бесчеловечной ненависти врага своего, он всячески остерегается обмолвки «среди людей» и вовсе не остережется в неистовстве своем убрать человека из среды людей.

XIX

30. Вот на пороге какой жизни находился я, несчастный, и вот на какой арене я упражнялся. Мне страшнее было допустить варваризм, чем остеречься от зависти к тем, кто его не допустил, когда допустил я. Говорю Тебе об этом, Господи, и исповедую пред Тобой, за что хвалили меня люди, одобрение которых определяло для меня тогда пристойную жизнь. Я не видел пучины мерзостей, в которую «был брошен прочь от очей Твоих»[1]. Как я был мерзок тогда, если даже этим людям доставлял неудовольствие, без конца обманывая и воспитателя, и учителей, и родителей из любви к забавам, из желания посмотреть пустое зрелище, из веселого и беспокойного обезьянничанья. Я воровал из родительской кладовой и со стола от обжорства или чтобы иметь чем заплатить мальчикам,

[1] Пс 30, 23.

продававшим мне свои игрушки, хотя и для них они были такою же радостью, как и для меня. В игре я часто обманом ловил победу, сам побежденный пустой жаждой превосходства. Разве я не делал другим того, чего сам испытать ни в коем случае не хотел, уличенных в чем жестоко бранил? А если меня уличали и бранили, я свирепел, а не уступал.

И это детская невинность? Нет, Господи, нет! Позволь мне сказать это, Боже мой. Всё это одинаково: в начале жизни — воспитатели, учителя, орехи, мячики, воробьи; когда же человек стал взрослым — префекты, цари, золото, поместья, рабы, — в сущности, всё это одно и то же, только линейку сменяют тяжелые наказания. Когда Ты сказал, Царь наш: «Таковых есть Царство Небесное»[1], Ты одобрил смирение, символ которого — маленькая фигурка ребенка.

XX

31. И всё же, Господи, совершеннейший и благой Создатель и Правитель вселенной, благодарю Тебя, даже если бы Ты захотел, чтобы я не вышел из детского возраста. Я был уже тогда, я жил и чувствовал; я заботился о своей сохран-

[1] Мф 19, 14.

ности — след таинственного единства, из которого я возник. Движимый внутренним чувством, я оберегал в сохранности свои чувства: я радовался истине в своих ничтожных размышлениях и по поводу ничтожных предметов. Я не хотел попадать впросак, обладал прекрасной памятью, учился владеть речью, умилялся дружбе, избегал боли, презрения, невежества. Что не заслуживает удивления и похвалы в таком существе?

И всё это дары Бога моего; не сам я дал их себе; всё это хорошо, и всё это — я. Благ, следовательно, Тот, Кто создал меня, и Сам Он благо мое, и, ликуя, благодарю я Его за все блага, благодаря которым я существовал с детского возраста. Грешил же я в том, что искал наслаждения, высоты и истины не в Нем Самом, а в созданиях Его: в себе и в других, и таким образом впадал в страдания, смуту и ошибки.

Благодарю Тебя, радость моя, честь моя, опора моя. Боже мой, благодарю Тебя за дары Твои: сохрани их мне. Так сохранишь Ты меня, и то, что Ты дал мне, увеличится и усовершится, и сам я буду с Тобой, ибо и самую жизнь Ты даровал мне.

КНИГА ВТОРАЯ

I

1. Я хочу вспомнить прошлые мерзости свои и плотскую испорченность души моей не потому, что я люблю их, но чтобы возлюбить Тебя, Боже мой. Из любви к любви Твоей делаю я это, в горькой печали воспоминания перебираю преступные пути свои. Обрадуй меня, Господи, Радость неложная, Радость счастья и безмятежности, собери меня, в рассеянии и раздробленности своей отвратившегося от Тебя, Единого, и потерявшегося во многом. Когда-то в юности горело сердце мое насытиться адом, не убоялась душа моя густо зарасти бурьяном темной любви, истаяла красота моя, и стал я гнилью пред очами Твоими, — нравясь себе и желая нравиться очам людским.

II

2. Что же доставляло мне наслаждение, как не любить и быть любимым? Только душа моя, тянувшаяся к другой душе, не умела соблюсти меру, остановясь на светлом рубеже дружбы; туман поднимался из болота плотских желаний

и бившей ключом возмужалости, затуманивал и помрачал сердце мое, и за мглою похоти уже не различался ясный свет привязанности. Обе кипели, сливаясь вместе, увлекали неокрепшего юношу по крутизнам страстей и погружали его в бездну пороков.

Возобладал надо мною гнев Твой, а я и не знал этого. Оглох я от звона цепи, наложенной смертностью моей, наказанием за гордость души моей. Я уходил все дальше от Тебя, и Ты дозволял это; я метался, растрачивал себя, разбрасывался, кипел в распутстве своем, и Ты молчал. О, поздняя Радость моя! Ты молчал тогда, и я уходил все дальше и дальше от Тебя, в гордости падения и беспокойной усталости выращивая богатый посев бесплодных печалей.

3. Кто упорядочил бы скорбь мою, обратил бы мне на пользу ускользающую прелесть всякой новизны, поставил бы предел моим увлечениям? Пусть бы о берег супружеской жизни разбилась буря моего возраста, и если уж не может в нем быть покоя, пусть бы удовлетворился я рождением детей, согласно предписаниям закона Твоего, Господи! Ты создаешь потомство нам, смертным, и можешь ласковой рукой обломать острые колючки, которые не растут в раю Твоем. Недалеко от нас всемогущество Твое, даже если мы далеко от Тебя. Если бы внимательнее

прислушался я к голосу облаков Твоих: «Будут иметь скорби по плоти, и Я избавлю вас от них», и «хорошо человеку не касаться женщины», и «неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу, а женатый заботится о мирском, как угодить жене»[1]! К этим словам внимательнее бы прислушаться! Оскопленный ради Царства Небесного, я, счастливый, ожидал бы объятий Твоих.

4. Страсти кипели во мне, несчастном; увлеченный их бурным потоком, я оставил Тебя, я преступил все законы Твои и не ушел от бича Твоего; а кто из смертных ушел? Ты всегда около, милосердный в жестокости, посыпавший горьким-горьким разочарованием все недозволенные радости мои, — да ищу радость, не знающую разочарования. Только в Тебе и мог бы я найти ее, только в Тебе, Господи, Который создаешь печаль в поучение, поражаешь, чтобы излечить, убиваешь, чтобы мы не умерли без Тебя[2].

Где был я? Как далеко скитался от счастливого дома Твоего в этом шестнадцатилетнем возрасте моей плоти, когда надо мною подъяла скипетр свой целиком меня покорившая безумная

[1] 1 Кор 7, 28; 1; 32–33.
[2] Ср. Втор 32, 39.

похоть, людским неблагообразием дозволенная, законами Твоими не разрешенная. Мои близкие не позаботились подхватить меня, падающего, и оженить; их заботило только, чтобы я выучился как можно лучше говорить и убеждать своей речью.

III

5. На этот год занятия мои, впрочем, были прерваны: я вернулся из Мадавры, соседнего города, куда было переехал для изучения литературы и ораторского искусства; копили деньги для более далекой поездки в Карфаген, которой требовало отцовское честолюбие и не позволяли его средства: был он в Тагасте человеком довольно бедным. Кому рассказываю я это? Не Тебе, Господи, но перед Тобою рассказываю семье моей, семье людской, как бы ничтожно ни было число тех, кому попадется в руки эта книга. И зачем? Конечно, чтобы я и всякий читающий подумали, «из какой бездны приходится взывать к Тебе»[1]. А что ближе ушей Твоих к сердцу, которое исповедуется Тебе и живет по вере Твоей?

Кто не превозносил тогда похвалами моего земного отца за то, что он тратился на сына

[1] Пс 129, 1.

сверх своих средств, предоставляя ему даже возможность далеко уехать ради учения. Очень многие, гораздо более состоятельные горожане, не делали для детей своих ничего подобного. И в то же время этот отец не обращал никакого внимания, каким расту я перед Тобою и пребываю ли в целомудрии, — лишь бы только в красноречии был я прославлен, вернее, оставлен попечением Твоим, Господи, единственный, настоящий и добрый хозяин нивы Твоей, моего сердца.

6. В шестнадцатилетнем возрасте своем, прервав по домашним обстоятельствам школьные занятия, жил я вместе с родителями на досуге, ничего не делая, и колючая чаща моих похотей разрослась выше головы моей; не было руки выкорчевать ее. Наоборот, когда отец мой увидел в бане, что я мужаю, что я уже в одежде юношеской тревоги, он радостно сообщил об этом матери, словно уже мечтал о будущих внуках, радуясь опьянению, в котором этот мир забывает Тебя, Создателя своего, и вместо Тебя любит творение Твое, упиваясь невидимым вином извращенной, клонящейся вниз воли. В сердце матери моей, однако, Ты основал храм Свой и положил основание святой обители Твоей; отец мой был только оглашенным, и то с недавних пор. Она же была вне себя от благочестивого

волнения и страха: хотя я еще не был окрещен, но она боялась для меня кривых путей, по которым ходят те, кто поворачивается к Тебе спиной, а не лицом.

7. Горе мне! И я осмеливаюсь говорить, что Ты молчал, Господи, когда я уходил от Тебя! Разве так молчат?! Кому, как не Тебе, принадлежали слова, которые через мою мать, верную служанку Твою, твердил Ты мне в уши? Ни одно из них не дошло до сердца моего, ни одного из них я не послушался. Мать моя хотела, чтобы я не распутничал, и особенно боялась связи с замужней женщиной, — я помню, с каким беспокойством уговаривала она меня наедине. Это казалось мне женскими уговорами; мне стыдно было их слушаться. А на самом деле они были Твоими, но я не знал этого и думал, что Ты молчишь, а говорит моя мать. Ты через нее обращался ко мне, и в ней презрел я Тебя, я, ее сын, «сын служанки Твоей, раб Твой»[1]. Я не знал этого и стремглав катился вниз, ослепленный настолько, что мне стыдно было перед сверстниками своей малой порочности. Я слушал их хвастовство своими преступлениями; чем они были мерзее, тем больше они хвастались собой. Мне и распутничать нравилось не только из любви к распутству,

[1] Пс 115, 7.

но и из тщеславия. Не порок ли заслуживает порицания? А я, боясь порицания, становился порочнее, и если не было проступка, в котором мог бы я сравниваться с другими негодяями, то я сочинял, что мною сделано то, чего я в действительности не делал, лишь бы меня не презирали за мою невинность и не ставили бы ни в грош за мое целомудрие.

8. Вот с какими товарищами разгуливал я по площадям «Вавилона»[1] и валялся в его грязи, словно в кинамоне и драгоценных благоуханиях. И чтобы я крепче завяз в самой трясине его, втаптывал меня туда невидимый враг, не прекращая соблазнов своих. А меня легко было соблазнить. И та, которая уже «бежала из середины Вавилона»[2] и медленно шла по окраинам его, моя мать по плоти, уговаривавшая меня соблюдать чистоту, не позаботилась, однако, обуздать супружеской привязанностью то, о чем услышала от мужа, если уж нельзя было вырезать это до живого мяса. А губительность этого в те дни и опасность в дальнейшем она понимала. Она не позаботилась о моей женитьбе из боязни, как бы брачные колодки не помешали осуществиться надеждам, — не тем надеждам

[1] Т. е. Тагасты.
[2] Ср. Иер 51, 6.

на будущую жизнь, возлагаемым на Тебя матерью, но надеждам на успехи в науках, изучить которые я должен был по горячему желанию и отца, и матери: отец хотел этого потому, что о Тебе у него почти не было мыслей, а обо мне были пустые; мать же считала, что эти занятия в будущем не только не принесут мне вреда, но до некоторой степени и помогут найти Тебя. Так я догадываюсь, раздумывая по мере сил над характером моих родителей. Мне даже предоставили в моих забавах большую свободу, чем это требовалось разумной строгостью, и я без удержу предался различным страстям, которые мглою своею закрывали от меня, Господи, сияние истины Твоей, и возросла, словно на тучной земле, неправда моя.

IV

9. Воровство, конечно, наказывается по закону Твоему, Господи, и по закону, написанному в человеческом сердце[1], который сама неправда уничтожить не может. Найдется ли вор, который спокойно терпел бы вора? И богач не терпит человека, принужденного к воровству нищетой. Я же захотел совершить воровство, и я совершил

[1] Ср. Рим 2, 15.

его, толкаемый не бедностью или голодом, а от отвращения к справедливости и от объядения грехом. Я украл то, что у меня имелось в изобилии и притом было гораздо лучше: я хотел насладиться не тем, что стремился уворовать, а самим воровством и грехом. По соседству с нашим виноградником стояла груша, отягощенная плодами, ничуть не соблазнительными ни по виду, ни по вкусу. Негодные мальчишки, мы отправились отрясти ее и забрать свою добычу в глухую полночь; по губительному обычаю наши уличные забавы затягивались до этого времени. Мы унесли оттуда огромную ношу не для еды себе (если даже кое-что и съели); и мы готовы были выбросить ее хоть свиньям, лишь бы совершить поступок, который тем был приятен, что был запретен. Вот сердце мое, Господи, вот сердце мое, над которым Ты сжалился, когда оно было на дне бездны. Пусть скажет Тебе сейчас сердце мое, зачем оно искало быть злым безо всякой цели. Причиной моей испорченности была ведь только моя испорченность. Она была гадка, и я любил ее; я любил погибель; я любил падение свое; не то, что побуждало меня к падению; самое падение свое любил я, гнусная душа, скатившаяся из крепости Твоей в погибель, ищущая желанного не путем порока, но ищущая самый порок.

V

10. Есть своя прелесть в красивых предметах, в золоте, серебре и прочем; только взаимная приязнь делает приятным телесное прикосновение; каждому чувству говорят воспринимаемые им особенности предметов. В земных почестях, в праве распоряжаться и стоять во главе есть своя красота; она заставляет и раба жадно стремиться к свободе. Нельзя, однако, в погоне за всем этим отходить от Тебя, Господи, и удаляться от закона Твоего. Жизнь, которой мы живем здесь, имеет свое очарование: в ней есть некое свое благолепие, соответствующее всей земной красоте. Сладостна людская дружба, связывающая милыми узами многих в одно. Ради всего этого человек и позволяет себе грешить и в неумеренной склонности к таким, низшим, благам покидает Лучшее и Наивысшее, Тебя, Господи Боже наш, правду Твою и закон Твой. В этих низших радостях есть своя услада, но не такая, как в Боге моем, Который создал всё, ибо в Нем наслаждается праведник[1] и Сам Он наслаждение для праведных сердцем.

11. Итак, когда спрашивают, по какой причине совершено преступление, то обычно она

[1] Ср. Пс 63, 11.

представляется вероятной только в том случае, если можно обнаружить или стремление достичь какое-либо из тех благ, которые мы назвали низшими, или же страх перед их потерей. Они прекрасны и почетны, хотя по сравнению с высшими, счастливящими человека, презренны и низменны. Он убил человека. Почему? Он влюбился в его жену или ему понравилось его имение; он хотел его ограбить, чтобы на это жить; он боялся, что тот нанесет ему крупные потери; он был обижен и горел желанием отомстить. Разве совершил бы человек убийство без причины, из наслаждения самим убийством? Кто этому поверит? Даже для того жестокого безумца, о котором сказано, что он был зол и жесток просто так по себе, без всяких оснований, приведена причина: «Рука и душа не должны становиться вялыми от бездействия»[1]. В чем дело? Почему? Чтобы, совершая преступление за преступлением, получить по взятии города почести, власть, богатство; чтобы не бояться законов и не жить в затруднительных обстоятельствах, нуждаясь и сознавая свои преступления. Сам Катилина, следовательно, не любил преступлений своих и, во всяком случае, совершал их ради чего-то.

[1] *Саллюстий*. Заговор Катилины. 16, 3.

VI

12. Что же было мне, несчастному, мило в тебе, воровство мое, ночное преступление мое, совершенное в шестнадцатилетнем возрасте? То не было прекрасно, будучи воровством; представляешь ли ты вообще нечто, о чем стоило бы говорить с Тобой? Прекрасны были те плоды, которые мы украли, потому что они были Твоим созданием, прекраснейший из всех. Творец всего, благий Господи, Ты высшее Благо и истинное Благо мое; прекрасны были те плоды, но не их желала жалкая душа моя. У меня в изобилии были лучшие: я сорвал их только затем, чтобы украсть. Сорванное я бросил, отведав одной неправды, которой радостно насладился. Если какой из этих плодов я и положил себе в рот, то приправой к нему было преступление. Господи Боже мой, я спрашиваю теперь, что доставляло мне удовольствие в этом воровстве? В нем нет никакой привлекательности, не говоря уже о той, какая есть в справедливости и благоразумии, какая есть в человеческом разуме, в памяти, чувствах и полной сил жизни; нет красоты звезд, украшающих места свои; красоты земли и моря, полных созданиями, сменяющими друг друга в рождении и смерти; в нем нет даже той

ущербной и мнимой привлекательности, которая есть в обольщающем пороке.

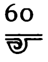
13. И гордость ведь прикидывается высотой души, хотя Ты один возвышаешься над всеми, Господи. Разве честолюбие не ищет почестей и славы? Но Тебя одного надлежит почитать больше всех и славить вовеки. И жестокая власть хочет внушить страх — но кого следует бояться, кроме одного Бога? Что можно вырвать или спрятать от Его власти? Когда, где, каким образом, с чьей помощью? И нежность влюбленного ищет ответной любви — но нет ничего нежнее Твоего милосердия, и нет любви спасительнее, чем любовь к правде Твоей, которая прекраснее и светлее всего в мире. И любознательность, по-видимому, усердно ищет знания — но Ты один обладаешь полнотой его. Даже невежество и глупость прикрываются именами простоты и невинности — но ведь ничего нельзя найти проще Тебя. Что невиннее Тебя? — ведь злым на гóре обращаются собственные дела их[1]. Лень представляется желанием покоя — но только у Господа верный покой. Роскошь хочет называться удовлетворенностью и достатком. Ты — полнота и неиссякающее изобилие сладости, не знающей ущерба. Расточительность принима-

[1] Пс 7, 17.

ет вид щедрости — но ведь все блага в избытке раздаешь Ты. Скупость хочет владеть многим; Ты владеешь всем. Зависть ведет тяжбу за превосходство — что превосходит Тебя? Гнев ищет мести — кто отомстит справедливее Тебя? Страх, боясь необычной и внезапной беды, заранее старается обеспечить безопасность тому, что любит. Что для Тебя необычно? Что внезапно? Кто сможет отнять от Тебя то, что Ты любишь? И где, кроме Тебя, полная безопасность? Люди убиваются в печали, потеряв то, чем наслаждалась их жадность, которая не хочет ничего терять, — но только от Тебя нельзя ничего отнять.

14. Так блудит душа, отвратившаяся от Тебя и вне Тебя ищущая то, что найдет чистым и беспримесным, только вернувшись к Тебе. Все, кто удаляются от Тебя и поднимаются против Тебя, уподобляются Тебе в искаженном виде. Но даже таким уподоблением они свидетельствуют о том, что Ты Творец всего мира, и поэтому уйти от Тебя вообще некуда.

Итак, что же было мне мило в том воровстве? И в чем искаженно и извращенно уподоблялся я Господу моему? Или мне было приятно хотя бы обмануть закон, раз уж я не мог сокрушить его в открытую, и я, как пленник, создавал себе куцее подобие свободы, безнаказанно занимаясь тем, что было запрещено, теша себя тенью

и подобием всемогущества? Вот раб, убегающий от господина своего и настигший тень. О тлен, о ужас жизни, о глубина смерти! Может ли быть любезно то, что запретно, и только потому, что оно запретно?

VII

15. «Что воздам Господу»[1] из того, что собрала память моя и перед чем не устрашилась бы душа моя? Возлюблю Тебя, Господи, возблагодарю, исповедую имя Твое, ибо отпустил Ты мне столько злого и преступного! По милости Твоей и по милосердию Твоему растопил Ты грехи мои, как лед. По милости Твоей Ты не допустил меня совершить некоторых злодеяний — а чего бы я не наделал, я, бескорыстно любивший преступление? И я свидетельствую, что всё отпущено мне: и то зло, которое совершил я по своей воле, и то, которого не совершил, руководимый Тобою. Кто из людей, раздумывая над своей немощью, осмелится приписать свое целомудрие и невинность собственным силам и станет меньше любить Тебя? — будто ему не нужно Твоего милосердия, по которому отпускаешь Ты грехи обратившимся к Тебе? И пусть человек, которого Ты призвал

[1] Пс 115, 3.

и который, последовав за голосом Твоим, избежал того, о чем он прочтет в моих воспоминаниях и в моих признаниях, не смеется надо мною: меня ведь, больного, вылечил Тот Врач, Который не дал ему захворать или, вернее, не дал захворать так сильно. Пусть за это он возлюбит Тебя в такой же мере, нет, даже больше. Ибо он увидит, Кто избавил меня от таких недугов греха, и увидит, что это Тот же, благодаря Которому он не запутался в таких же недугах греха.

VIII

16. Что извлек я, несчастный, из того, вспоминая о чем, я сейчас краснею, особенно из того воровства, в котором мне было мило само воровство и ничто другое? Да и само по себе оно было ничто, а я от этого самого был еще более жалок. И однако, насколько я помню мое тогдашнее состояние духа, я один не совершил бы его; один я никак не совершил бы его. Следовательно, я любил здесь еще сообщество тех, с кем воровал. Я любил, следовательно, кроме воровства, еще нечто, но и это нечто было ничем. Что же на самом деле? Кто научит меня, кроме Того, Кто просвещает сердце мое и рассеивает тени его? Зачем приходит мне в голову спрашивать, обсуждать и раздумывать? Ведь если бы мне

нравились те плоды, которые я украл, и мне хотелось бы ими наесться, если бы мне достаточно было совершить это беззаконие ради собственного наслаждения, то я мог бы действовать один. Нечего было разжигать зуд собственного желания, расчесывая его о соучастников. Наслаждение, однако, было для меня не в тех плодах; оно было в самом преступлении и создавалось сообществом вместе грешивших.

IX

17. Что это было за состояние души? Конечно, оно было очень гнусно, и горе мне было, что я переживал его. Что же это, однако, было? «Кто понимает преступления?»[1]. Мы смеялись, словно от щекотки по сердцу, потому что обманывали тех, кто и не подумал бы, что мы можем воровать, и горячо этому бы воспротивился. Почему же я наслаждался тем, что действовал не один? Потому ли, что наедине человек нелегко смеется? Нелегко, это верно, и однако иногда смех овладевает людьми в полном одиночестве, когда никого другого нет, если им представится или вспомнится что-нибудь очень смешное. А я один не сделал бы этого, никак не сделал бы один.

[1] Пс 18, 13.

Вот, Господи, перед Тобой живо припоминаю я состояние свое. Один бы я не совершил этого воровства, в котором мне нравилось не украденное, а само воровство; одному воровать мне бы не понравилось, я бы не стал воровать. О, вражеская дружба, неуловимый разврат ума, жажда вредить на смех и в забаву! Стремление к чужому убытку без погони за собственной выгодой, без всякой жажды отомстить, а просто потому, что говорят: «пойдем сделаем» и стыдно не быть бесстыдным.

X

18. Кто разберется в этих запутанных извивах? Они гадки: я не хочу останавливаться на них, не хочу их видеть. Я хочу Тебя, Справедливость и Невинность, прекрасная честным Светом Своим, насыщающая без пресыщения. У Тебя великий покой и жизнь безмятежная. Кто входит в Тебя, входит в «радость господина своего»[1], и не убоится, и будет жить счастливо в полноте блага. Я в юности отпал от Тебя, Господи, я скитался вдали от твердыни Твоей и сам стал для себя областью нищеты.

[1] Мф 25, 21.

КНИГА ТРЕТЬЯ

I

1. Я прибыл в Карфаген; кругом меня котлом кипела позорная любовь. Я еще не любил и любил любить и в тайной нужде своей ненавидел себя за то, что еще не так нуждаюсь. Я искал, что бы мне полюбить, любя любовь: я ненавидел спокойствие и дорогу без ловушек. Внутри у меня был голод по внутренней пище, по Тебе Самом, Боже мой, но не этим голодом я томился, у меня не было желания нетленной пищи не потому, что я был сыт ею: чем больше я голодал, тем больше ею брезгал.

Поэтому не было здоровья в душе моей: вся в язвах, бросилась она во внешнее, жадно стремясь почесаться, жалкая, о существа чувственные. Но если бы в них не было души, их, конечно, нельзя было бы полюбить.

Любить и быть любимым мне сладостнее, если я мог овладеть возлюбленной. Я мутил источник дружбы грязью похоти; я туманил ее блеск адским дыханием желания. Гадкий и бесчестный, в безмерной суетности своей я жадно хотел быть изысканным и светским. Я ринулся в любовь, я жаждал ей отдаться. Боже мой мило-

стивый, какой желчью поливал Ты мне, в благости Твоей, эту сладость. Я был любим, я тайком пробирался в тюрьму наслаждения, весело надевал на себя путы горестей, чтобы секли меня своими раскаленными железными розгами ревность, подозрения, страхи, гнев и ссоры.

II

2. Меня увлекали театральные зрелища, они были полны изображениями моих несчастий и служили разжигой моему огню. Почему человек хочет печалиться при виде горестных и трагических событий, испытать которые он сам отнюдь не желает? И тем не менее он, как зритель, хочет испытывать печаль, и сама эта печаль для него наслаждение. Удивительное безумие! Человек тем больше волнуется в театре, чем меньше он сам застрахован от подобных переживаний, но когда он мучится сам за себя, это называется обычно страданием; когда мучится вместе с другими — состраданием. Но как можно сострадать вымыслам на сцене? Слушателя ведь не зовут на помощь; его приглашают только печалиться, и он тем благосклоннее к автору этих вымыслов, чем больше печалится. И если старинные или вымышленные бедствия представлены так, что зритель не испытывает печали, то он уходит,

зевая и бранясь; если же его заставили печалиться, то он сидит, поглощенный зрелищем, и радуется.

3. Слезы, следовательно, и печали любезны? Каждый человек, конечно, хочет радоваться. Страдать никому не хочется, но хочется быть сострадательным, а так как нельзя сострадать, не печалясь, то не это ли и есть единственная причина, почему печаль любезна? Сострадание вытекает из источника дружбы. Но куда он идет? Куда течет? Зачем впадает он в поток кипящей смолы, в свирепый водоворот черных страстей, где сам, по собственному выбору, меняется, утрачивает свою небесную ясность, забывает о ней. Итак, прочь сострадание? Ни в коем случае! Да будут печали иногда любезны. Берегись, однако, скверны, душа моя, ты, находящаяся под покровом Бога отцов наших, достохвального и превозносимого во все века[1]; берегись скверны.

И теперь я доступен состраданию, но тогда, в театре, я радовался вместе с влюбленными, когда они наслаждались в позоре, хотя все это было только вымыслом и театральной игрой. Когда же они теряли друг друга, я огорчался вместе с ними, как бы сострадая им, и в обоих случаях наслаждался, однако. Теперь я больше

[1] Дан 3, 52.

жалею человека, радующегося на позор себе, чем того, кто вообразил, что жестоко страдает, лишившись губительного наслаждения и утратив жалкое счастье. Это, конечно, настоящее сострадание, но при нем печаль не доставляет удовольствия. Хотя человека, опечаленного чужим несчастьем, одобряют за эту службу любви, но, по-настоящему милосердный, он предпочел бы не иметь причины для своей печали. Если существует зложелательная благожелательность — что невозможно, — тогда и человек, исполненный искреннего и настоящего сострадания, мог бы пожелать, чтобы были страдальцы, которым бы он сострадал. Бывает, следовательно, скорбь, заслуживающая одобрения; нет ни одной заслуживающей любви. Господи Боже, любящий души, Твое сострадание неизмеримо чище нашего и неизменнее именно потому, что никакая печаль не может уязвить Тебя. «А кто способен к этому?»[1].

4. Но я тогда, несчастный, любил печалиться и искал поводов для печали: игра актера, изображавшего на подмостках чужое, вымышленное горе, больше мне нравилась и сильнее меня захватывала, если вызывала слезы. Что же удивительного, если я, несчастная овца,

[1] 2 Кор 2, 16.

отбившаяся от Твоего стада, не терпевшая охраны Твоей, опаршивел мерзкой паршой? Потому-то и была мила мне печаль — не та, которая проникает до глубины души: мне ведь не нравилось терпеть то, на что я любил смотреть — рассказ о вымышленных страданиях как бы скреб мою кожу, и, как от расчесывания ногтями, начиналось воспаление и отвратительная гнойная опухоль. Такова была жизнь моя, Господи: жизнью ли была она?

III

5. И надо мною, окружая меня, витало далекое и верное милосердие Твое. Гноем какой неправды не был я покрыт! Кощунственным было любопытство мое: покинул я Тебя и дошел до бездны неверности, до обманчивого угождения демонам, в жертву которым приносил злые дела свои. И за каждое из них бичевал Ты меня!

Я осмелился даже во время совершения службы Твоей в церковных стенах гореть желанием и улаживать дело, верным доходом с которого была смерть: за это поразил Ты меня тяжелым наказанием, но оно было ничем сравнительно с виною моей. О Ты, великий в милосердии своем, Господь мой, прибежище мое от грозных опасностей, среди которых бродил я, в гордой

самоуверенности далеко уходя от Тебя; я любил пути свои, а не Твои, любил свободу, свободу беглого раба.

6. Тянули меня к себе и те занятия, которые считались почтенными: я мечтал о форуме с его тяжбами, где бы я блистал, а меня осыпали бы похвалами тем больше, чем искуснее я лгал. Такова слепота человеческая: слепотою своею люди хвалятся. Я был первым в риторской школе: был полон горделивой радости и дут спесью. Вел я себя, правда, гораздо спокойнее, Господи, Ты знаешь это, и вообще не принимал никакого участия в «опрокидываниях», которыми занимались «совратители» (это зловещее дьявольское имя служило как бы признаком утонченности). Я жил среди них, постыдно стыдясь, что сам не был таким, я бывал с ними, иногда мне было приятно с ними дружить, но поступки их всегда были мне отвратительны. Это было дерзкое преследование честных новичков, которых они сбивали с прямого пути, так себе, забавы ради, в насыщение своей злобной радости. Нет деяния, больше уподобляющегося деяниям дьявольским. Нельзя было назвать их вернее, чем «совратителями». Сначала они были сами, конечно, совращены и развращены, соблазняемые втайне и осмеянные лживыми духами в самой любви своей к осмеянию и лжи.

IV

7. Живя в такой среде, я в тогдашнем моем неустойчивом возрасте изучал книги по красноречию, желая в целях предосудительных и легкомысленных, на радость человеческому тщеславию, стать выдающимся оратором. Следуя установленному порядку обучения, я дошел до книжки какого-то Цицерона, языку которого удивляются все, а сердцу не так. Книга эта увещевает обратиться к философии и называется «Гортензий». Эта вот книга изменила состояние мое, изменила молитвы мои и обратила их к Тебе, Господи, сделала другими прошения и желания мои. Мне вдруг опротивели все пустые надежды; бессмертной мудрости желал я в своем невероятном сердечном смятении и начал вставать, чтобы вернуться к Тебе[1]. Не для того, чтобы отточить свой язык (за это, по-видимому, платил я материнскими деньгами в своем девятнадцатилетнем возрасте; отец мой умер за два года до этого), не для того, чтобы отточить язык, взялся я за эту книгу: она учила меня не тому, ка́к говорить, а тому, что́ говорить.

8. Как горел я, Господи, как горел я улететь к Тебе от всего земного. Я не понимал, что́ Ты де-

[1] Ср. Лк 15, 18.

лаешь со мною. «У Тебя ведь мудрость»[1]. Любовь к мудрости по-гречески называется философией; эту любовь зажгло во мне это сочинение.

Есть люди, которые вводят в заблуждение философией, которые «прикрашивают и прихорашивают свои ошибки этим великим, ласковым и честным именем; почти все такие философы, современные автору[2] и жившие до него, отмечены в этой книге и изобличены. Тут явно спасительное предупреждение, сделанное Духом Твоим через Твоего верного и благочестивого раба: «Смотрите, чтобы кто не увлек вас философией и пустыми обольщениями по преданию человеческому, по стихиям «мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно»[3].

В то время, Ты знаешь это, Свет моего сердца, мне не были еще известны эти слова апостола, и тем не менее я наслаждался этой книгой потому, что она увещевала меня любить не ту или другую философскую школу, а самое мудрость, какова бы она ни была; поощряла любить ее, искать, добиваться, овладеть ею и крепко прильнуть к ней. Эта речь зажгла меня, я весь горел,

[1] Иов 12, 13.
[2] Т. е. Цицерону.
[3] Кол 2, 8–9.

и мой пыл ослабляло только одно: там не было имени Христа, а это имя по милосердию Твоему, Господи, это имя Спасителя моего, Твоего Сына, впитал я с молоком матери: оно глубоко запало в мое детское сердце, и все произведения, где этого имени не было, пусть художественные, отделанные и полные истины, не захватывали меня целиком.

V

9. Итак, я решил внимательно заняться Священным Писанием и посмотреть, что это такое. И вот я вижу нечто для гордецов непонятное, для детей темное; здание, окутанное тайной, с низким входом; оно становится тем выше, чем дальше ты продвигаешься. Я не был в состоянии ни войти в него, ни наклонить голову, чтобы продвигаться дальше. Эти слова мои не соответствуют тому чувству, которое я испытал, взявшись за Писание: оно показалось мне недостойным даже сравнения с достоинством цицеронова стиля. Моя кичливость не мирилась с его простотой; мое остроумие не проникало в его сердцевину. Оно обладает как раз свойством раскрываться по мере того, как растет ребенок-читатель, но я презирал ребяческое состояние и, надутый спесью, казался себе взрослым.

VI

10. Так и попал я в среду людей, горделиво бредящих, слишком преданных плоти и болтливых. Речи их были сетями дьявольскими, птичьим клеем, состряпанным из смеси слогов, составляющих имена: Твое, Господа Иисуса Христа и Параклета, Утешителя нашего, Духа Святого. Эти имена не сходили у них с языка, оставаясь только словесным звоном и шумом: истина не жила у них в сердце. Они твердили: «истина, истина» — и много твердили мне о ней, но ее нигде у них не было. Они ложно учили не только о Тебе, Который есть воистину Истина, но и об элементах мира, созданного Тобой; а мне следовало бы забросить даже тех философов, которые говорят об этом правильно, из любви к Тебе, Отец мой, высшее Благо, краса всего прекрасного.

О, Истина, Истина! Из самой глубины души своей уже тогда я вздыхал по Тебе, и они постоянно звонили мне о Тебе, на разные лады, и в словах, остававшихся только словами, и в грудах толстых книг! Это были блюда, в которых мне, алчущему Тебя, подносили вместо Тебя солнце и луну, прекрасные создания Твои, но только создания Твои, не Тебя Самого и даже не первые создания Твои — первенство принадлежит

духовным созданиям Твоим, а не этим телесным, хотя они и светлы и находятся на небе.

Я алкал и жаждал, однако, и не их, первенствующих, а Тебя Самого, Истина, в которой «нет изменения, и ни тени перемены»[1]. Передо мною продолжали ставить эти блюда со сверкающими призраками; лучше было, конечно, любить это солнце, существующее в действительности для нашего глаза, чем эти выдумки для души, обманутой глазами. И, однако, я ел эту пищу, думал, что Ты здесь: без удовольствия, правда, потому что я не чувствовал у себя на языке подлинного вкуса Твоего: Тебя не было в этих пустых измышлениях, и я от них не насыщался, а больше истощался. Еда во сне совершенно напоминает еду, которую ешь бодрствуя, но она не питает спящих, потому что они спят. Эти вымыслы ничем не напоминали Тебя, такого, какой сейчас говорил мне: это были призраки, те мнимые тела, подлиннее которых эти настоящие тела, которые мы видим нашим плотским зрением как на небе, так и на земле; их видят животные и птицы, и с ними вместе и мы их видим. Они подлиннее, чем образы их, составленные нами. И опять-таки эти образы подлиннее предположений, которые мы, исходя из них, начинаем

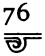
[1] Иак 1, 17.

строить о других телах, больших и бесконечных, но вообще не существующих. Я питался тогда этими бреднями и не мог напитаться.

А Ты, любовь моя, в Котором немощь моя становится силой, Ты — не эти тела, которые мы видим, хотя они и на небе, и не те, которых мы там не видим, ибо Ты создал те и другие и не считаешь их среди высших Твоих созданий. Насколько же Ты далек от тех моих призраков, от тех призрачных тел, которых вообще не существует. Подлиннее их созданные нами образы существующих тел, а подлиннее этих образов сами тела, и однако они — не Ты, и Ты даже не душа, оживляющая тела, которая лучше и подлиннее тел. Ты жизнь душ, жизнь жизни, сама себя животворящая и неизменная, жизнь души моей.

11. Где же был Ты тогда для меня и далеко ли? Я скитался вдали от Тебя, и меня отогнали даже от стручков, которыми я кормил свиней[1]. Насколько басни грамматиков и поэтов лучше, чем эти западни. Поэма в стихах о летящей Медее принесет, конечно, больше пользы, чем рассказ о пяти элементах, по-разному раскрашенных в виде пяти «пещер мрака», которые вообще не существуют, но которые губят уверовавшего. Стихи и поэмы я отношу к настоящей пище.

[1] Ср. Лк 15, 16.

Если я декламировал стихи о летящей Медее, то я никого не уверял в истинности самого события; если я слушал такие стихи, я им не верил, а тому я поверил. Горе, горе, по каким ступеням свели меня в бездну адову, потому что, томясь по истине и не находя без нее покоя, я искал Тебя, Боже мой (Тебе исповедуюсь, сжалившемуся надо мной еще тогда, когда я и не думал исповедоваться), я искал Тебя, руководствуясь не разумом, которым Ты захотел отличить меня от зверей, а руководствуясь телесными чувствами. Ты же был во мне глубже глубин моих и выше вершин моих. Я натолкнулся на ту дерзкую и безрассудную женщину из Соломоновой загадки, которая сидела в дверях на кресле и говорила: «Спокойно ешьте утаенный хлеб и пейте краденую вкусную воду»[1]. Она соблазнила меня, видя, что я живу вовне, завися от своего плотского зрения, и пережевываю пищу, которую она давала мне глотать.

VII

12. Я не знал другого — того, что есть воистину, и меня словно толкало считать остроумием поддакиванье глупым обманщикам, когда они

[1] Притч 9, 13–17.

спрашивали меня, откуда зло, ограничен ли Бог телесной формой и есть ли у Него волосы и ногти, можно ли считать праведными тех, которые имели одновременно по нескольку жен, убивали людей и приносили в жертву животных. В своем невежестве я приходил от таких вопросов в замешательство и, уходя от истины, воображал, что иду прямо к ней. Я не знал еще тогда, что зло есть не что иное, как умаление добра, доходящего до полного своего исчезновения. Что мог я тут увидеть, если глаза мои не видели ничего дальше тела, а душа дальше призраков? Я не знал тогда, что Бог есть Дух, у Которого нет членов, простирающихся в длину и в ширину, и нет величины: всякая величина в части своей меньше себя, целой, а если она бесконечна, то в некоторой части своей, ограниченной определенным пространством, она меньше бесконечности и не является всюду целой, как Дух, как Бог. А что в нас есть, что делает нас подобными Богу, и почему в Писании про нас верно сказано: «по образу Божию»[1], это было мне совершенно неизвестно.

13. И я не знал настоящей внутренней правды, которая судит не по обычаю, а по справедливейшему закону всемогущего Бога,

[1] Быт 1, 27.

определившему для отдельных стран и времен нравы и обычаи, соответствующие этим временам и странам, хотя сама она всегда во всяком месте и во всякое время одна и та же. По ней праведны и Авраам, и Исаак, и Иаков, и Моисей, и Давид, и все те, кого восхвалили уста Господни. Неправедны они по суду людей непонимающих, судящих от сегодняшнего дня и меряющих нравственность всего человечества мерилом собственной нравственности. Так, человек, незнакомый с тем, куда какие доспехи надевать, захотел бы прикрыть голову поножами и обуться в шлем, а потом стал бы роптать на их непригодность; другой возмутился бы тем, что в послеполуденные часы, объявленные праздником, ему не разрешается выставлять товар на продажу, когда утром это было разрешено; третий, увидев, что в одном доме какой-то раб возится с предметами, дотронуться до которых не дозволено виночерпию, а за хлевом делается то, что запрещено перед столом, пришел бы в негодование, почему всем и повсюду не дозволено одно и то же, хотя тут и одно жилье и одна рабская семья. Таковы и те люди, которые возмущаются, услышав, что в тот век праведникам разрешалось то, что в этом праведному не разрешено. Одним Бог заповедал одно, другим — другое, в соответствии с услови-

ями времени, но и те и другие служили одной и той же правде: так, доспехи подходят тому же самому человеку, одни для одной части тела, другие для другой; в течение того же самого дня одним и тем же делом сейчас можно заниматься, а через час уже нельзя; в той же самой усадьбе в одном углу разрешено и приказано делать то, что в другом справедливо запрещено и подлежит наказанию. Значит, правда бывает разной и меняется? Нет, но время, которым она управляет, протекает разно: это ведь время. Люди, при своей кратковременной земной жизни, не в состоянии согласовать условий жизни прежних веков и других народов, условий, им неизвестных, с тем, что им известно; когда дело касается одного человека, одного дня или дома, то тут они легко могут усмотреть, что подходит для какой части тела, для какого часа, для какого отделения или лица: там они оскорблены, тут согласны.

14. Правды этого я тогда не понимал и не обращал на нее внимания; она со всех сторон бросалась мне в глаза, а я ее и не видел. Я декламировал стихи, и мне не дозволялось ставить любую стопу где угодно: в разных размерах это было по-разному, и в любом стихе для каждой стопы было свое место. Метрика, учившая меня стихосложению, содержала все эти правила

одновременно и не была в одном случае одной, а в другом другой. А я не постигал, что добрые и святые патриархи служили правде, включавшей в степени гораздо большей и более возвышенной одновременно все заповеди; ничуть не меняясь, она только заповедует разным временам не все свои заповеди сразу, а каждому то, что ему соответствует. И я, слепой, осуждал благочестивых патриархов, которые, по велению и внушению Божию, пользовались законами своего времени и возвещали, по откровению Божию, будущее.

VIII

15. Разве когда-нибудь или где-нибудь было несправедливо «любить Бога всем сердцем и всей душой и всем разумением, и любить ближнего, как самого себя?»[1]. И противоестественные грехи, например содомский, всегда и везде вызывали отвращение и считались заслуживающими наказания. Если бы все народы предавались ему, то подпали бы осуждению по Божественному закону за это преступление, потому что Бог создал людей не для такого общения друг с другом. Тут нарушается общение, которое должно

[1] Лк 10, 27.

быть у нас с Богом, потому что природа, которой Он создатель, оскверняется извращенной похотью. Нарушений людской нравственности, проступков следует избегать, считаясь с различными требованиями этой нравственности. Прихоть гражданина или чужестранца не смеет нарушать общественного договора, укрепленного законом или обычаем государства или народа: всякая часть, которая не согласуется с целым, безобразна. Если же Бог приказывает что-нибудь делать вопреки чьим бы то ни было нравам или установлениям, то это должно быть сделано, хотя бы там никогда так не делали. Если эту заповедь забыли, она должна быть возобновлена; если она не установлена, ее следует установить. Если царю в своем царстве дозволено отдавать приказания, которых ни до него никто, ни сам он раньше не отдавал, и повиновение ему не является действием против государства и общества — наоборот, именно неповиновение будет поступком противообщественным (ибо во всех людских обществах условлено повиноваться своему царю), то тем более надлежит, не ведая сомнения, подчиняться приказаниям Бога, царствующего над всем творением Своим. Бог стоит над всем; ведь и в человеческом обществе бóльшая власть поставляется над меньшей и эта последняя ей повинуется.

16. Так же с преступлениями — когда жаждут нанести вред, обидев человека или причинив ему несправедливость: враг желает отомстить врагу; разбойник грабит путешественника, чтобы поживиться на чужой счет; страшного человека убивают, боясь от него беды; бедняк богача из зависти; человек преуспевающий соперника из страха, что тот сравняется с ним, или от огорчения, что он уже ему равен; из одного наслаждения чужой бедой — примером служат зрители на гладиаторских играх, насмешники и издеватели. Всё это побеги греха, которые пышно разрастаются от страсти первенствовать, видеть и наслаждаться, овладевает ли человеком одна из них, две или все три разом. И жизнь проходит во зле, в пренебрежении «десятиструнной псалтирью». Десятисловием Твоим в его трех и семи заповедях[1], Боже вышний и сладостнейший. Но что значат проступки для Тебя, Который не может стать хуже? Какие преступления можно совершить против Тебя, Которому нельзя повредить? Ты наказываешь людей за то, что они совершают по отношению к себе самим: даже

[1] Согласно делению, принятому в Западной Церкви, из десяти Моисеевых заповедей три первые определяют отношение человека к Богу, а семь других — отношения между людьми.

греша перед Тобою, они являются святотатцами перед душой своей, портя и извращая природу свою, которую Ты создал благообразною. Неумеренно пользуясь дозволенным или горя противоестественным желанием недозволенного, уличенные в том, что неистовствуют против Тебя в мыслях и в словах, они «идут против рожна»[1], порвав с человеческим обществом, они дерзко радуются своим замкнутым кружкам и разрыву с людьми, завися от своих привязанностей и своей неприязни.

И всё это происходит, когда покидают Тебя, Источник жизни, единый истинный Творец и Правитель единого целого, и в личной гордости прилепляются к одной части, к мнимому единству. Смиренное благочестие — вот дорога, которой возвращаются к Тебе, и Ты очищаешь нас от злых навыков; снисходишь к грехам исповедующихся, слышишь вопли окованных и разрешаешь нас от цепей, которые мы сами надели на себя, — но только если мы не воздвигаем против Тебя рог лживой свободы[2], жадно стремясь получить больше, с риском упустить всё; любя больше наше собственное, чем Тебя, общее Благо.

[1] Деян 9, 5.
[2] Ср. Пс 74, 5.

IX

17. Среди проступков, преступлений и столь многочисленных беззаконий имеются и грехи преуспевающих в добром. Справедливые судьи и порицают их во имя закона о таком преуспеянии, но и хвалят как траву молодых всходов в надежде на хороший урожай. Есть некоторые действия, напоминающие проступок или преступление, и тем не менее это не грехи, потому что они не оскорбляют ни Тебя, Господи Боже наш, ни общества: человек, например, добыл для себя некоторые предметы, соответствующие и его образу жизни и времени, но может быть, из страсти к приобретению? Желая кого-то исправить, наказывают его, пользуясь своей законной властью, но может быть, из страсти причинить вред?

Есть много поступков, на которые люди смотрят неодобрительно и которые одобрены свидетельством Твоим; много таких, которые люди хвалят и которые осуждены по свидетельству Твоему. Разными бывают и видимость поступка, и чувства совершившего, и тайное сцепление обстоятельств.

Когда же Ты вдруг даешь заповедь, непривычную и неожиданную, повелевающую делать даже то, что некогда Тобой запрещалось, и вре-

менно держишь в тайне причину Твоего повеления, хотя оно противоречит установлениям данного людского общества, — кто усомнится, что его дóлжно выполнить, ибо только то человеческое общество, которое служит Тебе, праведно? Блаженны те, которые знают, что эти повеления отданы Тобой. Ибо все делается Твоими служителями, дабы показать, чтó нужно в данный час и чтó в предвозвестие будущего.

X

18. Не зная этого, я смеялся над этими святыми слугами и пророками Твоими. К чему привел этот смех? Только к тому, что Ты насмеялся надо мной: постепенно и потихоньку меня довели до абсурдной веры, например в то, что винная ягода, когда ее срывают, и дерево, с которого она сорвана, плачут слезами, похожими на молоко. Если какой-то «святой» съест эту винную ягоду, сорванную, конечно, не им самим, а чужой преступной рукой, и она смешается с его внутренностями, то он выдохнет из нее за молитвой, вздыхая и рыгая, Ангелов, или, вернее, частички Божества: эти частички истинного и вышнего Божества так и остались бы заключенными в винной ягоде, если бы «святые избранники» не освободили их зубами и кишками.

И я, жалкий, верил, что надо быть жалостливее к земным плодам, чем к людям, для которых они растут. И если бы голодный — не манихей — попросил есть, то, пожалуй, за каждый кусок стоило бы наказывать смертной казнью.

XI

19. И Ты простер руку Твою с высоты и «извлек душу мою»[1] из этого глубокого мрака, когда мать моя, верная Твоя служанка, оплакивала меня перед Тобою больше, чем оплакивают матери умерших детей. Она видела мою смерть в силу своей веры и того духа, которым обладала от Тебя, — и Ты услышал ее, Господи. Ты услышал ее и не презрел слез, потоками орошавших землю в каждом месте, где она молилась; Ты услышал ее. Откуда, в самом деле, был тот сон, которым Ты утешил ее настолько, что она согласилась жить со мною в одном доме и сидеть за одним столом? В этом ведь было мне отказано из отвращения и ненависти к моему кощунственному заблуждению. Ей приснилось, что она стоит на какой-то деревянной доске и к ней подходит сияющий юноша, весело ей улыбаясь; она же в печали и сокрушена печалью. Он спра-

[1] Пс 143, 7.

шивает ее о причинах ее горести и ежедневных слез, причем с таким видом, будто хочет не разузнать об этом, а наставить ее. Она отвечает, что скорбит над моей гибелью; он же велел ей успокоиться и посоветовал внимательно посмотреть: она увидит, что я буду там же, где и она. Она посмотрела и увидела, что я стою рядом с нею на той же самой доске.

Откуда этот сон? Разве Ты не преклонил слуха Своего к сердцу ее? О Ты, благий и всемогущий, Который заботишься о каждом из нас так, словно он является единственным предметом Твоей заботы, и обо всех так, как о каждом!

20. Почему, когда она рассказала мне это видение и я попытался притянуть свое объяснение: скорее, ей нечего отчаиваться в том, что она будет там же, где был я, — она ответила сразу же безо всякого колебания: «Нет, мне ведь не было сказано: “Где он, там и ты”, а “Где ты, там и он”»?

Исповедуюсь Тебе, Господи: насколько я могу припомнить — а я часто вспоминал и рассказывал об этом сне, — этот ответ Твой через мою неусыпно заботливую мать; то, что она не смутилась моим лживым, но столь вероятным объяснением и сразу увидела то, что надо было увидеть, и чего я, разумеется, не видел до ее слов, — всё это потрясло меня даже больше, чем самый сон, в котором благочестивой

женщине задолго вперед предсказана была будущая радость в утешение нынешней скорби. Прошло еще десять лет, в течение которых я валялся в этой грязной бездне и во мраке лжи; часто пытался я встать и разбивался еще сильнее, а между тем эта чистая вдова, благочестивая и скромная, такая, каких Ты любишь, ободренная надеждой, но неумолчная в своем плаче и стенаниях, продолжала в часы всех своих молитв горевать обо мне перед Тобой, Господи, «и пришли пред лицо Твое молитвы ее»[1], хотя Ты и допустил еще, чтобы меня кружило и закружило в этой мгле.

XII

21. Ты дал тем временем и другой ответ, который я держу в памяти. Многое я пропускаю, потому что тороплюсь перейти к тому, что настоятельно требует исповеди перед Тобой, а многого я и не помню. Другой ответ свой дал Ты через Твоего священнослужителя, одного епископа, вскормленного Церковью и начитанного в книгах Твоих. Когда мать моя упрашивала его удостоить меня своей беседы, опровергнуть мои заблуждения, отучить от зла и научить добру

[1] Пс 87, 3.

(он поступал так с людьми, которых находил достойными), то он отказался, что было, насколько я сообразил впоследствии, конечно, разумно. Он ответил, что я заупрямлюсь, потому что ересь для меня внове, я горжусь ею и уже смутил многих неопытных людей некоторыми пустячными вопросами, как она сама ему рассказала. «Оставь его там и только молись за него Богу: он сам, читая, откроет, какое это заблуждение и какое великое нечестие». И он тут же рассказал, что его мать соблазнили манихеи и она еще мальчиком отдала его им; что он не только прочел все их книги, но даже их переписывал, и что ему открылось, безо всяких обсуждений и уговоров, как надо бежать от этой секты; он и бежал.

Когда он рассказал об этом, мать моя все-таки не успокоилась и продолжала еще больше настаивать, моля и обливаясь слезами, чтобы он увиделся со мной и поговорил. Тогда он с некоторым раздражением и досадой сказал: «Ступай, как верно, что ты живешь, так верно и то, что сын таких слез не погибнет».

В разговорах со мной она часто вспоминала, что приняла эти слова так, как будто они прозвучали ей с неба.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

I

1. В течение этих девяти лет, от девятнадцатого до двадцать восьмого года жизни моей, я жил в заблуждении и вводил в заблуждение других, обманывался и обманывал разными увлечениями своими: открыто — обучением, которое зовется «свободным», втайне — тем, что носило обманное имя религии. Там была гордость, здесь суеверие, и всюду — пустота. Там я гнался за пустой известностью, за рукоплесканиями в театре на стихотворных состязаниях в борьбе ради венков из травы, там увлекался бессмысленными зрелищами и безудержным разгулом; тут, стремясь очиститься от этой грязи, подносил так называемым святым и избранным пищу, из которой они в собственном брюхе мастерили ангелов и богов для нашего освобождения. И я был ревностным последователем всего этого и соответственно действовал с друзьями своими, совместно со мною и через меня обманутыми.

Пусть смеются надо мной гордецы, которых Ты еще не поверг ниц и не поразил ради спасения их. Боже мой, я всё равно исповедую позор мой во славу Твою. Позволь мне, молю Тебя, дай

покружить сейчас памятью по всем кружным дорогам заблуждения моего, исхоженным мною, и «принести Тебе жертву хвалы»[1]. Что́ я без Тебя, как не вожак себе в пропасть? Что́ я такое, когда мне хорошо, как не младенец, сосущий молоко Твое и питающийся «Тобой — пищей, пребывающей вовек»[2]? И что такое человек, любой человек, раз он человек? Пусть же смеются над нами сильные и могущественные; мы же, нищие и убогие, да исповедуемся перед Тобой.

II

2. В эти годы я преподавал риторику и, побежденный жадностью, продавал победоносную болтливость. Я предпочитал, Ты знаешь это, Господи, иметь хороших учеников, в том значении слова, в котором к ним прилагается «хороший», и бесхитростно учил их хитростям не затем, чтобы они губили невинного, но чтобы порой вызволяли виновного. Боже, Ты видел издали, что я едва держался на ногах на этой скользкой дороге, и в клубах дыма чуть мерцала честность моя, с которой, во время учительства своего,

[1] Пс 49, 14.
[2] Ин 6, 27.

обучал я любящих суету и ищущих обмана, я, сам их союзник и товарищ.

В эти годы я жил с одной женщиной, но не в союзе, который зовется законным: я выследил ее в моих безрассудных любовных скитаниях. Всё-таки она была одна, и я сохранял верность даже этому ложу. Тут я на собственном опыте мог убедиться, какая разница существует между спокойным брачным союзом, заключенным только ради деторождения, и страстной любовной связью, при которой даже дитя рождается против желания, хотя, родившись, и заставляет себя любить.

3. Вспоминаю еще, что однажды я решил выступить на состязании драматических поэтов. Какой-то гаруспик[1] поручил спросить меня, сколько я заплачу ему за победу, и я ответил, что это мерзкое колдовство мне ненавистно и отвратительно и что если бы меня ожидал даже венец из нетленного золота, то я не позволю ради своей победы убить муху. А он как раз и собирался убить и принести в жертву животных, рассчитывая, по-видимому, этими почестями склонить ко мне демонов. Я отверг это зло потому, что чтил святость Твою, Боже сердца моего. Я не

[1] Гаруспик — жрец, предсказывающий будущее по внутренностям жертвенных животных.

умел ведь любить Тебя; только в телесной славе умел я представить Тебя. Душа, вздыхающая по таким выдумкам, разве «не распутничает вдали от Тебя»? Она верит лжи и «питает ветры»[1]. Я, конечно, не хотел, чтобы за меня приносили жертву демонам, которым я сам приносил себя в жертву своим суеверием. И что значит «питать ветры», как не питать этих духов, то есть своими заблуждениями услаждать их и быть им потехой?

III

4. Продолжал я советоваться и с этими проходимцами (их называют «математиками»), ссылаясь на то, что они не приносят никаких жертв и не обращаются ни к одному духу с молитвами о своих предсказаниях. Тем не менее христианское, настоящее благочестие отвергает и вполне последовательно осуждает их деятельность.

Хорошо исповедоваться Тебе, Господи, и говорить: «Смилуйся надо мною, излечи душу мою, потому что я согрешил перед Тобою»[2], хорошо не злоупотреблять снисхождением Твоим, позволяя себе грешить, и помнить слово Господне:

[1] Ос 12, 1.
[2] Пс 40, 5.

«Вот ты здоров, не греши больше, чтобы не случилось с тобой чего хуже»[1]. Это спасительное наставление они ведь пытаются целиком уничтожить, говоря: «Небом суждено тебе неизбежно согрешить» или: «Это сделали Венера, или Сатурн, или Марс». Следовательно, если на человеке, на этой плоти, крови, на гордой трухе, вины нет, то винить следует Творца и Устроителя неба и светил. А кто же это, как не Ты, Господь наш, сладостный исток справедливости, Который «воздаешь каждому по делам его и сердца сокрушенного и смиренного не презираешь»[2].

5. Жил в это время человек острого ума, очень опытный и известный в своем деле врач, который, в качестве проконсула, своею рукою возложил в том состязании венец победителя на мою больную голову; тут он врачом не оказался. В такой болезни целитель Ты, Который «противишься гордым и смиренным даешь благодать»[3]. И разве не Ты помог мне через этого старика? Разве Ты оставил лечить душу мою? Я ближе познакомился с ним и стал его прилежным и постоянным собеседником (речь его, оживленная мыслью, была безыскусственной,

[1] Ин 5, 14.
[2] Ср. Мф 16, 27; Рим 2, 6; Пс 50, 19.
[3] Иак 4, 6.

но приятной и важной). Узнав из разговора со мной, что я увлекаюсь книгами астрологов, он с отеческой лаской стал уговаривать меня бросить их и не тратить зря на эти пустяки трудов и забот, нужных для полезного дела. Он рассказал мне, что он настолько изучил эту науку, что в юности хотел сделать ее своим насущным занятием; раз он понял Гиппократа, то уж, конечно, смог понять и эти книги. Впоследствии, однако, он их бросил и занялся медициной единственно потому, что ясно увидел их совершенную лживость; человек порядочный, он не захотел зарабатывать свой хлеб обманом. «У тебя, — добавил он, — есть твоя риторика, которой ты можешь жить; этой же ложью ты занимаешься по доброй воле, а не по нужде, и должен верить мне тем более, что я постарался изучить ее в совершенстве, желая ее сделать единственным источником заработка». Я спросил у него, по какой же причине многие их предсказания оказываются верны, и он ответил как мог, а именно, что это делается силой случая, всегда и всюду действующего в природе. Если человеку, который гадает по книге поэта, занятого только своей темой и ставящего себе свои цели, часто выпадает стих, изумительно соответствующий его делу, то можно ли удивляться, если человеческая душа, по какому-то побуждению свыше, не отдавая себе

отчета в том, что с ней происходит, изречет вовсе не по науке, а чисто случайно то, что согласуется с делами и обстоятельствами вопрошающего.

6. И тут Ты позаботился обо мне, действуя в нем и через него. В памяти моей Ты оставил набросок того, что впоследствии я должен был искать уже сам. Тогда же ни он, ни мой дорогой Небридий, юноша и очень хороший и очень чистый, смеявшийся над предсказаниями такого рода, не могли убедить меня от них отказаться. На меня больше действовал авторитет авторов этих книг, и в своих поисках я не нашел еще ни одного верного доказательства, которое недвусмысленно выявило бы, что верные ответы на заданные вопросы продиктованы судьбой или случайностью, а не наукой о наблюдении за звездами.

IV

7. В эти годы, когда я только что начал преподавать в своем родном городе, я завел себе друга, которого общность наших вкусов делала мне очень дорогим. Был он мне ровесником и находился в том же цвету цветущей юности. Мальчиками мы росли вместе; вместе ходили в школу и вместе играли. Тогда мы еще не были так дружны; хотя и впоследствии тут не было истинной дружбы, потому что истинной она бывает

только в том случае, если Ты скрепляешь ее между людьми, привязавшимися друг к другу «любовью, излившейся в сердца наши Духом Святым, Который дан нам»[1]. Тем не менее созревшая в горячем увлечении одним и тем же, была она мне чрезвычайно сладостна. Я уклонил его от истинной веры — у него, юноши, она не была глубокой и настоящей — к тем гибельным и суеверным сказкам, которые заставляли мать мою плакать надо мною. Вместе с моей заблудилась и его душа, а моя не могла уже обходиться без него.

И вот Ты, по пятам настигающий тех, кто бежит от Тебя, Бог отмщения и источник милосердия, обращающий нас к Себе дивными способами, вот Ты взял его из этой жизни, когда едва исполнился год нашей дружбе, бывшей для меня сладостнее всего, что было сладостного в тогдашней моей жизни.

8. Может ли один человек «исчислить хвалы Твои»[2] за благодеяния Твои ему одному? Что сделал Ты тогда, Боже мой? Как неисследима «бездна судеб Твоих»[3]. Страдая лихорадкой, он долго лежал без памяти, в смертном поту. Так как в его выздоровлении отчаялись, то его

[1] Рим 5, 5.
[2] Пс 105, 2.
[3] Пс 35, 7; ср. Рим 11, 33.

окрестили в бессознательном состоянии. Я не обратил на это внимания, рассчитывая, что в душе его скорее удержится то, что он узнал от меня, чем то, что делали с его бессознательным телом. Случилось, однако, совсем по-иному. Он поправился и выздоровел, и как только я смог говорить с ним (а смог я сейчас же, как смог и он, потому что я не отходил от него и мы не могли оторваться друг от друга), я начал было насмехаться над крещением, которое он принял вовсе без сознания и без памяти. Он уже знал, что он его принял. Я рассчитывал, что и он посмеется вместе со мной, но он отшатнулся от меня в ужасе, как от врага, и с удивительной и внезапной независимостью сказал мне, что если я хочу быть ему другом, то не должен никогда говорить ему таких слов. Я, пораженный и смущенный, решил отложить свой натиск до тех пор, пока он оправится и сможет, вполне выздоровев, разговаривать со мной о чем угодно. Но через несколько дней, в мое отсутствие, он опять заболел лихорадкой и умер, отнятый у меня, безумного, чтобы жить у Тебя на утешение мне.

9. Какою печалью омрачилось сердце мое! Куда бы я ни посмотрел, всюду была смерть. Родной город стал для меня камерой пыток, отцовский дом — обителью беспросветного горя; всё, чем мы жили с ним сообща, без него превра-

тилось в лютую муку. Повсюду искали его глаза мои, и его не было. Я возненавидел всё, потому что нигде его нет и никто уже не мог мне сказать: «Вот он придет», как говорили об отсутствующем, когда он был жив. Стал я сам для себя великой загадкой и спрашивал душу свою, почему она печальна и почему так смущает меня[1], и не знала она, что ответить мне. И если я говорил «надейся на Бога», она справедливо не слушалась меня, потому что человек, которого я так любил и потерял, был подлиннее и лучше, чем призрак, на которого ей велено было надеяться. Только плач был мне сладостен, и он наследовал другу моему в усладе души моей.

V

10. Теперь, Господи, это уже прошло и время залечило мою рану. Можно ли мне услышать от Тебя, Который есть Истина, можно ли преклонить ухо моего сердца к устам Твоим и узнать от Тебя, почему плач сладок несчастным? Разве Ты, хотя и всюду присутствуя, отбрасываешь прочь от себя наше несчастье? Ты пребываешь в Себе; мы кружимся в житейских испытаниях. И, однако, если бы плач наш не доходил до ушей Твоих,

[1] Пс 41, 6; 12.

ничего не осталось бы от надежды нашей. Почему с жизненной горечи срываем мы сладкий плод стенания и плач, вздохи и жалобы? Или сладко то, что мы надеемся быть услышаны Тобою? Это верно в отношении молитв, которые дышат желанием дойти до Тебя. Но в печали об утере и в той скорби, которая окутывала меня, я ведь не надеялся, что он оживет, и не этого просил своими слезами; я только горевал и плакал, потерян я был и несчастен: потерял я радость свою. Или плач, горестный сам по себе, услаждает нас, пресытившихся тем, чем мы когда-то наслаждались и что теперь внушает нам отвращение?

VI

11. Зачем, однако, я говорю это? Сейчас время не спрашивать, а исповедоваться Тебе. Я был несчастен, и несчастна всякая душа, скованная любовью к тому, что смертно: она разрывается, теряя, и тогда понимает, в чем ее несчастье, которым несчастна была еще и до потери своей.

Таково было состояние мое в то время; я горько плакал и находил успокоение в этой горечи. Так несчастен я был, и дороже моего друга оказалась для меня эта самая несчастная жизнь. Я, конечно, хотел бы ее изменить, но также не желал бы утратить ее, как и его. И я не знаю, захотел ли бы

я умереть даже за него, как это рассказывают про Ореста и Пилада[1], если это только не выдумка, что они хотели умереть вместе один за другого, потому что хуже смерти была для них жизнь врозь. Во мне же родилось какое-то чувство, совершенно этому противоположное; было у меня и жестокое отвращение к жизни и страх перед смертью. Я думаю, что чем больше я его любил, тем больше ненавидел я смерть и боялся, как лютого врага, ее, отнявшую его у меня. Вдруг, думал я, поглотит она и всех людей: могла же она унести его.

В таком состоянии, помню, находился я. Вот сердце мое, Боже мой, вот оно — взгляни внутрь его, таким я его вспоминаю. Надежда моя, Ты, Который очищаешь меня от нечистоты таких привязанностей, устремляя глаза мои к Тебе и «освобождая от силков ноги мои»[2]. Я удивлялся, что остальные люди живут, потому что тот, которого я любил так, словно он не мог умереть, был мертв: и еще больше удивлялся, что я, его второе «я», живу, когда он умер. Хорошо сказал кто-то о своем друге: «Половина души моей»[3]. И я чувствовал, что моя душа и его душа были

[1] Орест и Пилад — герои греческой мифологии, пример идеальной дружбы.

[2] Пс 24, 15.

[3] *Гораций*. Оды. I, 3, 8.

одной душой в двух телах, и жизнь внушала мне ужас: не хотел я ведь жить половинной жизнью. Потому, может быть, и боялся умереть, чтобы совсем не умер тот, которого я так любил.

VII

12. О безумие, не умеющее любить человека как полагается человеку! О, глупец, возмущающийся человеческой участью! Таким был я тогда: я бушевал, вздыхал, плакал, был в расстройстве, не было у меня ни покоя, ни рассуждения. Повсюду со мной была моя растерзанная, окровавленная душа, и ей невтерпеж было со мной, а я не находил места, куда ее пристроить. Рощи с их прелестью, игры, пение, сады, дышавшие благоуханием; пышные пиры, ложе нег, самые книги и стихи — ничто не давало ей покоя. Всё внушало ужас, даже дневной свет; всё, что не было им, было отвратительно и ненавистно. Только в слезах и стенаниях чуть-чуть отдыхала душа моя, но когда приходилось забирать ее оттуда, тяжким грузом ложилось на меня мое несчастье. К Тебе, Господи, надо было вознести ее и у Тебя лечить. Я знал это, но и не хотел и не мог, тем более что я не думал о Тебе, как о чем-то прочном и верном. Не Ты ведь, а пустой призрак и мое заблуждение были моим богом. И если я пытался пристроить

ее тут, чтобы она отдохнула, то она катилась в пустоте и опять обрушивалась на меня, и я оставался с собой: злосчастное место, где я не мог быть и откуда не мог уйти. Куда мое сердце убежало бы от моего сердца? Куда убежал бы я от самого себя? Куда не пошел бы вслед за собой?

И все-таки я убежал из родного города. Меньше искали его глаза мои там, где не привыкли видеть, и я переехал из Тагасты в Карфаген.

VIII

13. Время не проходит впустую и не катится без всякого воздействия на наши чувства: оно творит в душе удивительные дела. Дни приходили и уходили один за другим; приходя и уходя, они бросали в меня семена других надежд и других воспоминаний; постепенно лечили старыми удовольствиями, и печаль моя стала уступать им; стали, однако, наступать — не другие печали, правда, но причины для других печалей. Разве эта печаль так легко и глубоко проникла в самое сердце мое не потому, что я вылил душу свою в песок, полюбив смертное существо так, словно оно не подлежало смерти?

А меня как раз больше всего утешали и возвращали к жизни новые друзья, делившие со мной любовь к тому, что я любил вместо Тебя:

нескончаемую сказку, сплошной обман, своим нечистым прикосновением развращавший наши умы, зудевшие желанием слушать. И если бы умер кто-нибудь из моих друзей, эта сказка не умерла бы для меня.

Было и другое, что захватывало меня больше в этом дружеском общении: общая беседа и веселье, взаимная благожелательная услужливость; совместное чтение сладкоречивых книг, совместные забавы и взаимное уважение; порою дружеские размолвки, какие бывают у человека с самим собой, — самая редкость разногласий как бы приправляет согласие длительное, — взаимное обучение, когда один учит другого и в свою очередь у него учится; тоскливое ожидание отсутствующих; радостная встреча прибывших. Все такие проявления любящих и любимых сердец, в лице, в словах, в глазах и тысяче милых выражений, как на огне, сплавляют между собою души, образуя из многих одну.

IX

14. Вот что мы любим в друзьях и любим так, что человек чувствует себя виноватым, если он не отвечает любовью на любовь. От друга требуют только выражения благожелательности. Отсюда эта печаль по случаю смерти; мрак скорби;

сердце, упоенное горечью, в которую обратилась сладость; смерть живых, потому что утратили жизнь умершие.

Блажен, кто любит Тебя, в Тебе друга и ради Тебя врага. Только тот не теряет ничего дорогого, кому все дороги в Том, Кого нельзя потерять. А кто это, как не Бог наш. Бог, Который «создал небо и землю» и «наполняет их»[1], ибо, наполняя, Он и создал их. Тебя никто не теряет, кроме тех, кто Тебя оставляет, а кто оставил — куда пойдет и куда убежит? Только от Тебя, милостивого, к Тебе, гневному. Где не найдет он в каре, его достигшей, Твоего закона? А «закон Твой — истина», и «Истина — это Ты»[2].

X

15. «Боже сил, обрати нас, покажи нам лик Твой, и мы спасемся»[3]. Куда бы ни обратилась человеческая душа, всюду, кроме Тебя, наткнется она на боль, хотя бы наткнулась и на красоту, но красоту вне Тебя и вне себя самой. И красота эта ничто, если она не от Тебя. Прекрасное родится и умирает; рождаясь, оно начинает как бы

[1] Ср. Быт 1, 1; Иер 23, 24.
[2] Ср. Пс 118, 142; Ин 14, 6.
[3] Пс 79, 8.

быть и растет, чтобы достичь полного расцвета, а расцветши, стареет и гибнет. Не всегда, правда, доживает до старости, но гибнет всегда. Родившись и стремясь быть, прекрасное, чем скорее растет, утверждая свое бытие, тем сильнее торопится в небытие: таков предел, положенный Тобою земным вещам, потому что они только части целого, существующие не одновременно; уходя и сменяя друг друга, они, как актеры, разыгрывают все цельную пьесу, в которой им даны удельные роли. То же происходит и с нашей речью, состоящей из звуковых обозначений. Речь не будет целой, если каждое слово, отзвучав в своей роли, не исчезнет, чтобы уступить место другому.

Да хвалит душа моя за этот мир Тебя, «Господь, всего Создатель»[1], но да не прилипаете к нему чувственной любовью, ибо он идет, куда и шел, — к небытию, и терзает душу смертной тоской, потому что и сама она хочет быть и любит отдыхать на том, что она любит. А в этом мире негде отдохнуть, потому что всё в нем безостановочно убегает: как угнаться за этим плотскому чувству? Как удержать даже то, что сейчас под рукой? Медлительно плотское чувство, потому что оно плотское: ограниченность — его свой-

[1] Первая строка Амвросиева вечернего гимна. См.: «Исповедь». IX, 12, 32.

ство. Оно удовлетворяет своему назначению, но его недостаточно, чтобы удержать то, что стремится от положенного начала к положенному концу. Ибо в слове Твоем, которым создан мир, слышит оно: «Отсель и досель».

XI

16. Не суетись, душа моя: не дай оглохнуть уху сердца от грохота суеты твоей. Слушай, само Слово зовет тебя вернуться: безмятежный покой там, где Любовь не покинет тебя, если сам ты Ее не покинешь. Вот одни создания уходят, чтобы дать место другим: отдельные части в совокупности своей образуют этот дольний мир. «Разве Я могу уйти куда-нибудь?» — говорит Слово. Здесь утверди жилище свое; доверь всё, что у тебя есть; душа моя, уставшая, наконец, от обманов, доверь Истине всё, что у тебя есть от Истины, и ты ничего не утратишь; истлевшее у тебя покроется цветом; исцелятся все недуги твои; преходящее получит новый облик, обновится и соединится с тобой; оно не увлечет тебя в стремлении вниз, но недвижно останется с тобой и пребудет у вечно недвижного и пребывающего Бога.

17. Зачем, развращенная, следуешь ты за плотью своей? Пусть она, обращенная, следует за тобой. Всё, что ты узнаешь через нее, частично;

ты не знаешь целого, которому принадлежат эти части, и все-таки они тебя радуют. Если бы твое плотское чувство способно было охватить всё и не было бы оно, в наказание тебе, справедливо ограничено постижением только части, то ты пожелал бы, чтобы всё, существующее сейчас, прошло, дабы ты больше мог наслаждаться целым. Ведь и речь нашу ты воспринимаешь тоже плотским чувством, и тебе, разумеется, захочется, чтобы отдельные слоги быстро произносились один за другим, а не застывали неподвижно: ты ведь хочешь услышать всё целиком. Так и части, составляющие нечто единое, но возникающие не все одновременно в том, что они составляют: всё вместе радует больше части, если бы только это «всё» могло быть разом воспринято. Насколько же лучше Тот, Кто создал целое, — Господь наш. И Он не уходит, потому что для Него нет смены.

XII

18. Если тела угодны тебе, хвали за них Бога и обрати любовь свою к их мастеру, чтобы в угодном тебе не стал ты сам неугоден. Если угодны души, да будут они любимы в Боге, потому что и они подвержены перемене и утверждаются в Нем, а иначе проходят и преходят. Да будут же любимы в Нем: увлеки к Нему с собой те, какие

сможешь, и скажи им: «Его будем любить: Он Создатель и Он недалеко». Он не ушел от Своего создания: оно из Него и в Нем. Где же Он? Где вкушают истину? Он в самой глубине сердца, только сердце отошло от Него. «Вернитесь, отступники, к сердцу» и прильните к Тому, Кто создал вас. Стойте с Ним — и устоите; успокойтесь в Нем, и покойны будете. Куда, в какие трущобы вы идете? Куда вы идете? То хорошее, что вы любите, от Него, и поскольку оно с Ним, оно хорошо и сладостно, но оно станет горьким — и справедливо, — потому что несправедливо любить хорошее и покинуть Того, Кто дал это хорошее.

Зачем вам опять и опять ходить по трудным и страдным дорогам? Нет покоя там, где вы ищете его. Ищите, что вы ищете, но это не там, где вы ищете. Счастливой жизни ищете вы в стране смерти: ее там нет. Как может быть счастливая жизнь там, где нет самой жизни?

19. Сюда спустилась сама Жизнь наша и унесла смерть нашу и поразила ее избытком жизни своей. Прогремел зов Его, чтобы мы вернулись отсюда к Нему, в тайное святилище, откуда Он пришел к нам, войдя сначала в девственное чрево, где с Ним сочеталась человеческая природа, смертная плоть, дабы не остаться ей навсегда смертной, и «откуда Он вышел, как супруг из брачного чертога своего, радуясь, как исполин,

пробежать поприще»[1]. Он не медлил, а устремился к нам, крича словами, делами, смертью, жизнью, сошествием, восшествием крича нам вернуться к Нему. Он ушел с глаз наших, чтобы мы вернулись в сердце наше и нашли бы Его. Он ушел, и вот Он здесь; не пожелал долго быть с нами и не оставил нас. Он ушел туда, откуда никогда не уходил, ибо «мир создан Им» и «Он был в этом мире» и «пришел в этот мир спасти грешников»[2]. Ему исповедуется душа моя, и Он «излечил ее, потому что она согрешила пред Ним»[3].

«Сыны человеческие, доколе будет отягощено сердце ваше?»[4]. Жизнь спустилась к вам — разве не хотите вы подняться и жить? Но куда вам подняться, если вы «высоко и положили на небо главы свои»[5]. Спуститесь, чтобы подняться, и поднимайтесь к Богу: вы ведь упали, поднявшись против Него.

Скажи им это, пусть они плачут «в долине слез»[6], увлеки их с собой к Богу, ибо слова эти говоришь ты от Духа Святого, если говоришь, горя огнем любви.

[1] Пс 18, 6.
[2] Ин 1, 10; 1 Тим 1, 15.
[3] Пс 40, 5.
[4] Пс 4, 3.
[5] Ср. Пс 72, 9.
[6] Пс 83, 7.

XIII

20. Я не знал тогда этого, я любил дольную красоту, я шел в бездну и говорил друзьям своим: «Разве мы любим что-нибудь кроме прекрасного? А что такое прекрасное? И что такое красота? Что привлекает нас в том, что мы любим, и располагает к нему? Не будь в нем приятного и прекрасного, оно ни в коем случае не могло бы подвинуть нас к себе». Размышляя, я увидел, что каждое тело представляет собой как бы нечто целое и потому прекрасное, но в то же время оно приятно и тем, что находится в согласовании с другим. Так отдельный член согласуется со всем телом, обувь подходит к ноге и т.п. Эти соображения хлынули из самых глубин моего сердца, и я написал работу «О прекрасном и соответствующем», кажется в двух или трех книгах. Тебе это известно, Господи: у меня же выпало из памяти. Самих книг у меня нет; они затерялись, не знаю, каким образом.

XIV

21. Что побудило меня, Господи Боже мой, посвятить эти книги Гиерию, римскому оратору, которого я не знал лично, но которым восхищался за его громкую славу ученого. Мне сообщили

некоторые его изречения, и они мне нравились. Еще больше нравился он мне потому, что очень нравился другим, и его превозносили похвалами, недоумевая, как сириец, умевший сначала прекрасно говорить по-гречески, стал впоследствии мастером латинской речи и выдающимся знатоком во всех вопросах, касающихся философии.

Человека хвалят, и вот его заглазно начинают любить. Разве эта любовь входит в сердце слушающего от слов хвалящего? Нет! Любящий зажигает любовью и другого. Поэтому и любят того, кого хранят другие, веря, что хвала ему возглашается нелживым сердцем, а это значит, что хвалят, любя.

22. Так любил я тогда людей, доверяясь суду человеческому, а не Твоему, Господи, которым никто не обманывается.

Почему, однако, хвалы ему воздавались совсем иные, чем знаменитому вознице или цирковому охотнику, прославленному народной любовью? Они были серьезны и важны; такие хотел я услышать о себе самом. Я ведь не хотел бы, чтобы меня хвалили и любили так, как актеров, хотя я сам расхваливал их и любил; но я избрал бы полную неизвестность, даже ненависть к себе, но не такую славу, но не такую любовь. Какими гирями одна и та же душа развешива-

ет разную, столь несходную любовь? Почему я люблю в другом то, что одновременно ненавижу? Я ведь гнушаюсь этим для себя и наотрез от этого отказываюсь. А мы оба, и он и я, люди! Хорошую лошадь можно любить, не желая стать ею, даже если бы это было возможно. С актером случай другой: он нашего рода. Значит, я люблю в человеке то, что для меня в себе ненавистно, хотя и я человек? Великая бездна сам человек, «чьи волосы сочтены»[1] у Тебя, Господи, и не теряются у Тебя, и, однако, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца.

23. Что же касается Гиерия, то он принадлежал к тому типу ораторов, который мне так нравился, что мне самому хотелось быть одним из них. Я заблуждался в гордости своей, «был носим всяким ветром»[2], и совершенно скрыто от меня было руководство Твое.

И откуда мне знать и как с уверенностью исповедать Тебе, что я больше любил его за любовь и похвалы, чем за те занятия, за которые его хвалили? Если бы те же самые люди не хвалили, а бранили его и рассказывали о нем то же самое, но с бранью и презрением, я не воспламенился бы любовью к нему, хотя ни занятия его, ни

[1] Мф 10, 30.
[2] Еф 4, 14.

он сам не стали бы другими: другими были бы только чувства рассказчиков.

Вот куда брошена немощная душа, не прилепившаяся еще к крепкой истине. Ее несет и кружит, бросает туда и сюда, смотря по тому, куда дует вихрь слов и мнений. Они заслоняют ей свет, и она не видит истины. Она же вот — перед нами.

Для меня тогда было очень важно, чтобы моя книга и мои труды стали известны этому человеку. Его одобрение заставило бы меня загореться еще большим усердием; его неодобрение ранило бы мое суетное, не имевшее в Тебе опоры сердце. И, однако, я с любовью охотно переворачивал перед своим умственным взором вопрос о прекрасном и соответственном, о чем писал ему, и приходил в восторг от своей работы, не нуждаясь ни в чьих похвалах.

XV

24. Я не видел, однако, стержня в великом деле, в искусстве Твоем, Всемогущий, «Который один творишь чудеса»[1]. Душа моя странствовала среди телесных образов: «прекрасное», являющееся таковым само по себе, и «соот-

[1] Пс 71, 18.

ветственное», хорошо согласующееся с другим предметом, я определял и различал, пользуясь доказательствами и примерами из мира физического.

Потом я обратился к природе души, но ложные понятия, бывшие у меня о мире духовном, мешали мне видеть истину. Во всей силе своей стояла истина у меня перед глазами, а я отвращал свой издерганный ум от бестелесного к линиям, краскам и крупным величинам. И так как я не мог увидеть это в душе, я думал, что не могу видеть и свою душу. Я любил согласие, порождаемое добродетелью, и ненавидел раздор, порождаемый порочностью. В первой я увидел единство, во второй — разделенность. Это единство представлялось мне как совместность разума, истины и высшего блага; разделенность — как некая неразумная жизнь и высшее зло. Я, несчастный, считал, что оно не только субстанция, но что это вообще некая жизнь, только не от Тебя исходящая, Господи, от Которого всё. Единство я назвал монадой, как некий разум, не имеющий пола, а разделенность — диадой: это гнев в преступлениях и похоть в пороках. Сам я не понимал, что говорю. Я не знал и не усвоил себе, что зло вовсе не есть субстанция и что наш разум не представляет собой высшего и неизменного блага.

25. Преступление есть порочное движение души, побуждающее к действию, в котором душа и утверждает себя дерзостно и взбаламученно. Разврат есть необузданное желание, жадное к плотским радостям. Если разумная душа сама порочна, то жизнь пятнают заблуждения и ложные понятия. Как раз такая и была у меня тогда, и я не знал, что ее надо просветить другим светом, чтобы приобщить к истине, потому что в ней самой нет истины. Ибо «Ты зажжешь светильник мой, Господи Боже мой, Ты просветишь тьму мою; и от полноты Твоей получим мы все. Ты свет истинный, освещающий всякого человека, приходящего в этот мир, ибо у Тебя нет изменения и ни тени перемены»[1].

26. Я порывался к Тебе и был отбрасываем назад, да отведаю вкуса смерти, потому что «Ты противишься гордым»[2]. А разве не великая гордость притязать по удивительному безумию, что по природе своей я то же самое, что и Ты. Подверженный изменению и ясно видя это из того, что я очень хотел быть мудрым, дабы стать лучше, я предпочел, однако, считать Тебя подверженным изменению, чем признать, что я не то же самое, что и Ты. Потому я и был от-

[1] Ср. Пс 17, 29; Ин 1, 16; Иак 1, 17.

[2] 1 Пет 5, 5.

талкиваем назад, и Ты пригибал мою кичливую выю. Я носился со своими телесными образами; я, плоть, обвинял плоть, и, «бродячий дух»[1], я не повернулся к Тебе; бродя, я бродил среди несуществующего ни в Тебе, ни во мне, ни в теле: тут не было подлинных Твоих созданий, а были одни мои пустые мечтания. И я спрашивал у малых верных детей Твоих, моих сограждан, из среды которых я, сам того не зная, был изгнан, я спрашивал их, нелепый болтун: «Почему же заблуждается душа, которую создал Бог?». Я не хотел, чтобы меня спросили: «Почему же заблуждается Бог?». И я силился доказать, что скорее Ты в своей неизменной сущности вынужден впасть в заблуждение, чем признаться, что я, подверженный изменению, добровольно сбиваюсь с пути и в наказание за это впадаю в заблуждение.

27. Мне было, пожалуй, лет двадцать шесть-двадцать семь, когда я закончил эти свитки, развертывая перед собой свои выдумки — эти материальные образы, оглушавшие уши моего сердца. Я настораживал их, сладостная Истина, чтобы услышать мелодию Твою, звучавшую глубоко внутри меня. Я думал о «прекрасном и соответственном», хотел встать на

[1] Ср. Пс 77, 39.

ноги и услышать Тебя, «радостью обрадоваться, слыша голос жениха»[1], и не мог: мое заблуждение громко звало меня и увлекало наружу; под тяжестью гордости своей падал я вниз. «Ты не давал слуху моему радости и веселия», и не «ликовали кости мои», потому что «не были сокрушены»[2].

XVI

28. И какая польза для меня была в том, что лет двадцати от роду, когда мне в руки попало одно произведение Аристотеля под заглавием «Десять категорий» (карфагенский ритор, мой учитель, и другие люди, считавшиеся учеными, раздуваясь от гордости, трещали о нем, и, слыша это название, я только и мечтал об этой книге, как о чем-то великом и божественном), я оказался единственным, прочитавшим и понявшим ее? Когда я беседовал по поводу этих категорий с людьми, которые говорили, что они с трудом их поняли и то лишь с помощью ученых наставников, объяснявших их не только словесно, но и с помощью многочисленных рисунков на песке, то оказалось, что они

[1] Ср. Ин 3, 29.
[2] Ср. Пс 50, 10.

могут сказать мне о них только то, что я, при своем одиноком чтении, узнал у себя самого. По-моему, книга эта совершенно ясно толковала о субстанциях и их признаках: например, человек — это качество; сколько в нем футов роста — это количество; его отношение к другим: например, чей он брат; место, где он находится; время, когда родился; его положение: стоит или сидит; что имеет: обувь или вооружение; что делает или что терпит. Под эти десять категорий, для которых я привел примеры, и под самую категорию субстанции подойдет бесконечное число явлений.

29. Какая была мне от этого польза? А вред был. Считая, что вообще все существующее охвачено этими десятью категориями, я пытался и Тебя, Господи, дивно простого и не подверженного перемене, рассматривать как субъект Твоего величия или красоты, как будто они были сопряжены с Тобой, как с субъектом, то есть как с телом, тогда как Твое величие и Твоя красота — это Ты Сам. Тело же не является великим или прекрасным потому, что оно тело: меньшее или менее красивое, оно все равно остается телом.

Ложью были мои мысли и о Тебе, а не истиной: жалкий вымысел мой, неблаженная крепость Твоя. Ибо Ты повелел, и так и стало со

мной: земля «начала рожать мне терния и волчцы»[1], и с трудом получал я хлеб свой.

30. И какая польза была для меня, что я, в то время негодный раб злых страстей, сам прочел и понял все книги, относившиеся к так называемым свободным искусствам, какие только мог прочесть? Я радовался, читая их, и не понимал, откуда в них то, что было истинного и определенного. Я стоял спиной к свету и лицом к тому, что было освещено; и лицо мое, повернутое к освещенным предметам, освещено не было. Тебе известно, Господи, что́ я узнал, без больших затруднений и без людской помощи, в красноречии, диалектике, геометрии, музыке и арифметике; и быстрая сообразительность и острая проницательность — Твои дары, но не Тебе приносил я их в жертву. Они были мне не на пользу, а скорее на гибель, потому что я жадно стремился овладеть доброй долей имущества своего, но «не сохранил для Тебя сил своих», а ушел от Тебя прочь, в дальнюю страну, чтобы расточить всё на блудные страсти[2]. Какая польза была мне от хорошего, если я не умел им хорошо пользоваться? А я стал понимать, как трудно даются эти науки даже прилежным и толковым учени-

[1] Быт 3, 18.
[2] Лк 15, 12–13.

кам, когда, пытаясь их разъяснить, увидел, что самого выдающегося среди моих учеников хватало лишь на то, чтобы не так уж медленно усваивать мои объяснения.

31. Какая была мне польза в этом, если я думал, что Ты, Господи, Бог истины, представляешь собой огромное светящееся тело, а я обломок этого тела? Предел извращенности! Но именно таков был я тогда! Я не краснею, Господи, исповедуя пред Тобой милосердие Твое ко мне и призывая Тебя: я ведь не краснел, богохульно проповедуя пред людьми и лая на Тебя.

Какая польза была мне от моего ума, так легко справлявшегося с этими науками, и от такого количества запутаннейших книг, распутанных без помощи учителя, если я безобразно кощунствовал и гнусно заблуждался в науке благочестия? Во вред ли был для малых Твоих ум гораздо более медлительный, если они не уходили от Тебя прочь, безмятежно оперялись в гнезде Церкви Твоей и выращивали крылья любви, питаясь пищей здоровой веры?

Господи Боже наш, «в тени крыл Твоих обретем мы надежду»[1]: укрой нас и понеси нас. «Ты понесешь. Ты понесешь малых детей и до седин

[1] Пс 62, 8.

будешь нести их»[1] — ибо сила наша тогда сила, когда это Ты; только наша — она бессилие. Наше благо всегда у Тебя, и, отвращаясь от него, мы развращаемся. Припадем к Тебе, Господи, да не упадем: у Тебя во всей целости благо наше — Ты Сам: мы не боимся, что нам некуда вернуться, потому что мы рухнули вниз: в отсутствие наше не рухнул дом наш, вечность Твоя.

КНИГА ПЯТАЯ

I

1. Прими исповедь мою, приносимую в жертву Тебе языком моим, который Ты создал и побудил исповедовать имя Твое; выздоровели все кости мои — пусть же они скажут: «Господи! Кто подобен Тебе?»[2]. Ничего нового не сообщает Тебе человек, исповедуясь в том, что происходит с ним, ибо не закрыто взору Твоему закрытое сердце и не отталкивает человеческая жесто-

[1] Ср. Ис 46, 3–4.
[2] Пс 34, 10.

кость десницу Твою: Ты смягчаешь ее, когда захочешь, милосердуя или отмщая: «И нет никого, кто укрылся бы от жара Твоего»[1]. Да хвалит Тебя душа моя, чтобы возлюбить Тебя. Неумолчно хвалят Тебя все создания Твои: всякая душа, обратившаяся к Тебе, своими устами; животные и неодушевленная природа устами тех, кто их созерцает. Да воспрянет же в Тебе душа наша от усталости: опираясь на творения Твои, пусть дойдет к Тебе, дивно их сотворившему: у Тебя обновление и подлинная сила.

II

2. Пусть уходят и бегут от Тебя мятущиеся и грешные. Ты видишь их, Ты распределяешь и тени. И вот — мир прекрасен и с ними, хотя они сами мерзки. Но чем повредили они Тебе? Чем обесчестили власть Твою — полную и справедливую от небес и до края земли. Куда бежали, убежав от лица Твоего? Где не найдешь Ты их? Они убежали, чтобы не видеть Тебя, видящего их, и в слепоте своей наткнуться на Тебя, ибо Ты не оставляешь ничего Тобой созданного. Да, чтобы наткнуться на Тебя в неправде своей и по правде Твоей нести наказание: уклонившись от кротости

[1] Пс 18, 7.

Твоей, натыкаются они на справедливость Твою и падают в суровость Твою. Не знают они, что Ты всюду и нет места, где Тебя бы не было; Ты, единственный, рядом даже с теми, кто далеко ушел от Тебя. Пусть же обратятся, пусть ищут Тебя; если они оставили Создателя своего, то Ты не оставил создание Свое. Пусть сами обратятся, пусть ищут Тебя — вот Ты здесь, в сердце их, в сердце тех, кто исповедуется у Тебя и кидается к Тебе и плачет на груди Твоей после трудных дорог своих. И Ты, благостный, отираешь слезы их; они плачут еще больше и радуются, рыдая, потому что Ты, Господи, не человек, не плоть и кровь, но Ты, Господи, их Создатель, обновляешь и утешаешь их. И где я был, когда искал Тебя? Ты был предо мною: я же далеко ушел от себя, я не находил себя; как же было найти Тебя!

III

3. Я расскажу пред очами Господа моего о том годе, когда мне исполнилось двадцать девять лет.

В Карфаген приехал некий манихейский епископ по имени Фавст. Это была страшная сеть дьявольская, и многие запутывались в ней, прельщенные его сладкоречием, которое и я хвалил, различая, однако, между ним и истинной

сутью вещей, познать которую так жадно стремился. Я вглядывался не в словесный сосуд, а в то, какое знание предлагает мне отведать из него этот, столь известный у них, Фавст. Молва уже заранее сообщала мне, что он весьма осведомлен о всех высоких учениях и особенно сведущ в науках свободных. Так как я прочел много философских книг и хорошо помнил их содержание, то я и стал сравнивать некоторые их положения с бесконечными манихейскими баснями: мне казались более вероятными слова тех, «у кого хватило разумения исследовать временный мир», хотя «не обрели они Господа его»[1]. Ибо «высок ты, Господи, и смиренного видишь и гордого узнаешь издали», но приближаешься только «к сокрушенным сердцем»[2], гордые не находят Тебя, хотя бы даже в ученой любознательности своей сочли они звезды и песчинки, измерили звездные просторы и исследовали пути светил.

4. Они производят эти исследования, руководствуясь разумом и способностями, которые Ты им дал: многое нашли они и предсказали за много лет вперед солнечные и лунные затмения, их день, их час и каковы они будут. Вычисления

[1] Прем 13, 9.
[2] Пс 137, 6.

не обманули их: все происходит так, как они предсказали. Они записали законы, ими открытые; их и сегодня знают и по ним предсказывают, в каком году, в каком месяце этого года, в какой день этого месяца и в какой час этого дня луна или солнце затемнится в такой-то своей части. Все и произойдет так, как предсказано.

Дивятся и поражаются люди, не осведомленные в этой науке; ликуют и кичатся осведомленные. В нечестивой гордости отходя от Тебя и удаляясь от Твоего света, они задолго предвидят будущее затмение солнца и не видят собственного в настоящем. Они благоговейно не разыскивают, откуда у них способности, с помощью которых они всё это разыскивают. И даже найдя, что Ты создал их, они не вручают себя самих Тебе, чтобы Ты сохранил их, как создание Свое, и не закалают Тебе в жертву то, что они сами из себя сделали: они не убивают для Тебя ни своих превозносящихся мыслей, как «птиц»; ни своего любопытства, как «рыб морских», — а оно заставляет их бродить по тайным «стезям пропасти», — ни своего распутства, как «полевых скотов», — дабы Ты, Господи, «огнь поядающий»[1], уничтожил их мертвенные заботы, а их воссоздал для бессмертия.

[1] Втор 4, 24.

5. Они не познали Пути, Слова Твоего, Которым Ты создал и то, что они вычисляют, и тех, кто вычисляет, и чувство, которым они различают предметы вычислений, и разум, с помощью которого вычисляют: «Мудрость же Твоя неисчислима»[1]. Сам же Единородный Сын Твой «сделался для нас мудростью, праведностью и освящением»; но Он считался одним из нас и платил подать кесарю[2]. 127

Они не познали этого Пути, чтобы спуститься Им от себя к Нему и через Него к Нему подняться. Они не познали этого Пути; они думают, что вознеслись к звездам и сияют вместе с ними, — и вот рухнули они на землю, и «омрачилось безумное сердце их»[3].

Много верного сообщают они о твари, Истину же, Мастера твари, не ищут благоговейно и потому не находят, а если и найдут, то, «познав Бога, не прославляют Его, как Бога, и не благодарят, но суетствуют в умствованиях своих и называют себя мудрыми»: себе приписывают Твое и поэтому, извращенные и слепые, стараются Тебе приписать свое; переносят ложь свою на Тебя, Который есть Истина: «Изменяя славу

[1] Ср. Пс 146, 5.
[2] См.: Мф 22, 17–21.
[3] Ис 14, 12–13.

нетленного Бога в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся, заменили они истину Божию ложью и поклоняются и служат твари вместо Творца»[1].

6. Я запомнил, однако, у них много верного из наблюдений над природой. Их разумные объяснения подтверждались вычислениями, сменой времен, видимым появлением звезд. Я сравнивал их положения со словами Мани́, изложившего свой бред в множестве пространнейших сочинений: тут не было разумного объяснения ни солнцестояний, ни равноденствий, ни затмений, вообще ни одного из тех явлений, с которыми я ознакомился по книгам мирской мудрости. Мне приказано было верить тому, что совершенно не совпадало с доказательствами, проверенным вычислением и моими собственными глазами и было тому совершенно противоположно.

IV

7. Господи, Боже истины, разве тот, кто знает это, уже угоден Тебе? Несчастен человек, который, зная всё, не знает Тебя; блажен, кто знает Тебя, даже если он не знает ничего другого. Ученого же, познавшего Тебя, сделает блаженнее не

[1] Ср. Рим 1, 21–25.

его наука: чрез Тебя одного он блажен, «если, познав Тебя, прославит Тебя как Бога и возблагодарит и не осуетится в умствованиях своих». Лучше ведь обладать деревом и благодарить Тебя за пользу от него, не зная, сколько в нем локтей высоты и на какую ширину оно раскинулось, чем знать, как его вымерить, как сосчитать все его ветви, но не обладать им, не знать и не любить его Создателя. Так и верному Твоему принадлежит весь мир со всем богатством своим, и, как будто ничего не имея, «он обладает всем»[1], прилепившись к Тебе, которому служит всё. Пусть он не знает, как вращается Большая Медведица; глупо сомневаться, что ему лучше, чем тому, кто измеряет небо, считает звезды, взвешивает вещества — и пренебрегает Тобою, Который «всё расположил мерою, числом и весом»[2].

V

8. Кто, однако, требовал, чтобы какой-то Мани́ писал об этих предметах? Чтобы обучиться благочестию, не нужно о них знать. Ты ведь сказал человеку: «Вот: благочестие и есть

[1] 2 Кор 6, 10.
[2] Прем 11, 21.

мудрость»[1]. Он мог не ведать об этой мудрости, хотя бы и в совершенстве овладел наукой. Она, однако, вовсе не была ему знакома, но он бесстыдно осмеливался поучать. О мудрости, разумеется, он ничего уже знать не мог. Проповедовать мирское знание, даже хорошо себе известное, дело суетное; исповедовать Тебя — это благочестие. Сбившись как раз с этого пути, он много говорил по вопросам научным и был опровергнут настоящими знатоками. Ясно отсюда, каким могло быть его разумение в области, менее доступной. Он же не соглашался на малую для себя оценку и пытался убедить людей, что Дух Святой, утешитель и обогатитель верных Твоих, лично в полноте своего авторитета обитает в нем. Его уличили в лживых утверждениях относительно неба, звезд, движения солнца и луны; хотя это и не имеет отношения к науке веры, тем не менее кощунственность его попыток выступает здесь достаточно: говоря в своей пустой и безумной гордыне о том, чего он не только не знал, но даже исказил, он всячески старался приписать эти утверждения как бы божественному лицу.

9. Когда я слышу, как кто-нибудь из моих братьев христиан, человек невежественный, су-

[1] Ср. Иов 28, 28.

дит вкривь и вкось о вопросах научных, я терпеливо взираю на его мнения: я вижу, что они ему не во вред, если он не допускает недостойных мыслей о Тебе, Господи, Творец всего, и только ничего не знает о положении и свойствах телесной природы. Будет во вред, если он решит, что эти вопросы имеют отношение к сущности вероучения, и осмелится упрямо настаивать на том, чего он не знает. Такую немощность, впрочем, материнская любовь переносит у тех, кто верой еще младенец, ожидая, пока новый человек не восстанет в «мужа совершенного», которого нельзя будет «завертеть ветром всякого учения»[1]. Кто же не сочтет ненавистным и отвратительным безумие человека, который, будучи столько раз уличен во лжи, осмелился предстать перед теми, кого он убеждал, как такой учитель, основоположник, вождь и глава, что последователи его думали, будто они следуют не за простым человеком, а за Духом Твоим Святым? Мне, впрочем, самому не было вполне ясно, можно ли объяснить, согласно и с его словами, смену долгих и коротких дней и ночей, самое смену дня и ночи, затмения светил и тому подобные явления, о которых я читал в других книгах. Если это оказалось возможным, то я всё же оставался бы

[1] Ср. Еф 4, 13–14.

в нерешительности, действительно это так или же нет. Я поддерживал, однако, свою веру его авторитетом, будучи убежден в его святости.

VI

10. Почти девять лет, пока я в своих душевных скитаниях прислушивался к манихеям, напряженно ожидал я прибытия этого самого Фавста. Другие манихеи, с которыми мне довелось встречаться, будучи не в состоянии ответить на мои вопросы по этим поводам, обещали мне в нем человека, который, приехав, в личной беседе очень легко, со всей ясностью, распутает мне не только эти задачи, но и более сложные, если я стану его о них спрашивать.

Когда он прибыл, я нашел в нем человека милого, с приятною речью; болтовня его о манихейских обычных теориях звучала гораздо сладостнее. Что, однако, в драгоценном кубке поднес к моим жаждущим устам этот изящнейший виночерпий? Уши мои пресытились уже такими речами: они не казались мне лучшими потому, что были лучше произнесены; истинными потому, что были красноречивы; душа не казалась мудрой, потому что у оратора выражение лица подобающее, а выражения изысканны. Люди, обещавшие мне Фавста, не были хороши-

ми судьями. Он казался им мудрецом только потому, что он услаждал их своей речью.

Я знал другую породу людей, которым сама истина кажется подозрительной, и они на ней не успокоятся, если ее преподнести в изящной и пространной речи. Ты же наставил меня, Господи, дивным и тайным образом: я верю, что это Ты наставил меня, ибо в этом была истина, а кроме Тебя нет другого учителя истины, где бы и откуда бы ни появился ее свет. Я выучил у Тебя, что красноречивые высказывания не должны казаться истиной потому, что они красноречивы, а нескладные, кое-как срывающиеся с языка слова лживыми потому, что они нескладны, и наоборот: безыскусственная речь не будет тем самым истинной, а блестящая речь тем самым лживой. Мудрое и глупое — это как пища, полезная или вредная, а слова, изысканные и простые, — это посуда, городская и деревенская, в которой можно подавать и ту и другую пищу.

11. Жадность, с которой я столько времени ожидал этого человека, находила себе утоление в оживленном ходе его рассуждений и в той подобающей словесной одежде, в которую он с такой легкостью одевал свои мысли. Я наслаждался вместе со многими и расхваливал и превозносил его даже больше многих, но досадовал, что не могу в толпе слушателей предложить ему

вопросы, меня тревожившие, и поделиться ими, обмениваясь мыслями в дружеской беседе. Когда же наконец случай представился, я вместе с моими друзьями завладел им в то время, когда такое взаимное обсуждение было вполне уместно, и предложил ему некоторые из вопросов, меня волновавших. Я прежде всего увидел человека, совершенно не знавшего свободных наук, за исключением грамматики, да и то в самом обычном объеме. А так как он прочел несколько речей Цицерона, очень мало книг Сенеки, кое-что из поэтов и тех манихеев, чьи произведения были написаны хорошо и по-латыни, и так как к этому прибавлялась еще ежедневная практика в болтовне, то все это и создавало его красноречие, которое от его ловкой находчивости и природного очарования становилось еще приятнее и соблазнительнее. Правильны ли воспоминания мои, Господи Боже мой, Судья моей совести? Сердце мое и память моя открыты Тебе; Ты уже вел меня в глубокой тайне Промысла Твоего и обращал лицом к постыдным заблуждениям моим, чтобы я их увидел и возненавидел.

VII

12. После того как ясна мне стала полная неосведомленность Фавста в тех науках, ве-

ликим знатоком которых я почитал его, стал я отчаиваться в том, что он может объяснить и разрешить вопросы, меня волновавшие. Ничего в них не понимая, он все же мог обладать истиной веры, не будь он манихеем. Книги их полны нескончаемых басен о небе и звездах, о солнце и луне: я уже не рассчитывал на то, чего мне так хотелось, а именно, что он сможет, сравнив их с вычислениями, вычитанными мною в других книгах, до тонкости объяснить мне, так ли все и обстоит, как об этом написано у манихеев, или хотя бы показать, что их доказательства не уступают по силе другим. Когда я предложил ему рассмотреть и обсудить эти вопросы, он скромно не осмелился взвалить на себя такую ношу. Он знал, чего он не знает, и не стыдился в этом сознаться. Он не принадлежал к тем многочисленным болтунам, которых мне приходилось терпеть и которые, пытаясь меня учить, ничего не могли сказать. У Фавста «сердце не было право»[1] по отношению к Тебе, но было очень осторожно по отношению к себе самому. Он не был вовсе неосведомлен в своей неосведомленности и не хотел, кинувшись очертя голову в спор, оказаться в тупике: и выйти некуда, и вернуться

[1] Ср. Деян 8, 21.

трудно. За это он понравился мне еще больше. Скромное признание прекраснее, чем знание, которое я хотел получить; он же во всех трудных и тонких вопросах — я видел это — вел себя неизменно скромно.

13. Рвение, с которым бросился я на писания Мани́, охладело; еще больше отчаялся я в других учителях после того, как знаменитый Фавст оказался так невежествен во многих волновавших меня вопросах. Я продолжал свое знакомство с ним, потому что он страстно увлекался литературой, а я, тогда карфагенский ритор, преподавал ее юношам. Я читал с ним книги — или о которых он был наслышан и потому хотел прочесть их, или которые я считал подходящими для такого склада ума. Знакомство с этим человеком подрезало все мои старания продвинуться в этой секте; я, правда, не отошел от них совсем, но вел себя как человек, который, не находя пока ничего лучшего, чем учение, в которое он когда-то вслепую ринулся, решил пока что этим и довольствоваться в ожидании, не высветлится ли случайно что-то, на чем надо остановить свой выбор.

Таким образом, Фавст, для многих оказавшийся «силком смерти»[1], начал, сам того не

[1] Пс 17, 6.

желая и о том не подозревая, распутывать тот, в который я попался. Рука Твоя, Господи, в неисповедимости Промысла Твоего, не покидала души моей. Мать моя приносила Тебе в жертву за меня кровавые, из сердца денно и нощно лившиеся слезы, и Ты дивным образом поступил со мною. Ты, Господи, так поступил со мною, ибо «Господом утверждаются стопы человека, и Он благоволит к пути его»[1]. И кто подаст нам спасение, как не рука Твоя, обновляющая создание Твое?

VIII

14. Рука Твоя была в том, что меня убедили переехать в Рим и лучше там преподавать то, что я преподавал в Карфагене. Я не премину исповедать Тебе, что́ побудило меня к этому переезду: глубина, в которой Ты скрываешься, и милосердие Твое, которое всегда тут с нами, достойны размышления и хвалы.

Я решил отправиться в Рим не потому, что друзья, убеждавшие меня, обещали мне больший заработок и более видное место, хотя и то и другое меня тогда привлекало; главной же и почти единственной причиной были рассказы

[1] Пс 36, 23.

о том, что учащаяся молодежь ведет себя в Риме спокойнее, что их сдерживает строгая и определенная дисциплина и они не смеют дерзко и беспорядочно врываться в помещение к чужому учителю: доступ к нему в школу открыт вообще только с его разрешения. В Карфагене же, наоборот, среди учащихся царит распущенность мерзкая, не знающая удержу. Они бесстыдно вламываются в школу и, словно обезумев, нарушают порядок, заведенный учителем для пользы учения. С удивительной тупостью наносят они тысячу обид, за которые следовало бы по закону наказывать; но обычай берет их под свое покровительство. Они тем более жалки, что совершают, как нечто дозволенное, поступки, которые никогда не будут дозволены по вечному закону Твоему; они считают себя в полной безнаказанности, но их наказывает слепота к собственному поведению; они потерпят несравненно худшее, чем то, что делают. Учась, я не хотел принадлежать к этой толпе; став учителем, вынужден был терпеть ее около себя. Поэтому мне и хотелось отправиться туда, где, по рассказам всех осведомленных людей, ничего подобного не было. На самом же деле это «Ты, надежда моя и часть моя на земле живых»[1], побудил меня,

[1] Пс 141, 5.

ради спасения души моей, переменить место на земле: в Карфагене Ты бичом меня стегал, чтобы вырвать оттуда; в Риме приманки расставлял, чтобы привлечь туда, — действовал через людей, любивших эту жизнь смерти; здесь они творили безумства, там сыпали пустыми обещаниями; чтобы направить шаги мои, Ты втайне пользовался их и моею развращенностью. Те, кто нарушал мой покой, были ослеплены мерзким бешенством; те, кто звал к другому, были мудры по-земному. И я, ненавидевший здесь подлинное страдание, стремился туда — к мнимому счастью.

15. Ты знал, Господи, почему я уезжал из Карфагена и ехал в Рим, но не подал об этом никакого знака ни мне, ни матери моей, которая горько плакала о моем отъезде и провожала меня до самого моря. Она крепко ухватилась за меня, желая или вернуть обратно, или отправиться вместе со мной, но я обманул ее, сочинив, что хочу остаться с приятелем, пока он не отплывает с поднявшимся ветром.

Я солгал матери — и такой матери! — и ускользнул от нее. И это Ты милосердно отпустил мне, сохранив меня, полного грязи и мерзости, от морских вод и приведя к воде благодати Твоей, омывшись которой, я осушил потоки материнских слез, которыми она

ежедневно орошала пред Тобою землю, плача обо мне. Она отказывалась вернуться без меня, и я с трудом убедил ее провести эту ночь в часовне Святого Киприана, поблизости от нашего корабля. И в эту ночь я тайком отбыл, она же осталась, молясь и плача. О чем просила она Тебя, Господи, с такими слезами? О том, чтобы Ты не позволил мне отплыть? Ты же, в глубине советов Своих, слыша главное желание ее, не позаботился о том, о чем она просила тогда: да сделаешь из меня то, о чем она просила всегда. Подул ветер и наполнил паруса наши и скрыл от взглядов наших берег, где она утром, обезумев от боли, наполняла уши Твои жалобами и стонами, которые Ты презрел: Ты влек меня на голос моих страстей, чтобы покончить с этими страстями, а ее за ее плотскую тоску хлестала справедливая плеть боли. Она любила мое присутствие, как все матери, только гораздо больше, чем многие матери, и не ведала, сколько радости готовишь Ты ей моим отсутствием. Она не ведала этого и поэтому плакала и вопила, и в этих муках сказывалось в ней наследие Евы: в стенаниях искала она то, что в стенаниях породила. И, однако, после обвинений меня в обмане и жестокости она опять обратилась к молитвам за меня и вернулась к обычной своей жизни; я же прибыл в Рим.

IX

16. И вот настигла меня плетью своей телесная болезнь; я уже шел в ад, унося с собою все грехи, которые совершил пред Тобою, перед самим собою и перед другими, — великое и тяжкое звено, добавленное к оковам первородного греха, которым «мы все умираем в Адаме». Ты ничего еще не отпустил мне во Христе, ибо он «не упразднил» еще на кресте своем «вражды»[1], которая была у меня с Тобою за грехи мои. Мог ли упразднить ее этот распятый призрак, в которого я верил? Насколько мнимой казалась мне Его плотская смерть, настолько подлинной была смерть моей души, и насколько подлинной была Его плотская смерть, настолько мнимой была жизнь моей души, не верившей в Его смерть.

Лихорадка моя становилась всё тяжелее; я уходил и уходил в погибель. Куда ушел бы я, если бы отошел тогда? Конечно, по справедливому порядку Твоему, только в огонь и муки, достойные моих дел. А мать не знала этого, но молилась в отсутствии. Ты же, присутствуя везде, услышал ее там, где была она, и сжалился надо мною там, где был я: телесное здоровье

[1] Еф 2, 15–16.

вернулось ко мне, еще больному кощунственным сердцем своим. Я ведь не захотел принять Твоего крещения, даже в такой опасности; был я лучше мальчиком, когда требовал от благочестивой матери своей, чтобы она окрестила меня; об этом я вспоминал уже, исповедуясь Тебе. Я возрос на позор себе и, безумный, смеялся над Твоим врачеванием, но Ты не позволил мне, такому, умереть двойной смертью. Если бы такая рана поразила сердце моей матери, она никогда бы не оправилась. Я не могу достаточно выразить, как она любила меня; она вынашивала меня в душе своей с гораздо большей тревогой, чем когда-то носила в теле своем.

17. Я не знаю, как могла бы она оправиться, если бы в самой глубине любви своей была она пронзена такой смертью моей. Где же были горячие, такие частые, непрерывные молитвы? Только у Тебя. Разве Ты, Господи милосердия, «презрел бы сердце сокрушенное и смиренное»[1] чистой скромной вдовы, прилежно творившей милостыню, охотно служившей служителям Твоим, не пропускавшей ни одного дня, чтобы не принести жертву к Твоему алтарю; дважды в день, утром и вечером, неизменно приходившей в церковь Твою не для пустых

[1] Пс 50, 19.

сплетен и старушечьей болтовни, а чтобы услышать Тебя в словах Твоих и быть услышанной Тобой в молитвах своих. Такою создала ее благодать Твоя. Ее ли слезами пренебрег бы Ты, ее ли бы оттолкнул и не подал ей помощи, когда она просила у Тебя не золота и серебра, не бренных и преходящих благ, а душевного спасения сыну? Нет, Господи, нет. Ты находился тут, Ты слышал ее и сделал всё так, как это было предопределено Тобою. Невозможно, чтобы Ты обманывал ее в тех видениях и ответах Твоих, из которых я одни упоминал, а другие не упоминал и которые она хранила верным сердцем и, постоянно молясь, предъявляла Тебе, как собственноручное Твое обязательство. И Ты удостоил, «ибо вовеки милость Твоя»[1], перед теми, кому Ты отпускаешь все долги их, оказаться должником, обязанным исполнять обещания Свои.

X

18. Итак, Ты исцелил меня от этой болезни и спас сына служанки Твоей, пока еще только телесно, чтобы было кому даровать спасение более действительное и надежное.

[1] Пс 117, 1.

Я и в Риме опять связался с этими «святыми» обманутыми обманщиками, и на этот раз не только со «слушателями», в числе которых находился и тот человек, в чьем доме я хворал и выздоровел, но и с теми, кого они зовут «избранными». Мне до сих пор еще казалось, что это не мы грешим, а грешит в нас какая-то другая природа; гордость моя услаждалась тем, что я не причастен вине, и если я делал что-нибудь худое, то я не исповедовался в своем проступке, чтобы «Ты исцелил душу Мою, ибо согрешил я пред Тобою»[1], мне лестно было извинять себя и обвинять что-то другое, что было со мной и в то же время мною не было. На самом же деле я представлял собою нечто цельное, но мое нечестие разделило меня и поставило против меня же самого: неизлечимее был грех, потому что я не считал себя грешником, и окаянной неправдой, Всемогущий, было желать, чтобы Ты скорее оказался побежден во мне на погибель мою, чем я Тобою во спасение мое. Ибо еще «Ты не положил, Господи, охрану устам моим и не оградил двери уст моих, дабы не уклонилось сердце мое к словам лукавым для извинения дел греховных вместе с людьми,

[1] Пс 40, 5.

делающими беззаконие»[1], поэтому я и общался с их «избранными».

Я отчаялся уже, однако, в том, что могу найти полезное в их лживом учении, которым решил удовольствоваться, если не найду ничего лучшего; небрежно и кое-как я за него держался.

19. У меня зародилась даже мысль, что наиболее разумными были философы, именуемые академиками, считавшие, что все подлежит сомнению и что истина человеку вообще недоступна. Мне казалось, как и всем, что они именно так и думали; их намерение было мне еще непонятно.

Я не упускал случая подавить в моем хозяине чрезмерную доверчивость, с которой он, я видел, относился к сказкам, наполняющим манихейские книги. Я продолжал, однако, быть ближе к манихеям и дружнее с ними, чем с людьми, стоявшими вне этой ереси. Я не защищал ее уже с прежним пылом, и, однако, близость с манихеями (а много их укрывалось в Риме) делала меня ленивее на поиски другого, тем более что я отчаялся, Господи неба и земли, Творец всего видимого и невидимого, найти в Церкви Твоей истину, от которой они меня

[1] Пс 140, 3–4.

отвратили: мне казалось великим позором верить, что Ты имел человеческую плоть и был заключен в пределы, ограниченные нашей телесной оболочкой. А так как, желая представить себе Бога моего, я не умел представить себе ничего иного, кроме телесной величины, — мне и казалось, что ничего бестелесного вообще и не существует, — то это и было главной и, пожалуй, единственной причиной моего безысходного заблуждения.

20. Поэтому и зло мыслил я как такую же субстанцию, представленную темной и бесформенной величиной — то плотной, которую они называли землей, то редкой и тонкой, как воздух; они воображали, что это злой дух, ползающий по этой земле. И так как даже мое жалкое благочестие заставляло меня верить, что ни одно злое существо не могло быть создано благим Богом, то я и решил, что существуют две величины, одна другой противоположные, обе они бесконечны, только злая поуже, а добрая пошире. Это тлетворное начало влекло за собой и другие мои богохульства. Когда душа моя пыталась вернуться к православной вере, то меня отталкивало от нее, потому что мысли мои о ней не соответствовали тому, чем она была на самом деле. Мне казалось благочестивее, Господи, Чье милосердие засвидетельствовано на

мне, верить, что Ты во всем безграничен, хотя в одном приходилось признать ограниченность Твою — там, где Тебе противостояла громада зла. Это казалось мне благочестивее, чем считать, что Ты был ограничен во всех отношениях формой человеческого тела. И мне казалось лучше верить в то, что Ты не создал никакого зла (в невежестве своем я представлял его себе не только как некую субстанцию, но как субстанцию телесную, потому что и разум не умел мыслить себе его иначе, как в виде тонкого тела, разлитого, однако, в пространстве), чем верить, что от Тебя произошло то, что я считал злом. Самого же Спасителя нашего, Единородного Сына Твоего, считал я как бы исшедшим для спасения нашего из самой светлой части вещества Твоего и не желал верить о нем ничему, кроме своей пустой фантазии. Я думал, что он, обладая такою природою, не мог родиться от Девы Марии, не смесившись с плотью. Смеситься же с нею и не оскверниться казалось мне невозможным для такого существа, какое я себе представлял. Поэтому я боялся верить, что Он воплотился, чтобы не быть вынуждену верить, что Он осквернился от плоти. Люди духовной жизни, если им доведется читать мою исповедь, ласково и любовно посмеются сейчас надо мной, но таким был я.

XI

21. Затем я считал, что в Твоем Писании невозможно защищать те части, на которые манихеи нападали. Иногда, правда, я хотел обсудить каждую в отдельности с кем-нибудь, кто был хорошо осведомлен в этих книгах, и узнать, что он по этому поводу думает. Меня еще в Карфагене поколебали рассуждения некоего Эллидия, открыто выступавшего против манихеев: его словам о Писании противостоять было трудно. Довод манихеев казался мне слабым тем более, что они неохотно доставали его из-под спуда перед всеми, а сообщали только нам втайне: они говорили, что Новый Завет подделан какими-то людьми, захотевшими привить к христианской вере иудейский закон, но сами не показывали ни одного подлинного текста. А я, думая об этих телесных громадах, словно пленник, задыхавшийся под их тяжестью, не мог перевести дух и вздохнуть чистым и прозрачным воздухом Твоей простой истины.

XII

22. Я прилежно взялся за дело, ради которого я приехал: начал преподавать в Риме риторику и сперва собрал у себя дома несколько учеников,

знакомство с которыми доставило мне и дальнейшую известность. И вот я узнаю, что в Риме бывает то, чего в Африке мне не доводилось испытывать: здесь действительно юные негодяи не ставили всего вверх дном — это я сам видел, — но мне рассказывали о другом: «Вдруг, чтобы не платить учителю, юноши начинают между собой сговариваться и толпой переходят к другому. Этим нарушителям сло́ва дороги деньги; справедливость у них стоит дешево». Ненавидело таких сердце мое, хотя и не «совершенной ненавистью»[1]. Может быть, я больше ненавидел их за то, что мне предстояло претерпеть от них, чем за вред, нанесенный другим.

Такие люди, конечно, гадки: они «преданы разврату вдали от Тебя»[2]; из любви к быстротечным забавам и грязной наживе, пачкающей руку, которая ее берет, в погоне за этим ускользающим миром, они презирают Тебя, Кто неизменно пребывает, зовет к Себе обратно и прощает блудную человеческую душу, возвращающуюся к Нему. И теперь мне ненавистны такие испорченные и развращенные люди, но я и люблю их, надеясь исправить: пусть предпочтут деньгам науку, которой их учат, а ей Тебя,

[1] Пс 138, 22.
[2] Ср. Пс 72, 27.

Господи, Истину, преизбыток надежного блага и чистого мира. Тогда же я скорее не хотел иметь дело с ними, злыми передо мною, чем хотел, чтобы они стали добрыми перед Тобой.

XIII

23. Поэтому когда из Медиолана прислали к префекту Рима с просьбой найти для их города учителя риторики и разрешить ему проезд на казенных лошадях, то я стал искать этого места с помощью тех же самых манихеев, пьяных тщеславием, чтобы избавиться от них, от которых я и уезжал, о чем ни сам я, ни они не подозревали. Было предложено произнести речь: Симмах, бывший тогда префектом, одобрил ее и отправил меня.

Я приехал в Медиолан к епископу Амвросию, к одному из лучших людей, известных по всему миру, благочестивому служителю Твоему, чьи проповеди неустанно подавали народу Твоему «тук пшеницы Твоей, радовали маслом, опьяняли трезвым вином»[1]. Ты привел меня к нему без моего ведома, чтобы он привел меня к Тебе с моего ведома.

[1] Ср. Пс 80, 17; 103, 15.

Этот Божий человек отечески принял меня и приветствовал мое переселение по-епископски. Я сразу полюбил его, сначала, правда, не как учителя истины, найти которую в Твоей Церкви я отчаялся, но как человека, ко мне благожелательного. Я прилежно слушал его беседы с народом не с той целью, с какой бы следовало, а как бы присматриваясь, соответствует ли его красноречие своей славе, преувеличено ли оно похвалами или недооценено; я с величайшим вниманием ловил его слова и беззаботно пренебрегал их содержанием. Я наслаждался прелестью его речи, более ученой, правда, но менее яркой и привлекательной по форме, чем речь Фавста. По содержанию их нельзя было и сравнивать: один заблудился в манихейской лжи; другой спасительно учил спасению.

Но «далеко спасение от грешников»[1], каким я был тогда, и, однако, исподволь и сам того не зная, приближался я к нему.

XIV

24. Хотя я и не старался изучить то, о чем он говорил, а хотел только послушать, как он говорит (эта пустая забота о словах осталась у меня

[1] Пс 118, 155.

и тогда, когда я отчаялся, что человеку может быть открыта дорога к Тебе), но в душу мою разом со словами, которые я принимал радушно, входили и мысли, к которым я был равнодушен. Я не мог отделить одни от других. И когда я открывал сердце свое тому, что было сказано красно, то тут же входило в него и то, что было сказано истинного, — входило, правда, постепенно. Прежде всего мне начало казаться, что эти мысли можно защищать, и я перестал думать, что только по бесстыдству можно выступать за православную веру, отстаивать которую против манихейских нападок, по моим прежним понятиям, было невозможно. Особенно подействовало на меня неоднократное разрешение загадочных мест Ветхого Завета; их буквальное понимание меня убивало. Услышав объяснение многих текстов из этих книг в духовном смысле, я стал укорять себя за то отчаяние, в которое пришел когда-то, уверовав, что тем, кто презирает и осмеивает Закон и Пророков, противостоять вообще нельзя. Я не думал, однако, что мне следует держаться церковного пути: у православной веры есть ведь свои ученые защитники, которые подробно и разумно опровергнут то, чего я держался, раз защищающиеся стороны равны по силе. Православная вера не казалась мне по-

бежденной, но еще не предстала победительницей.

25. Тогда же я приложил все силы к тому, чтобы попытаться как-либо с помощью верных доказательств изобличить манихейскую ложь. Если бы я мог представить себе духовную субстанцию, то, конечно, все их построения развалились бы и я отбросил бы их прочь, но я не мог. Я стал, однако, по тщательном рассмотрении и сравнении, приходить к заключению, что большинство философов гораздо вернее думали о самом мире и обо всей природе, доступной нашим телесным чувствам.

Итак, по примеру академиков (как их толкуют), во всем сомневаясь и ни к чему не пристав, я решил все же покинуть манихеев: я не считал возможным в этот период своих сомнений оставаться в секте, которой я уже предпочел некоторых философов; этим философам, однако, я отказался доверить лечение своей расслабленной души, потому что они не знали спасительного имени Христова. И я решил оставаться катехуменом в Православной Церкви, завещанной мне родителями, пока не засветится передо мной что-то определенное, к чему я и направлю путь.

КНИГА ШЕСТАЯ

I

1. Надежда моя от юности моей[1], где Ты был и куда удалился? Разве не Ты сотворил меня, не Ты отличил от животных и сделал разумнее небесных птиц? А я «ходил во мраке по скользким стезям»[2]; я искал Тебя вне себя и не находил «Бога сердца моего»[3] и дошел «до глубины морской»[4], разуверившись и отчаявшись в том, что можно найти истину.

Ко мне приехала моя мать, сильная своим благочестием; она последовала за мной по суше и по морю, уповая на Тебя во всех опасностях. Во время бедствий на море она утешала самих моряков, которые обычно утешают путешественников, когда, незнакомые с морем, они приходят в смятение: она обещала им благополучное прибытие потому, что Ты обещал ей это в видении.

Она нашла меня в большой опасности: отыскать истину я отчаялся. От сообщения моего,

[1] Пс 70, 5.
[2] Пс 34, 6.
[3] Пс 72, 26.
[4] Ср. Пс 67, 23.

что я уже не манихей, но и не православный христианин, она не преисполнилась радости, будто от нечаянного известия: мое жалкое положение оставляло ее спокойной в этом отношении; она оплакивала меня, как умершего, но которого Ты должен воскресить; она представляла Тебе меня как сына вдовы, лежавшего на смертном одре, которому Ты сказал: «Юноша, тебе говорю, встань» — и он ожил и «стал говорить, и Ты отдал его матери его»[1]. Поэтому сердце ее не затрепетало в бурном восторге, когда она услышала, что уже в значительной части совершилось то, о чем она ежедневно со слезами молилась Тебе; истины я еще не нашел, но ото лжи уже ушел. Будучи уверена, что Ты, обещавший целиком исполнить ее молитвы, довершишь и остальное, она очень спокойно, с полной убежденностью ответила мне, что раньше, чем она уйдет из этой жизни, она увидит меня истинным христианином: она верит этому во Христе.

Только это и сказала она мне; Тебе же, Источник милосердия, воссылала еще чаще слезные молитвы, да ускоришь помощь Свою и осветишь потемки мои. Еще прилежнее ходила она в церковь и, не отрываясь, слушала Амвросия

[1] См.: Лк 7, 12–15.

 «у источника воды, текущей в жизнь вечную»[1]. Она любила этого человека, как Ангела Божия, узнав, что это он довел меня пока что до сомнений и колебаний; она уверенно ожидала, что я оправлюсь от болезни и стану здоров, пройдя через этот промежуточный и самый опасный час, который врачи называют критическим.

II

2. Однажды, по заведенному в Африке порядку, она принесла к могилам святых кашу, хлеб и чистое вино. Привратник не принял их. Узнав, что это запрет епископа, она приняла его распоряжение так послушно и почтительно, что я сам удивился, как легко она стала осуждать собственный обычай, а не рассуждать о его запрете. Душа ее не лежала к выпивке, и любовь к вину не подстрекала ненавидеть истину, как это бывает с большинством мужчин и женщин, которых от трезвых напевов тошнит, как пьяниц от воды. Она приносила корзину с установленной едой, которую следовало сначала отведать, а потом раздать, а для себя оставляла только один маленький кубок, разведенный водой по ее трезвенному вкусу. Из него и отпивала она

[1] Ин 4, 14.

в знак уважения к обычаю; если надобно было таким же образом почтить память многих почивших, то она обносила этот самый кубок по всем могилам; понемногу прихлебывая не только очень жидкое, но и очень теплое вино, она принимала, таким образом, участие в общей трапезе, ища в ней благочестивого служения, а не наслаждения.

Итак, узнав, что славный проповедник и страж благочестия запретил этот обычай даже тем, кто трезвенно справлял его, — не надо давать пьяницам случая напиваться до бесчувствия, — кроме того, эти своеобразные поминки очень напоминали языческое суеверие, — мать моя очень охотно отказалась от него: она выучилась приносить к могилам мучеников вместо корзины, полной земных плодов, сердце, полное чистых обетов, и оделять бедных в меру своих средств. Там причащались Тела Господня; подражая ведь страстям Господа, принесли себя в жертву и получили венец мученики.

Мне кажется, однако, Господи Боже мой — и сердце мое в этом открыто перед Тобой, — мать моя, может быть, не так легко согласилась бы отвергнуть эту привычку, если бы запрет наложил другой человек, которого она любила бы не так, как Амвросия, которого любила чрезвычайно за мое спасение. Он же любил ее за благочестивый

образ жизни, за усердие, с которым она неизменно посещала церковь, «пламенея духом»[1] к добрым делам. У него часто при встрече со мной вырывались похвалы ей, и он поздравлял меня с тем, что у меня такая мать; он не знал, что у нее за сын, сын, который во всем сомневался и считал, что невозможно найти «путь жизни»[2].

III

3. Я не стенал еще, молясь, чтобы Ты помог мне, но душа моя жила в напряженном искании и беспокойном размышлении. Самого Амвросия я с мирской точки зрения почитал счастливцем за тот почет, который ему воздавали люди, облеченные высокой властью; тягостным только казалось мне его безбрачие. А какие надежды он питал, какую борьбу вел против соблазнов своего высокого положения; чем утешался в бедствиях; какую сочную радость переживало и передумывало сердце его от вкушения Твоего хлеба, об этом я не мог догадаться, и опыта в этом у меня не было.

И он не знал о бурях моих и о западне, мне расставленной. Я не мог спросить у него, о чем

[1] Ср. Рим 12, 11.
[2] Ср. Пс 15, 11.

хотел и как хотел, потому что нас всегда разделяла толпа занятых людей, которым он помогал в их затруднениях. Когда их с ним не было, то в этот очень малый промежуток времени он восстанавливал телесные силы необходимой пищей, а чтением — духовные. Когда он читал, глаза его бегали по страницам, сердце доискивалось до смысла, а голос и язык молчали. Часто, зайдя к нему (доступ был открыт всякому и не было обычая докладывать о приходящем), я заставал его не иначе, как за этим тихим чтением. Долго просидев в молчании (кто осмелился бы нарушить такую глубокую сосредоточенность?), я уходил, догадываясь, что он не хочет ничем отвлекаться в течение того короткого времени, которое ему удавалось среди оглушительного гама чужих дел улучить для собственных умственных занятий. Он боялся, вероятно, как бы ему не пришлось давать жадно внимающему слушателю разъяснений по поводу темных мест в прочитанном или же заняться разбором каких-нибудь трудных вопросов и, затратив на это время, прочесть меньше, чем ему бы хотелось. Читать молча было для него хорошо еще и потому, что он таким образом сохранял голос, который у него часто становился хриплым. С какими бы намерениями он так ни поступал, во всяком случае поступал он во благо.

4. Мне, конечно, не представлялось никакой возможности подробно расспросить, о чем мне хотелось; как думал он об этом в сердце своем, святом Твоем прорицалище. Бывали только короткие разговоры. Волнению моему, чтобы отхлынуть, требовалась беседа на досуге, а его у Амвросия никогда не бывало. Я слушал его в народе, каждое воскресенье, «верно преподающего слово истины»[1], и все больше и больше утверждался в мысли, что можно распутать все клеветнические хитросплетения, которые те обманщики сплетали во вражде своей против Писания.

Когда я увидел, что духовными детьми Твоими, которых Ты возродил благодатью от Матери Церкви, создание человека по образу Твоему не понимается так, будто Ты ограничил себя обликом человеческого тела (хотя я еще не подозревал, даже отдаленно, даже гадательно, что́ такое духовная субстанция), то я и покраснел от стыда и обрадовался, что столько лет лаял не на Православную Церковь, а на выдумки плотского воображения. Я был дерзким нечестивцем: я должен был спрашивать и учиться, а я обвинял и утверждал.

[1] 2 Тим 2, 15.

Ты же, пребывающий в вышних и рядом, самый далекий и самый близкий, у Которого нет бо́льших и меньших членов, Который повсюду весь и не ограничен ни одним местом, Ты не имеешь, конечно, этого телесного облика, и, однако, «Ты создал человека по образу Твоему»[1], и вот он — с головы до ног — ограничен определенным местом.

IV

5. Так как я не знал, каким образом возник этот образ Твой, то мне надлежало стучаться и предлагать вопросы, как об этом следует думать, а не дерзко утверждать, будто вот так именно и думают. Забота о том, чтобы ухватиться за что-то достоверное, грызла меня тем жесточе, чем больше стыдился я, что меня так долго дурачили и обманывали обещанием достоверного знания, и я болтал с детским воодушевлением и недомыслием, объявляя достоверным столько недостоверного! Только позднее мне выяснилась эта ложь. Достоверным, однако, было для меня то, что все это недостоверно, а мною раньше принималось за достоверное, когда я слепо накидывался на Православную Церковь Твою

[1] Быт 1, 27.

и обвинял ее: учит ли она истине, я еще не знал, но уже видел, что она учит не тому, за что я осыпал ее тяжкими обвинениями. Таким образом, приведен был я к смущению и к обращению: я радовался, Господи, что Единая Церковь, Тело Единого Сына Твоего, в которой мне, младенцу, наречено было имя Христово, не забавляется детской игрой и по здравому учению своему не запихивает Тебя, Творца вселенной, в пространство, пусть огромное, но ограниченное отовсюду очертаниями человеческого тела.

6. Я радовался также, что мне предлагалось читать книги Ветхого Завета другими глазами, чем раньше: книги эти ведь казались мне нелепыми, и я изобличал мнимые мысли святых Твоих, мысливших на самом деле вовсе не так. Я с удовольствием слушал, как Амвросий часто повторял в своих проповедях к народу, усердно рекомендуя, как правило: «Буква убивает, а дух животворит»[1]. Когда, снимая таинственный покров, он объяснял в духовном смысле те места, которые, будучи поняты буквально, казались мне проповедью извращенности, то в его словах ничто не оскорбляло меня, хотя мне еще было неизвестно, справедливы ли эти слова. Я удерживал сердце свое от согласия с чем бы то ни было, бо-

[1] 2 Кор 3, 6.

ясь свалиться в бездну, и это висение в воздухе меня вконец убивало. Я хотел быть уверен в том, чего я не видел, так же, как был уверен, что семь да три десять. Я не был настолько безумен, чтобы считать и это утверждение недоступным для понимания, но я хотел постичь остальное так же, как сложение, будь это нечто телесное, но удаленное от моих внешних чувств, или духовное, которое я не умел представить себе иначе, как в телесной оболочке. Излечиться я мог бы верою, которая как-то направила бы мой прояснившийся умственный взор к истине Твоей, всегда пребывающей и ни в чем не терпящей ущерба. Как бывает, однако, с человеком, который, попав на плохого врача, боится довериться хорошему, так было и с моей больной душой; она не могла излечиться ничем, кроме веры, и отказывалась от лечения, чтобы не поверить в ложь; она сопротивлялась руке Твоей, а Ты приготовил лекарство веры, излил его на все болезни мира и сообщил ему великую действенность.

V

7. С этого времени, однако, я стал предпочитать православное учение, поняв, что в его повелении верить в то, чего не докажешь (может быть, доказательство и существует, но, пожалуй,

не для всякого, а может, его вовсе и нет), больше скромности и подлинной правды, чем в издевательстве над доверчивыми людьми, которым заносчиво обещают знание, а потом приказывают верить множеству нелепейших басен, доказать которые невозможно. А затем, Господи, Ты постепенно умирил сердце мое, касаясь его столь кроткой и жалостливой рукой. Я стал соображать, как бесчисленны явления, в подлинность которых я верю, но которые я не видел и при которых не присутствовал: множество исторических событий, множество городов и стран, которых я не видел; множество случаев, когда я верил друзьям, врачам, разным людям, — без этого доверия мы вообще не могли бы действовать и жить. Наконец, я был непоколебимо уверен в том, от каких родителей я происхожу: я не мог бы этого знать, не поверь я другим на слово. Ты убедил меня, что обвинять надо не тех, кто верит Книгам Твоим, которые Ты облек таким значением для всех почти народов, а тех, кто им не верит, и что не следует слушать людей, которые могут сказать: «Откуда ты знаешь, что эти Книги были преподаны человеческому роду Духом Божиим, истинным и исполненным правды?». Как раз в это самое и нужно было мне целиком поверить, потому что никакая едкость коварных вопросов, рассеянных по многим читанным мною

философским сочинениям, авторы которых спорили между собой, не могла исторгнуть у меня, хотя на время, веры в Твое существование и в то, что Ты управляешь человеческими делами: я не знал только, что́ Ты есть.

8. Вера моя была иногда крепче, иногда слабее, но всегда верил я и в то, что Ты есть, и в то, что Ты заботишься о нас, хотя и не знал, что следует думать о субстанции Твоей, и не знал, какой путь ведет или приводит к Тебе. Не имея ясного разума, бессильные найти истину, мы нуждаемся в авторитете Священного Писания; я стал верить, что Ты не придал бы этому Писанию такого повсеместного исключительного значения, если бы не желал, чтобы с его помощью приходили к вере в Тебя и с его помощью искали Тебя. Услышав правдоподобные объяснения многих мест в этих книгах, я понял, что под нелепостью, так часто меня в них оскорблявшей, кроется глубокий и таинственный смысл. Писание начало казаться мне тем более достойным уважения и благоговейной веры, что оно всем было открыто и в то же время хранило достоинство своей тайны для ума более глубокого; по своему общедоступному словарю и совсем простому языку оно было Книгой для всех и заставляло напряженно думать тех, кто не легкомыслен сердцем; оно раскрывало объятия всем и через

узкие ходы[1] препровождало к Тебе немногих — их, впрочем, гораздо больше, чем было бы, не вознеси Писание на такую высоту свой авторитет, не прими оно такие толпы людей в свое святое смиренное лоно.

Я думал об этом — и Ты был со мной; я вздыхал — и Ты слышал меня; меня кидало по волнам — и Ты руководил мною; я шел широкой мирской дорогой, но Ты не покидал меня.

VI

9. Я жадно стремился к почестям, к деньгам, к браку, и Ты смеялся надо мной. Эти желания заставляли меня испытывать горчайшие затруднения; Ты был ко мне тем милостивее, чем меньше позволял находить усладу там, где не было Тебя.

Посмотри в сердце мое, Господи: Ты ведь захотел, чтобы я вспомнил об этом и исповедался Тебе. Да прилепится сейчас к Тебе душа моя, которую Ты освободил из липкого клея смерти. Как она была несчастна! Ты поражал ее в самое больное место, да оставит всё и обратится к Тебе, Который выше всего и без Которого ничего бы не было; да обратится и исцелится. Как был я ни-

[1] Ср. Мф 7, 14.

чтожен, и как поступил Ты, чтобы я в тот день почувствовал ничтожество мое! Я собирался произнести похвальное слово императору; в нем было много лжи, и людей, понимавших это, оно ко мне, лжецу, настроило бы благосклонно. Я задыхался от этих забот и лихорадочного наплыва изнуряющих размышлений. И вот, проходя по какой-то из медиоланских улиц, я заметил нищего; он, видимо, уже подвыпил и весело шутил. Я вздохнул и заговорил с друзьями, окружавшими меня, о том, как мы страдаем от собственного безумия; уязвляемые желаниями, волоча за собою ношу собственного несчастья и при этом еще его увеличивая, ценою всех своих мучительных усилий, вроде моих тогдашних, хотим мы достичь только одного: спокойного счастья. Этот нищий опередил нас; мы, может быть, никогда до нашей цели и не дойдем. Он получил за несколько выклянченных монет то, к чему я добирался таким мучительным, кривым, извилистым путем, — счастье преходящего благополучия. У него, правда, не было настоящей радости, но та, которую я искал на путях своего тщеславия, была много лживее. И он, несомненно, веселился, а я был в тоске; он был спокоен, меня била тревога. Если бы кто-нибудь стал у меня допытываться, что́ я предпочитаю: ликовать или бояться, я ответил бы: «ликовать». Если бы меня

спросили опять: предпочитаю я быть таким, как этот нищий, или таким, каким я был в ту минуту, то я все-таки выбрал бы себя, замученного заботой и страхом, выбрал бы от развращенности. Разве была тут правда? Я не должен был предпочитать себя ему, потому что был ученее: наука не давала мне радости, я искал с ее помощью, как угодить людям — не для того, чтобы их научить, а только, чтобы им угодить. Поэтому посохом учения Твоего «Ты и сокрушал кости мои»[1].

10. Прочь от меня те, кто скажет душе моей: «Есть разница в том, чему человек радуется. Тот нищий находил радость в выпивке; ты жаждал радоваться славе». Какой славе, Господи? Не той, которая в Тебе. Как та радость не была настоящей, так не была настоящей и моя слава; она только больше кружила мне голову. Нищий должен был в ту же ночь проспаться от своего опьянения; я засыпал и просыпался в моем; буду и впредь засыпать в нем и в нем просыпаться — посмотри, сколько дней! Я знаю, что есть разница в том, чему человек радуется: радость верующего и надеющегося несравнима с этой пустой радостью. И тогда, однако, нельзя было нас сравнивать. Разумеется, он был счастливее, и не только потому, что веселье било в нем через

[1] Ср. Пс 50, 10.

край, а меня глодали заботы, но и потому, что
он раздобыл себе вина, осыпая людей добрыми пожеланиями, а я ложью искал утолить свою спесь. Я много говорил тогда в этом же смысле с моими близкими, часто судил по таким поводам о собственном состоянии; находил, что мне худо, горевал об этом и тем еще удваивал свое горе. А если счастье улыбалось мне, то мне скучно было ловить его, потому что оно улетало раньше, чем удавалось его схватить.

VII

11. Я вздыхал об этом вместе с моими друзьями, с которыми жил, и особенно откровенно разговаривал с Алипием и Небридием. Алипий был родом из того же муниципия, что и я, происходил из муниципальной знати и был моложе меня возрастом. Он учился у меня, когда я начал преподавать в нашем городе и позже в Карфагене, и очень любил меня, считая добрым и ученым человеком; я же любил его за врожденные задатки ко всему доброму, достаточно обнаружившиеся в нем, когда был он еще совсем юн. Водоворот карфагенской безнравственности с ее пылким увлечением пустыми зрелищами втянул его в цирковое помешательство, и оно закружило его жалостным образом. В то время

я был занят преподаванием риторики в городской школе. Он еще не учился у меня по причине некоторой натянутости, возникшей между мною и его отцом. Я узнал, что он одержим губительной любовью к цирку, и тяжко опечалился, мне казалось, что юноша, подававший такие надежды, обречен на гибель, если уже не погиб. У меня не было никакой возможности ни уговорить его, ни удержать силой — по дружеской ли благожелательности или по праву учителя. Я полагал, что он относится ко мне так же, как и отец, но он был настроен иначе. Не считаясь с отцовской волей, он начал здороваться со мной и заходить ко мне в аудиторию: послушает меня и уйдет.

12. У меня выпало из памяти поговорить с ним о том, чтобы он не убивал своих превосходных дарований слепым и пагубным пристрастием к пустым забавам. Ты же, Господи, Который стоишь у кормила всего сотворенного Тобой, Ты не забыл будущего служителя Твоего. Его исправление должно быть приписано явно Тебе, но совершил Ты его через меня, без моего ведома.

Однажды, когда я сидел на обычном месте, а передо мной находились ученики, Алипий вошел, поздоровался, сел и углубился в наши занятия. Случайно в руках у меня оказался текст, который, показалось мне, удобно пояснить примером, заимствованным из цирковой жиз-

ни; чтобы сделать мысль, которую я старался внедрить, приятнее и понятнее, я едко осмеял людей, находившихся в плену у этого безумия. Ты знаешь, Господи, что в ту минуту я не думал о том, как излечить Алипия от этой заразы. Он же сразу отнес эти слова к себе и решил, что они были сказаны только ради него. Другой, услышав их, вспыхнул бы гневом на меня, но честный юноша, услышав их, вспыхнул гневом на себя и еще горячее привязался ко мне. Ты ведь сказал когда-то и включил это слово в Писание: «Обличай мудрого, и он возлюбит тебя»[1]. А я и не обличал его, но Ты, пользуясь всеми, с ведома и без ведома их, в целях Тебе известных — и цели эти всегда справедливы, — превратил слова мои и мысли в горящие угли, чтобы выжечь гниль в душе, подающей добрые надежды, и исцелить ее. Пусть не восхваляет Тебя тот, кто не видит милосердия Твоего, которое я исповедую Тебе из глубины сердца своего.

После моих слов он вырвался из этой глубокой ямы, куда с удовольствием влез, наслаждаясь собственным самоослеплением; мужественное самообладание встряхнуло его душу, и с нее слетела вся цирковая грязь; в цирк он больше не показывался. Затем он преодолел сопротивление

[1] Притч 9, 8.

отца, не желавшего, чтобы сын имел меня своим учителем; отец отступил и уступил. Начав у меня опять свое учение, он вместе со мной запутался в манихейском суеверии: ему нравилась их хваленая воздержанность, которую он считал подлинной и настоящей. А была она коварной и соблазнительной, уловляющей драгоценные души, не умеющие пока прикоснуться к высотам истинной добродетели; они легко обманывались внешностью добродетели, мнимой и поддельной.

VIII

13. Не оставляя, конечно, того земного пути, о котором ему столько напели родители, он раньше меня отправился в Рим изучать право, и там захватила его невероятным образом невероятная жадность к гладиаторским играм.

Подобные зрелища были ему отвратительны и ненавистны. Однажды он случайно встретился по дороге со своими друзьями и соучениками, возвращавшимися с обеда, и они, несмотря на его резкий отказ и сопротивление, с ласковым насилием увлекли его в амфитеатр. Это были как раз дни жестоких и смертоубийственных игр. «Если вы тащите мое тело в это место и там его усадите, — сказал Алипий, — то неужели вы можете заставить меня впиться душой и глаза-

ми в это зрелище? Я буду присутствовать, отсутствуя, и таким образом одержу победу и над ним, и над вами». Услышав это, они тем не менее повели его с собой, может быть желая как раз испытать, сможет ли он сдержать свои слова. Придя, они расселись где смогли; все вокруг кипело свирепым наслаждением. Он, сомкнув глаза свои, запретил душе броситься в эту бездну зла; о, если бы заткнул он и уши! При каком-то случае боя, потрясенный неистовым воплем всего народа и побежденный любопытством, он открыл глаза, готовый как будто пренебречь любым зрелищем, какое бы ему ни представилось. И душа его была поражена раной более тяжкой, чем тело гладиатора, на которого он захотел посмотреть; он упал несчастливее, чем тот, чье падение вызвало крик, ворвавшийся в его уши и заставивший открыть глаза: теперь можно было поразить и низвергнуть эту душу, скорее дерзкую, чем сильную, и тем более немощную, что она полагалась на себя там, где должна была положиться на Тебя. Как только увидел он эту кровь, он упился свирепостью; он не отвернулся, а глядел, не отводя глаз; он неистовствовал, не замечая того; наслаждался преступной борьбой, пьянел кровавым восторгом. Он был уже не тем человеком, который пришел, а одним из толпы, к которой пришел, настоящим товарищем

тех, кто его привел. Чего больше? Он смотрел, кричал, горел и унес с собой безумное желание, гнавшее его обратно. Теперь он не только ходил с теми, кто первоначально увлек его за собой: он опережал их и влек за собой других. И отсюда вырвал его Ты мощной и милосердной рукой и научил его надеяться не на себя, а на Тебя; только случилось это гораздо позднее.

IX

14. В памяти его остался этот случай, как лекарство на будущее. То же было и с другим происшествием.

Он тогда еще учился у меня в Карфагене. Однажды в полдень обдумывал он на форуме декламацию, которую должен был произнести, — это обычное школьное упражнение, — и Ты допустил, чтобы его, как вора, схватили сторожа форума. Думаю, Господи, что Ты разрешил это только по одной причине: пусть этот муж, столь великий в будущем, рано узнает, что нельзя быть опрометчиво доверчивым при разборе дела и нельзя человеку с легким сердцем осуждать человека.

Он прогуливался перед судилищем один, со своими дощечками и стилем[1], когда какой-то

[1] Принадлежностями для письма.

юноша, тоже школьник, оказавшийся настоящим вором, подошел со спрятанным топором незаметно для Алипия к свинцовой решетке над улицей Ювелиров и стал обрубать свинец. Услышав стук топора, ювелиры, находившиеся внизу, заволновались и послали людей схватить того, кто будет застигнут. Услышав голоса, вор бросил свое орудие, боясь, что его с ним задержат, и убежал. Алипий не видел, как он вошел, но как выходил, заметил; видел, что тот удирает. Желая узнать, в чем дело, он подошел к тому же месту и стоя с изумлением рассматривал найденный топор. Посланные находят Алипия одного; он держит в руках топор, на стук которого они прибежали; его хватают, тащат и, хвастаясь, что поймали на месте преступления вора, в сопровождении толпы людей, живших около форума, ведут представить судье.

15. На этом и кончился урок. Ты тут же, Господи, пришел на помощь невинности, свидетелем которой был один Ты. Когда его вели — в темницу ли или на пытку, — с ним повстречался архитектор, бывший главным надзирателем за общественными зданиями. Провожатые чрезвычайно обрадовались этой встрече, потому что когда с форума что-то пропадало, то он неизменно подозревал их в краже: пусть наконец он узнает, кто это делал. Человек этот часто видел Алипия

в доме одного сенатора, к которому хаживал; он сразу же узнал Алипия; взяв за руку, вывел из толпы, стал расспрашивать, почему стряслась такая беда, и услышал, что произошло. Он приказал идти за собою всему собранию, грозно шумевшему и волновавшемуся. Подошли к дому юноши, совершившего кражу; у ворот стоял раб. Был это совсем мальчик; ему и в голову не пришло испугаться за своего хозяина, а рассказать обо всем он мог, так как сопровождал хозяина на форуме. Алипий припомнил его и сообщил об этом архитектору. Тот показал рабу топор и спросил, чей он. «Наш», — тотчас же ответил он, и когда его стали расспрашивать, то он раскрыл и всё остальное.

Так перенесено было обвинение на этот дом к смущению толпы, собравшейся было справлять триумф над Алипием; будущий проповедник Слова Твоего и церковный судья во многих делах ушел, обогатившись знанием и опытом.

X

16. Итак, я застал его в Риме; крепкие узы связывали его со мной, и он отправился в Медиолан, чтобы не покидать меня и на практике применить свое значение права; тут он больше следовал желанию родителей, чем своему. Он

уже трижды был заседателем и поражал остальных своим бескорыстием; его еще больше поражали люди, которым золото было дороже честности. Характер его, впрочем, подвергали испытанию не только соблазны стяжания, но и жало страха.

В Риме был он асессором при комите, ведавшем италийскими финансами[1]. Был там в это время один могущественнейший сенатор; многих связал он своими благодеяниями или подчинил страхом. Он захотел, пользуясь, как обычно, своим могуществом, дозволить себе нечто, законом недозволенное; Алипий воспротивился. Ему пообещали награду, он посмеялся; пригрозили — он презрел угрозы. Все удивлялись этой необыкновенной душе, которая не желала себе в друзья и не боялась, как недруга, человека, широко известного своими бесчисленными возможностями и покровительствовать и вредить. Комит, при котором Алипий состоял в советниках, хотя и сам был против, но не отвечал сенатору открытым отказом: он сваливал вину на Алипия, уверяя, что тот не позволяет ему дать

[1] Комиты — римские должностные лица высокого ранга, ведавшие императорскими финансами во всем округе. Асессоры — юрисконсульты, обязанные помогать официальным лицам по вопросам юридическим.

согласие; и на самом деле, если бы комит сам уступил, то Алипий его бы покинул. Одно только пристрастие к науке чуть не соблазнило его: он мог на судейские средства заказывать себе книги. Обдумав по справедливости, он, однако, повернул решение свое на лучшее, рассудив, что выше правда, которая запрещает, чем власть, которая разрешает. Это мелочь, но «верный в малом и во многом верен». Не может быть пустым слово, исшедшее из уст Истины Твоей: «Если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное? И если в чужом не были верны, кто даст вам ваше?»[1].

Таков был человек, разделявший тогда мою жизнь и вместе со мной колебавшийся, какой образ жизни ему избрать.

17. Небридий оставил родину, находившуюся по соседству с Карфагеном, и самый Карфаген, где он постоянно бывал, оставил прекрасную отцовскую деревню, оставил родной дом и мать, которая не собиралась следовать за ним, и прибыл в Медиолан только для того, чтобы не расставаться со мной в пылком искании истины и мудрости: горячий искатель счастливой жизни, острый исследователь труднейших вопросов, он, как и я, вздыхал, как и я, метался. Нас было

[1] Лк 16, 11–12.

трое голодных, дышавших воздухом общей нищеты, «ожидая от Тебя, чтобы Ты дал им пищу во благовремение»[1]. При всяком горьком разочаровании, сопровождавшем, по милосердию Твоему, наши мирские дела, мы искали смысла своих страданий и ничего в темноте не видели. Мы отворачивались, вздыхая, и говорили: «Доколе же?». Мы часто говорили это и, говоря так, продолжали жить как жили, потому что перед нами не маячило ничего верного, ухватившись за что, мы оставили бы нашу прежнюю жизнь.

XI

18. Я больше всего удивлялся, с тоской припоминая, как много времени прошло с моих девятнадцати лет, когда я впервые загорелся любовью к мудрости. Я предполагал, найдя ее, оставить все пустые желания, тщетные надежды и лживые увлечения. И вот мне уже шел тридцатый год, а я оставался увязшим в той же грязи, жадно стремясь наслаждаться настоящим, которое ускользало и рассеивало меня. Я говорил: «Завтра я найду ее, вот она воочию предстанет передо мной, я удержу ее: вот придет Фавст и все объяснит». О, великие академики! О том, как

[1] Пс 144, 15.

жить, ничего нельзя узнать верного! Давай, однако, поищем прилежнее и не будем отчаиваться. Вот уже то, что казалось в церковных книгах нелепым, вовсе не нелепо; это можно понимать иначе и правильно. Утвержусь на той ступени, куда ребенком поставили меня родители, пока не найду явной истины. Но где искать ее? Когда искать? Некогда Амвросию; некогда читать мне. Где искать самые книги? Откуда и когда доставать? У кого брать?

Нет, надо все-таки распределить часы, выбрать время для спасения души. Великая надежда уже появилась у меня: православная вера не учит так, как я думал и в чем ее попусту обвинял: люди, сведущие в ней, считают нечестием верить, что Бог ограничен очертанием человеческого тела. И я сомневаюсь постучать, чтобы открылось и остальное. Утренние часы заняты у меня учениками, а что делаю я в остальные? Почему не заняться этими вопросами? Но когда же ходить мне на поклон к влиятельным друзьям, в чьей поддержке я нуждаюсь? Когда приготовлять то, что покупают ученики? Когда отдыхать самому, отходя душой от напряженных забот?

19. Прочь всё; оставим эти пустяки; обратимся только к поискам Истины. Жизнь жалка; смертный час неизвестен. Если он подкрадется

внезапно, как уйду я отсюда? Где выучу то, чем пренебрег здесь? И не придется ли мне нести наказание за это пренебрежение? А что, если смерть уберет все тревожные мысли и покончит со всем? Надо и это исследовать. Нет, не будет так. Не зря, не попусту по всему миру разлилась христианская вера во всей силе своего высокого авторитета. Никогда не было бы совершено для нас с Божественного изволения так много столь великого, если бы со смертью тела исчезала и душа. Что же медлим, оставив мирские надежды, целиком обратиться на поиски Бога и блаженной жизни?

Подожди: и этот мир сладостен, в нем немало своей прелести, нелегко оборвать тягу к нему, а стыдно ведь будет опять к нему вернуться. Много ли еще мне надо, чтобы достичь почетного звания! А чего здесь больше желать? У меня немало влиятельных друзей; если и не очень нажимать и не хотеть большего, то хоть должность правителя провинции я могу получить. Следует мне найти жену хоть с небольшими средствами, чтобы не увеличивать своих расходов. Вот и предел моих желаний. Много великих и достойных подражания мужей вместе с женами предавались изучению мудрости.

20. Пока я это говорил и переменные ветры бросали мое сердце то сюда, то туда, время проходило,

я медлил обратиться к Богу и со дня на день откладывал жить в Тебе, но не откладывал ежедневно умирать в себе самом. Любя счастливую жизнь, я боялся найти ее там, где она есть: я искал ее, убегая от нее. Я полагал бы себя глубоко несчастным, лишившись женских объятий, и не думал, что эту немощь может излечить милосердие Твое: я не испытал его. Я верил, что воздержание зависит от наших собственных сил, которых я за собой не замечал; я не знал, по великой глупости своей, что написано: «Никто не может быть воздержанным, если не дарует Бог»[1]. А Ты, конечно, даровал бы мне это, если бы стон из глубины сердца поразил уши Твои и я с твердой верой переложил бы на Тебя заботу свою.

XII

21. Удерживая меня от женитьбы, Алипий упорно твердил, что если я женюсь, то мы никоим образом не сможем жить вместе, в покое и досуге, в любви к мудрости, согласно нашему давнишнему желанию. Сам он был в этом отношении даже тогда на удивление чистым человеком: на пороге юности узнал он плотскую связь, но порвал с ней; от нее у него остались скорее

[1] Ср. Прем 8, 21.

боль и отвращение, и с тех пор он жил в строгом воздержании. Я же спорил с ним, приводя в пример женатых людей, которые служили мудрости, были угодны Богу и оставались верными и преданными друзьями. Мне, конечно, далеко было до их душевного величия: скованный плотским недугом, смертельным и сладостным, я волочил мою цепь, боясь ее развязать, и отталкивал добрый совет и руку развязывающего, словно прикосновение к ране. Больше того: моими устами говорил с самим Алипием змей; из моих слов плел он заманчивые сети и расставлял их на дороге, чтобы в них запутались эти честные и свободные ноги.

22. Алипий удивлялся тому, насколько я увяз в липком клее этого наслаждения (а он высоко меня ставил), ибо всякий раз, когда мы разговаривали друг с другом по этому поводу, я утверждал, что никоим образом не смогу прожить холостым. Видя его удивление, я стал защищаться, говоря, что существует большая разница между тем, что он испытал украдкой и мимоходом, чего он почти не помнит и чем поэтому так легко, вовсе не тяготясь, пренебрегает, и моей длительной, обратившейся в сладостную привычку связью. Если бы сюда добавить и честное имя супружества, то нечего бы ему и удивляться, почему я не в силах презреть такую жизнь. В конце

концов Алипий сам захотел вступить в брак, уступая отнюдь не жажде этих наслаждений, а из любопытства. Он говорил, что хочет узнать, что же это такое, без чего моя жизнь, ему вообще нравившаяся, кажется мне не жизнью, а мукой. Душа, свободная от этих уз, изумлялась моему рабству и от изумления шла на то, чтобы испытать эту страсть и, может быть, от этого опыта скатиться в то самое рабство, которому она изумлялась; она ведь хотела «обручиться со смертью», а «кто любит опасность, тот попадает в нее»[1].

То, что украшает супружество: упорядоченная семейная жизнь и воспитание детей — привлекало и его и меня весьма мало. Меня держала в мучительном плену главным образом непреодолимая привычка к насыщению ненасытной похоти; его влекло в плен удивление. Таковы были мы, пока Ты, Всевышний, не покидающий нашей земли, не сжалился над жалкими и не пришел к нам на помощь дивными и тайными путями.

XIII

23. Меня настоятельно заставляли жениться. Я уже посватался и уже получил согласие;

[1] Сир 3, 25.

особенно хлопотала здесь моя мать, рассчитывая, что, женившись, я омоюсь спасительным крещением, к которому, ей на радость, я с каждым днем всё больше склонялся; в моей вере видела она исполнение своих молитв и Твоих обещаний. По моей просьбе и по собственному желанию ежедневно взывала она к Тебе, вопия из глубины сердца, чтобы Ты в видении открыл ей что-нибудь относительно моего будущего брака; Ты никогда этого не пожелал. Было у нее несколько пустых сновидений, подсказанных человеческим разумом, погруженным в это дело; она рассказывала мне о них пренебрежительно — не с той верой, с которой говорила обычно о том, что Ты явил ей. Она говорила, что по какому-то неведомому привкусу, объяснить который словами она была не в состоянии, она распознает разницу между Твоим откровением и собственными мечтами.

На женитьбе настаивали: я посватался к девушке, бывшей на два года моложе брачного возраста, а так как она нравилась, то решено было ее ждать.

XIV

24. Мы, круг друзей, давно уже составляли планы свободной жизни вдали от толпы: беседуя

о ненавистных тревогах и тяготах человеческой жизни, мы почти укрепились в нашем решении. Эту свободную жизнь мы собирались организовать таким образом: каждый отдавал свое имущество в общее пользование; мы решили составить из отдельных состояний единый сплав и уничтожить в неподдельной дружбе понятия «моего» и «твоего»; единое имущество, образовавшееся из всех наших средств, должно было целиком принадлежать каждому из нас и всем вместе. В это общество нас собиралось вступить человек десять, и среди нас были люди очень богатые, особенно один земляк мой, Романиан, тесно сблизившийся со мной от самой ранней юности; тяжкие превратности в делах заставили его тогда прибыть ко двору. Он особенно настаивал на этом обществе, и его уговоры имели большой вес, потому что его огромное состояние значительно превосходило средства остальных. Мы постановили, чтобы два человека, облеченные как бы магистратурой, в течение одного года заботились обо всем необходимом, оставляя прочих в покое. А потом стало нам приходить в голову, допустят ли это женушки, которыми одни из нас обзавелись, а я хотел обзавестись. После этого весь план наш, так хорошо разработанный, рассыпался прахом и был отбро-

шен, и мы снова обратились к вздохам и стенаниям, к хождению по широким и торным путям века сего, ибо много помыслов жило в сердцах наших, «совет же Господень стоит во век»[1]. И придерживаясь совета Своего, Ты смеялся над нашими планами и подготовлял Свой; «собираясь дать нам пищу во благовремение, раскрыть руку Свою и наполнить души наши благоволением»[2].

XV

25. Тем временем грехи мои умножились. Оторвана была от меня, как препятствие к супружеству, та, с которой я уже давно жил. Сердце мое, приросшее к ней, разрезали, и оно кровоточило. Она вернулась в Африку, дав Тебе обет не знать другого мужа и оставив со мной моего незаконного сына, прижитого с ней. Я же, несчастный, не в силах был подражать этой женщине: не вынеся отсрочки — девушку, за которую я сватался, я мог получить только через два года, — я, стремившийся не к брачной жизни, а раб похоти, добыл себе другую женщину, не в жены разумеется. Болезнь души у меня

[1] Пс 32, 11.
[2] Пс 144, 15–16.

поддерживалась и длилась, не ослабевая и даже усиливаясь этим угождением застарелой привычке, гнавшей меня под власть жены. Не заживала рана моя, нанесенная разрывом с первой сожительницей моей: жгучая и острая боль прошла, но рана загноилась и продолжала болеть тупо и безнадежно.

XVI

26. Тебе хвала, Тебе слава, Источник милосердия. Я становился всё несчастнее, и Ты всё ближе. Надо мной была уже десница Твоя, готовая вот-вот выхватить меня из грязи и омыть, но я не знал этого. От омута плотских наслаждений, еще более глубокого, меня удерживал только страх смерти и будущего Суда Твоего, который, при всей смене моих мыслей, никогда не покидал моего сердца.

Я рассуждал с моими друзьями, Алипием и Небридием, о границе добра и зла; я отдал бы в душе своей первенство Эпикуру, если бы не верил, что душа продолжает жить и после смерти и ей воздается по заслугам ее; Эпикур в это верить не желал. И я спрашивал себя; если бы мы были бессмертны, если бы жили, постоянно телесно наслаждаясь и не было страха это наслаждение потерять, то почему

бы и не быть нам счастливыми и чего еще искать? Я не знал, что о великом бедствии как раз и свидетельствует то, что, опустившийся и слепой, я не в силах постичь ни света честной добродетели, ни красоты, к которой следует стремиться бескорыстно и которую не видит плотский глаз; она видится внутренним зрением. Я не понимал, несчастный, из какого источника вытекала сладость беседы даже о таких гнусностях; почему я не мог быть счастлив без друзей, хотя плотских наслаждений было у меня тогда сколько угодно. Этих друзей я любил бескорыстно и чувствовал, что и меня любят бескорыстно.

О пути извилистые! Горе дерзкой душе, которая надеялась, что, уйдя от Тебя, она найдет что-то лучшее. Она вертелась и поворачивалась и с боку на бок, и на спину, и на живот — всё жестко. В Тебе одном покой.

И вот Ты здесь, Ты освобождаешь от жалких заблуждений и ставишь нас на дорогу Свою, и утешаешь, и говоришь: «Бегите, Я понесу вас и доведу до цели, и там вас понесу»[1].

[1] Ср. Ис 46, 4.

КНИГА СЕДЬМАЯ

I

1. Уже умерла моя молодость, злая и преступная: я вступил в зрелый возраст, и чем больше был в годах, тем мерзостнее становился в своих пустых мечтах. Я не мог представить себе иной сущности, кроме той, которую привыкли видеть вот эти мои глаза. Я не представлял Тебя, Господи, в человеческом образе: с тех пор как я стал прислушиваться к голосу мудрости, я всегда бежал таких представлений и радовался, что нашел ту же веру в Православной Церкви Твоей, духовной Матери нашей. Мне не приходило, однако, в голову, как иначе представить Тебя. Я пытался — я, человек, и такой человек — представить Тебя, высочайшего, единого, истинного Бога! Я верил всем сердцем, что Ты не подлежишь ни ухудшению, ни ущербу, ни изменению — не знаю откуда и как, но я отчетливо видел и твердо знал, что ухудшающееся ниже того, что не может ухудшаться; я не колеблясь предпочитал недоступное ущербу тому, что может быть ущерблено; то, что не терпит никакой перемены, лучше того, что может перемениться. Протестовало бурно сердце мое против всех выдумок моих; я пытал-

ся одним ударом отогнать от своего умственного взора этот грязный рой, носившийся перед ним, но стоило только ему отойти, как во мгновение ока он, свившись, появлялся опять и кидался мне в глаза, застя свет: я вынужден был представлять себе даже то самое, не подлежащее ухудшению, ущербу и изменению, что я предпочитал ухудшающемуся, ущербному и изменчивому, не как человеческое тело, правда, но как нечто телесное и находящееся в пространстве, то ли влитое в мир, то ли разлитое и за пределами мира в бесконечности. Всё изъятое из пространства я мыслил как ничто, но ничто абсолютное: это была даже не пустота, какая остается, если с какого-то места убрать тело; останется ведь место, свободное ото всякого тела, земляного ли, влажного, воздушного или небесного; тут, однако, пустое место было неким пространственным ничто.

2. Так ожирел я сердцем[1] и сам не замечал себя, считая вовсе не существующим то, что не могло в каком-то отрезке пространства растянуться, разлиться, собраться вместе, раздуться, вообще принять какую-либо форму или иметь возможность ее принять. Среди каких форм привыкли блуждать мои глаза, среди таких же подобий блуждало и мое сердце; я не видел, что та

[1] Ср. Пс 118, 70.

способность, с помощью которой я создавал эти самые образы, не есть нечто, им подобное: она не могла бы создать их, если бы не была чем-то великим.

Я представлял себе так, Жизнь жизни моей, что Ты, Великий, на бесконечном пространстве отовсюду проникаешь огромный мир и что Ты разлит и за его пределами по всем направлениям в безграничности и неизмеримости: Ты на земле, Ты на небе. Ты повсюду и всё оканчивается в Тебе — Тебе же нигде нет конца. И как плотный воздух, воздух над землей, не мешает солнечному свету проходить сквозь него и целиком его наполнять, не разрывая и не раскалывая, так, думал я, и Тебе легко пройти не только небо, воздух и море, но также и землю: Ты проникаешь все части мира; самые большие и малые, и они ловят присутствие Твое; Своим таинственным дыханием изнутри и извне управляешь Ты всем, что создал. Так предполагал я, не будучи в силах представить себе ничего иного; и это была ложь. В таком случае бóльшая часть земли получила бы бóльшую часть Тебя, а меньшая — меньшую: Ты наполнял бы собою всё, но в слоне Тебя было бы больше, чем в воробье, и настолько, насколько слон больше воробья и занимает большее место. Таким образом, Ты уделял бы себя отдельным частям мира по кускам: большим давал бы

много, малым мало. На деле это не так, но Ты не осветил еще мрака, в котором я пребывал.

II

3. Достаточно для меня было, Господи, против этих обманутых обманщиков и немых болтунов — не от них ведь звучало слово Твое, — достаточно мне было того вопроса, который уже давно, еще с карфагенских времен, любил предлагать Небридий (все мы, слушавшие его тогда, пришли в смущение): «Что сделало бы Тебе это неведомое племя мрака, которое они обычно выставляют против Тебя как вражескую силу, если бы Ты не пожелал сразиться с ним?». Если бы они ответили, что оно причинило бы Тебе некоторый вред, то оказалось бы, что Ты уступаешь силе и Тебе можно причинить ущерб. Если бы они сказали, что оно Тебе ничем повредить не могло, то исчезла бы всякая причина для борьбы — и такой борьбы, при которой некая доля Твоя, порождение Самой Сущности Твоей, смесилась с враждебными силами и существами, не Тобой созданными, и оказалась настолько ими испорчена и изменена к худшему, что вместо блаженства очутилась в скорби и потребовала подмоги, чтобы вырваться и очиститься. Это вот и есть душа, на помощь которой пришло Твое

Слово: к рабе — свободное, к запятнанной — чистое, к порочной — святое, хотя и доступное пороку, как происшедшее от одной и той же сущности! Итак, если бы они сказали, что Ты, каков Ты есть, то есть Сущность Твоя, Тебя выражающая, не может стать хуже, то все их утверждения лживы и отвратительны; если же они скажут, что может, то это ложь, от которой с первого же слова надо отвратиться. Этих доказательств достаточно против них, кого всячески следовало изблевать, освободив от их гнета свое сердце: они не могли вывернуться из этого противоречия без страшного кощунства сердечного и словесного, заключавшегося в подобных мыслях и словах о Тебе.

III

4. Хотя я и утверждал, что Ты непорочен, постоянен и совершенно неизменяем, и твердо верил в это, Бог наш, истинный Бог, Который создал не только души наши, но и тела, не одни души наши и тела, но всё и всех, для меня, однако, не была еще ясна и распутана причина зла. Я видел только, что, какова бы она ни была, ее надо разыскивать так, чтобы не быть вынужденным признать Бога, не знающего измены, изменяющимся; не стать самому тем, что искал.

Итак, я спокойно занялся своими поисками, уверенный в том, что нет правды в их словах. Я всей душой удалялся от них, видя, что, ища, откуда зло, они сами преисполнены злобности и поэтому думают, что скорее Ты претерпишь злое, чем они совершат зло.

5. Я старался понять слышанное мною, а именно, что воля, свободная в своем решении, является причиной того, что мы творим зло и терпим справедливый суд Твой, — и не в силах был со всей ясностью понять эту причину. Стараясь извлечь из бездны свой разум, я погружался в нее опять; часто старался — и погружался опять и опять. Меня поднимало к свету Твоему то, что я также знал, что у меня есть воля, как знал, что я живу. Когда я чего-нибудь хотел или не хотел, то я твердо знал, что не кто-то другой, а именно я хочу или не хочу, и я уже вот-вот постигал, где причина моего греха. Я видел, однако, в поступках, совершаемых мною против воли, проявление скорее страдательного, чем действенного начала и считал их не виной, а наказанием, по справедливости меня поражающим: представляя Тебя справедливым, я быстро это признал. И, однако, я начинал опять говорить: «Кто создал меня? Разве не Бог мой, Который не только добр, но есть само Добро? Откуда же у меня это желание плохого и нежелание хорошего? Чтобы

была причина меня по справедливости наказывать? Кто вложил в меня, кто привил ко мне этот горький побег, когда я целиком исшел от сладчайшего Господа моего? Если виновник этому дьявол, то откуда сам дьявол? Если же и сам он, по извращенной воле своей, из доброго ангела превратился в диавола, то откуда в нем эта злая воля, сделавшая его дьяволом, когда он, ангел совершенный, создан был благим Создателем?». И я опять задыхался под тяжестью этих размышлений, не спускаясь, однако, до адской бездны того заблуждения, когда никто не исповедуется Тебе, считая, что скорее Ты можешь стать хуже, чем человек совершить худое.

IV

6. Так старался я дойти и до остального, подобно тому как уже дошел до того, что неухудшающееся лучше, чем ухудшающееся; поэтому я и исповедовал, что Ты, Кем бы Ты ни был, не можешь стать хуже. Никогда ни одна душа не могла и не сможет представить себе нечто, что было бы лучше Тебя, Который есть высшее и совершенное Добро. И так как по всей справедливости и с полной уверенностью надо предпочесть, как я уже предпочитал, неухудшающееся ухудшающемуся и обратить внимание, откуда

зло, то есть источник ухудшения, которому никоим образом не может подвергнуться сущность Твоя; да, никоим образом не может стать хуже Господь наш: ни по какой воле, ни по какой необходимости, ни по какому непредвиденному случаю, ибо Он есть Бог, и то, чего Он для Себя хочет, есть добро, и Сам Он есть Добро; стать же хуже — в этом нет добра. Тебя нельзя принудить к чему-нибудь против воли, ибо воля Твоя не больше Твоего могущества. Она была бы больше, если бы Ты Сам был больше Самого Себя, но воля и могущество Бога — это Сам Бог. И что непредвиденного может быть для Тебя, Который знает всё? Каждое создание существует только потому, что Ты знаешь его. И зачем много говорить о том, что Божественная сущность не может стать хуже? Если бы могла, то Бог не был бы Богом.

V

7. И я искал, откуда зло, но искал плохо и не видел зла в самых розысках моих. Я мысленно представил себе всё созданное: и то, что мы можем видеть, например землю, море, воздух, светила, деревья, смертные существа, и для нас незримое, например твердь вышнего неба, всех Ангелов и всех духов. Даже их, словно они были телесны, разместило то тут, то там

воображение мое. Я образовал из созданного Тобой нечто огромное и единое, украшенное существами разных родов: были тут и подлинные телесные существа, и вымышленные мною в качестве духовных. Это «нечто» я представил себе огромным — не в меру настоящей своей величины, мне непостижимой, но таким, как мне хотелось, и отовсюду ограниченным. Ты же, Господи, со всех сторон окружал и проникал его, оставаясь во всех отношениях бесконечным. Если бы, например, всюду было море и во все стороны простиралось в неизмеримость одно бесконечное море, а в нем находилась бы губка любой величины, но конечной, то в губку эту со всех сторон проникало бы, наполняя ее, неизмеримое море.

Так, думал я, и Твое конечное творение полно Тобой, Бесконечным, и говорил: «Вот Бог и вот то, что сотворил Бог; добр Бог и далеко-далеко превосходит создание Свое; Добрый, Он сотворил доброе и вот каким-то образом окружает и наполняет его. Где же зло и откуда и как вползло оно сюда? В чем его корень и его семя? Или его вообще нет? Почему же мы боимся и остерегаемся того, чего нет? А если боимся впустую, то, конечно, самый страх есть зло, ибо он напрасно гонит нас и терзает наше сердце, — зло тем большее, что бояться нечего, а мы все-таки

боимся. А следовательно, или есть зло, которого
мы боимся, или же самый страх есть зло.

Откуда это, если всё это создал Бог, Добрый — доброе. Большее и высочайшее Добро создало добро меньшее, но и Творец и тварь — добры. Откуда же зло? Не злой ли была та материя, из которой Он творил? Он придал ей форму и упорядочил ее, но оставил в ней что-то, что не превратил в доброе? Почему это? Или Он был бессилен превратить и изменить ее всю целиком так, чтобы не осталось ничего злого. Он, Всесильный? И, наконец, зачем захотел Он творить из нее, а не просто уничтожил ее силой этого же самого всемогущества? Или она могла существовать и против Его воли? А если она была вечна, зачем позволил Он ей пребывать в таком состоянии бесконечное число времен и только потом угодно Ему стало что-то из нее создать? А если вдруг захотел Он действовать, не лучше ли было Ему, Всемогущему, действовать так, чтобы она исчезла и остался бы Он один, цельная Истина, высшее и бесконечное Добро? А если нехорошо Ему, доброму, изготовить и утвердить нечто недоброе, то почему бы, уничтожив и сведя в ничто материю злую, не создал Он Сам доброй, из которой и сотворил бы всё? Он не может быть всемогущ, если не может утвердить ничего доброго, без помощи материи, не Им утвержденной».

Такие мысли думал и передумывал я в несчастном сердце своем, которое тяготил и грыз страх смерти и сознание, что истина не найдена; стойко, однако, держалась у меня в сердце церковная, православная вера в Христа Твоего, «Господа и Спасителя нашего», во многом, правда, еще неясная, без опоры в догматах, но она не покидала души, со дня на день всё больше и больше ее проникая.

VI

8. Я отбросил уже лживые предсказания и нечестивые бредни математиков. Да исповедует душа моя из самых глубин своих Твое милосердие ко мне, Господи! Ты, один Ты, ибо кто другой может вернуть нас из смерти всякого заблуждения, как не Жизнь, Которая не знает смерти; Мудрость, Которая освещает темные души. Сама не нуждаясь ни в каком свете, и правит всем в мире вплоть до облетающих листьев. Ты позаботился послать человека, который излечил бы упрямство, с каким спорил я с Виндицианом, стариком острого ума, и Небридием, юношей чудесной души. Первый настойчиво утверждал, второй часто повторял, с некоторым колебанием правда, что науки предсказывать будущее не существует, человеческие же догадки часто

приобретают силу оракула: предсказатели не знают того, что произойдет, но, говоря о многом, натыкаются на то, что действительно произойдет. И вот Ты послал мне друга, любившего совещаться с астрологами; был он не слишком осведомлен в их писаниях, но, как я и сказал, из любопытства с ними совещался. Знал он, по его словам, от отца и один факт, но только не подозревал, каким оружием для опровержения этой прославленной науки является этот факт.

Человек этот звался Фирмином, был хорошо образован и владел изысканной речью. Однажды он стал советоваться со мной, как с человеком близким, о некоторых своих делах, одушевлявших его горделивыми мирскими надеждами, и спросил, как я думаю по поводу так называемых «его созвездий».

Я начинал уже склоняться к мыслям Небридия и не отказался высказать ему и свои догадки, и то, что приходит в голову человеку колеблющемуся. Я добавил, что почти убедился в смехотворной пустоте этих предсказаний.

Тогда он мне рассказал, как интересовался подобными книгами его отец; у него был друг, одновременно с ним погруженный в эти занятия. Одинаковое рвение и совместные занятия такими пустяками еще раздували их пыл; они замечали время, когда разрешались от бремени

домашние животные (если это случалось дома), и соответственное этому времени положение светил: так набирались они опыта в своей мнимой науке.

Фирмин рассказывал, со слов отца, что когда его мать была им беременна, то случилась в тягости и какая-то служанка отцова друга. Обстоятельство это не могло укрыться от хозяина, который стремился точнейшим образом знать даже время, когда щенились его собаки. И вот, когда отец Фирмина очень точно и внимательно высчитывал для своей жены дни, часы и малейшие доли часа, а приятель его занимался тем же для своей служанки, случилось так, что обе женщины родили одновременно; оба были вынуждены составить до мелочей одинаковый гороскоп — один для сына, другой для раба. Когда начались роды, оба стали замечать, что делается дома у каждого, и определили людей, которых бы посылали одного за другим, чтобы каждому сразу же было сообщено о рождении ребенка. Так как у себя дома были они владыками, то им ничего не стоило обеспечить непрерывную доставку сведений. И вот посланцы из обоих домов, рассказывал он, встретились на равном расстоянии от одного и другого дома; пришлось отметить, что и положение звезд, и время рождения совпадают. И тем не менее

Фирмин, сын видных родителей, стремительно двигался по широкому пути этого мира: богатство его увеличивалось, а почет возрастал; раб же нес обычное рабское иго, не ставшее ничуть легче, и служил своим господам, как рассказывал мне сам Фирмин, его знавший.

9. Когда я выслушал этот достоверный рассказ — Фирмин заслуживал доверия, — то всё мое сопротивление рухнуло; прежде всего я попытался в самом Фирмине уничтожить его любопытство. Я сказал ему, что наблюдения над «его звездами» позволили бы мне изречь правду, если бы в этих звездах я увидел его родителей, занимающих первое место в своем кругу, знатную провинциальную семью, происхождение от свободных предков, прекрасное воспитание. Если бы тот раб советовался со мной, ссылаясь на те же звезды — он ведь родился под одинаковыми с Фирмином, — то, чтобы сказать ему правду, мне опять-таки надо было увидеть в них семью, пребывающую в полном унижении, рабское состояние и вообще жизнь, совершенно отличную от первой и очень от нее далекую. А из этого следовало, что я, наблюдая одно и то же, должен, чтобы сказать правду, говорить разное (если бы я говорил одно и то же, я бы солгал). Отсюда совершенно точный вывод: правду говорят по звездам не на основании научных данных,

а случайно, и лгут не по невежеству в науке, а потому, что случайно обманулись.

10. С этого открылся ход мыслям, которые я жевал и пережевывал: я хотел вот-вот напасть на сумасбродов, живущих этим заработком, осмеять их и опровергнуть, но боялся, что, возражая мне, они скажут, что или Фирмин мне, или отец ему сказали неправду. Поэтому я стал внимательно наблюдать за близнецами, которые в большинстве случаев появляются на свет один за другим через такой короткий промежуток времени, что, как бы ни было велико, по настояниям математиков, его значение, но наблюсти его человеческим глазом невозможно, а тем более отметить в записи, которую должен поглядеть математик, чтобы его предсказание было правдиво. Правдивым оно и не будет, потому что, глядя на ту же самую запись, он должен был бы сказать Исаву и Иакову одно и то же, а ведь судьба обоих была вовсе не одинаковой. Он, следовательно, сказал бы неправду, а если бы сказал правду, то должен был сказать не одно и то же, хотя и глядел в одну и ту же запись: значит, правду он сказал бы, руководствуясь не наукой, а случайно.

Ты же, Господи, правящий миром по всей справедливости, тайно внушаешь — спрашивающие и отвечающие об этом и не подозревают — дать спрашивающему такой ответ, какой

надлежит ему услышать по тайным заслугам его души, — ответ, идущий из глубины праведного суда Твоего. Пусть же не отвечает на него человек: «что это?», «как это?»; пусть не отвечает, пусть не отвечает: он только человек.

VII

11. Так освободил Ты меня, Помощник мой, от этих пут, но я продолжал искать, откуда зло, и выхода не было. Ты же не позволял волнению мыслей унести меня прочь от моей веры: Ты существуешь и сущность Твоя неизменяема. Ты печешься о людях и судишь их, и в Христе, Сыне Твоем, Господе нашем, а также в Священном Писании, которое Церковь Твоя незыблемо утверждает, Ты дал путь к спасению и будущей жизни. Эта вера окрепла и непоколебимо жила в душе моей, и всё же, не зная покоя, спрашивал я себя, откуда зло. Боже мой! Как мучилось родовыми схватками сердце мое, как оно стонало! И к нему приклонил Ты ухо Свое, но я об этом не знал. Упорно искал я в молчании, но громкие вопли поднимались к Тебе, Милосердному, — безмолвные душевные терзания мои. Ты знал, что́ я терплю, люди — нет. Как мало язык мой доводил об этом до ушей самых близких друзей моих! Разве тревога души моей, передать

которую не хватило бы мне ни времени, ни слов, была им слышна? Всё обращалось к слуху Твоему: «Я кричал от терзания сердца моего, перед Тобой желание мое, и света очей моих не было у меня»[1]. Ибо он был внутри, а я жил вовне; свет этот не в пространстве. А я обращал внимание только на то, что занимает место в пространстве, и не находил там места для отдыха; мир вещественный не принимал меня так, чтобы я мог сказать: «Довольно, хорошо», и не отпускал вернуться туда, где мне «довольно» было бы и «хорошо». Я стоял выше этого мира и ниже Тебя, и Ты, Господи, истинная Радость, мне, Тебе покорному, покорил бы всю тварь, стоящую ниже меня. Таково было истинное соотношение, и тут по середине пролегал путь к спасению: оставаться «по образу Твоему» и, служа Тебе, господствовать над телом.

Когда же я горделиво восставал на Тебя и шел против Хозяина «под толстым щитом своим»[2], тогда этот низший мир вздымался выше меня и на меня наваливался: не было пощады и не было передышки. Сбившейся вместе кучей вставало со всех сторон перед моими глазами тварное; а перед мыслью, преграждая дорогу назад, —

[1] Пс 37, 9–11.

[2] Иов 15, 26.

его подобия; мне будто говорили: «Куда идешь, недостойный и грязный?». И всё это росло из моей раны, ибо «смирил Ты гордого, как раненого»[1]: надменность моя отделила меня от Тебя, и на лице, слишком надутом, закрылись глаза.

VIII

12. Ты же, Господи, «пребываешь вовек», но «не вовек гневаешься на нас»[2], ибо пожалел Ты прах и пепел и угодно было в очах Твоих преобразить безобразие мое. Ты колол сердце мое стрекалом Своим, чтобы не было мне покоя, пока не уверюсь в Тебе внутренним зрением. Опадала надутость от тайного врачевания Твоего, и расстроенное, помутившееся зрение души моей со дня на день восстанавливалось от едкой мази целительных страданий.

IX

13. И прежде всего Ты пожелал показать мне, как «Ты противишься гордым, смиренным же даешь благодать»[3] и как Ты милосерд, явив людям

[1] Ср. Пс 88, 11.
[2] Пс 84, 6; 102, 9.
[3] Иак 4, 6; 1 Пет 5, 5.

путь смирения, ибо «Слово стало плотью и обитало среди людей»[1]. Ты доставил мне через одного человека, надутого чудовищной гордостью, некоторые книги платоников, переведенные с греческого на латинский.

Я прочитал там не в тех же, правда, словах, но то же самое со множеством разнообразных доказательств, убеждающих в том же самом, а именно: «В начале было Слово и Слово было у Бога и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него на́чало быть и без Него ничто не на́чало быть, что́ на́чало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»[2]. Человеческая же душа, хотя и свидетельствует о свете, но сама не есть свет; Слово, Бог — вот «истинный Свет, просвещающий всякого человека, приходящего в этот мир», и был Он «в этом мире, и мир Им создан, и мир Его не познал». Того же, что Он пришел в Свое имение и Свои Его не приняли, а тем, кто Его принял, верующим во имя Его, дал власть быть «чадами Божиими»[3], — этого я там не прочел.

14. Также прочел я там, что Слово, Бог, родилось «не от плоти, не от крови, не от хотения

[1] Ин 1, 14.
[2] Ин 1, 1–5.
[3] Ин 1, 9–12.

мужа, не от хотения плоти»[1], а от Бога, но что «Слово стало плотью и обитало с нами»[2] — этого я там не прочел.

Я выискал, что в этих книгах на всякие лады и по-разному сказано, что Сын, обладая свойствами Отца, не полагал Себя самозванцем, считая Себя равным Богу; Он ведь по природе Своей и есть Бог. Но что Он «уничижил Себя, приняв образ раба, уподобившись людям и став с виду как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной, — посему Бог и превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени, дабы перед именем Иисуса преклонило колена всё, что на земле, на небе и в преисподней, и всякий язык исповедал, что Господь Иисус пребывает в славе Отца»[3], — этого в этих книгах нет.

Что раньше всех времен и над всеми временами неизменяемо пребывает Единородный Сын Твой, извечный, как и Ты, и что «от полноты Его»[4] приемлют души блаженство, и причастием мудрости, в Нем пребывающей, обновляются и умудряются — это там есть, но что «в

1 Ср. Ин 1, 13.
2 Ин 1, 14.
3 Флп 2, 7–11.
4 Ин 1, 16.

определенное время умер Он за нечестивых, и Ты Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас»[1] — этого там нет. «Ты утаил это от мудрых и разумных и открыл младенцам», чтобы пришли к Нему «труждающиеся и обремененные» и Он успокоил бы их, потому что «кроток и смирен сердцем»[2] и «направляет кротких по пути справедливости и научает покорных путям Своим», видя смирение наше и труд наш и «отпуская все грехи наши»[3]. Они же, поднявшись на котурны будто бы более высокой науки, не слышат говорящего: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим». Хотя они и знают Бога, но «не прославляют Его, как Бога, и не благодарят Его; суетны помышления их и омрачилось несмысленное сердце их; называя себя мудрыми, оказались глупыми»[4].

15. И поэтому прочитал я там, что приписали «Твою нетленную славу» идолам и различным изображениям, «подобиям тленного человека, птиц, четвероногих и змей»[5]. Вот египетская пища, ради которой Исав потерял первородство

[1] Рим 5, 6; 8, 32.
[2] Мф 11, 25; 28–29.
[3] Пс 24, 9; 18
[4] Рим 1, 21–22.
[5] Рим 1, 23.

свое, ибо народ, первенец Твой, «обратившийся сердцем к Египту»[1], вместо Тебя чтил четвероногое и склонял образ Твой, душу свою, перед образом «теленка, жующего сено»[2]. Я нашел эту пищу там и не стал ее жевать. Угодно Тебе было, Господи, младшего Иакова не умалить: «Пусть старший служит младшему», и Ты призвал язычников в наследство Свое. И я пришел к Тебе от язычников и устремился к золоту, которое по воле Твоей унес из Египта народ Твой, ибо где бы оно ни было, оно было Твоим. И через апостола Своего сказал Ты афинянам, что «мы Тобой живем и движемся и существуем»[3], как говорили и некоторые их единоплеменники. Оттуда же, во всяком случае, были и те книги. Я не потянулся к египетским идолам, которым они служили Твоим золотом: «Заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца»[4].

X

16. И вразумленный этими книгами, я вернулся к себе самому и руководимый Тобой

[1] Деян 7, 39.
[2] Пс 105, 20.
[3] Деян 17, 28.
[4] Рим 1, 25.

вошел в самые глубины свои: я смог это сделать, потому что «стал Ты помощником моим»[1]. Я вошел и увидел оком души моей, как ни слабо оно было, над этим самым оком души моей, над разумом моим Свет немеркнущий, не этот обычный, видимый каждой плоти свет, и не родственный ему, лишь более сильный, разгоревшийся гораздо-гораздо ярче и всё кругом заливший. Нет, это был не тот свет, а нечто совсем-совсем отличное от такого света. И он не был над разумом моим так, как масло над водой, не так, как небо над землей: был высшим, ибо создал меня, а я стоял ниже, ибо был создан Им. Кто узнал истину, узнал и этот Свет, а кто узнал Его, узнал вечность. Любовь знает Его. О, Вечная Истина, Истинная Любовь, Любимая Вечность! Ты Бог мой, к Тебе воздыхаю днем и ночью. И как только я узнал Тебя, Ты взял меня к Себе: да увижу, что есть Тот, Кого я пытался увидеть, и что я еще не тот, чтобы видеть. Ты ослепил слабые глаза мои, ударяя в меня лучами Твоими, и я задрожал от любви и страха. Я увидел, что далек от Тебя в этой стране, где всё от Тебя отпало, и будто с высот услышал я голос Твой: «Я пища для взрослых: расти, и ты вкусишь Меня. И не ты изменишь

[1] Пс 29, 11.

Меня в себе, как телесную пищу, но ты изменишься во Мне». И я понял, что «Ты наставляешь человека за несправедливости его и заставляешь душу его исчезать, как паутина»[1], и сказал: «Неужели же истина есть ничто, ибо не разлита она ни в конечном, ни в бесконечном пространстве?». И Ты возгласил издали: «Я есмь, Я Сущий»[2]. Я услышал, как слышат сердцем, и не с чего было больше мне сомневаться: я скорее усомнился бы в том, что живу, чем в том, что есть Истина, постигаемая умом через мир сотворенный[3].

XI

17. Я рассмотрел всё стоящее ниже Тебя и увидел, что о нем нельзя сказать ни того, что оно существует, ни того, что его нет: оно существует, потому что всё от Тебя, и его нет, потому что это не то, что Ты. Истинно существует только то, что пребывает неизменным. «Мне же благо прилепиться к Богу»[4], ибо если не пребуду в Нем, не смогу и в себе. Он же, «пребывая в Себе, всё

[1] Пс 38, 12.
[2] Исх 3, 14.
[3] Ср. Рим 1, 20.
[4] Пс 72, 28.

 обновляет; Ты Господь мой, и блага мои Тебе не нужны»[1].

XII

18. Мне стало ясно, что только доброе может стать хуже. Если бы это было абсолютное добро или вовсе бы не было добром, то оно не могло бы стать хуже. Абсолютное добро не может стать хуже, а в том, в чем вовсе нет добра, нечему стать хуже. Ухудшение наносит вред; если бы оно не уменьшало доброго, оно бы вреда не наносило. Итак: или ухудшение не наносит вреда — чего быть не может, — или — и это совершенно ясно — все ухудшающееся лишается доброго. Если оно совсем лишится доброго, оно вообще перестанет быть. Если же останется и не сможет более ухудшиться, то станет лучше, ибо пребудет неухудшающимся. Не чудовищно ли, однако, утверждать, что при полной потере доброго оно станет лучше? Если, следовательно, оно вовсе лишится доброго, то его вообще и не будет; значит, пока оно существует, оно доброе, и, следовательно, всё, что есть, — есть доброе, а то зло, о происхождении которого я спрашивал, не есть субстанция; будь оно субстанцией, оно было

[1] Пс 15, 2.

бы добром, или субстанцией, не подверженной ухудшению вовсе, то есть великой и доброй; или же субстанцией, подверженной ухудшению, что было бы невозможно, не будь в ней доброго.

Итак, я увидел и стало мне ясно, что Ты сотворил всё добрым и что, конечно, нет субстанций, не сотворенных Тобой. А так как Ты не всё сделал равным, то всё существующее — каждое в отдельности — хорошо, а всё вместе очень хорошо, ибо всё Бог наш «создал весьма хорошо»[1].

XIII

19. И для Тебя вовсе нет зла, не только для Тебя, но и для всего творения Твоего, ибо нет ничего, что извне вломилось бы и сломало порядок, Тобой установленный. Злом считается то, что взятое в отдельности с чем-то не согласуется, но это же самое согласуется с другим, оказывается тут хорошим и хорошо и само по себе. И все то, что взаимно не согласуется, согласуется с низшим миром, который мы называем землей, с ее облачным и ветреным климатом, для нее подходящим. Да не скажу таких слов: «Лучше бы этого мира не было!». Если бы я знал только его, то я пожелал бы лучшего, но и за него одного

[1] Быт 1, 31.

должен был бы восхвалять Тебя, ибо что Ты достоин хвалы, об этом возвещают «от земли великие змеи и все бездны, огонь, град, снег, лед, бурный ветер, исполняющие слово Его, горы и все холмы, деревья плодоносные и все кедры, звери и всякий скот, пресмыкающиеся и птицы крылатые, цари земные и все народы, князья и все судьи земные, юноши и девицы, старцы и отроки да хвалят имя Господне». Да хвалят Тебя и с небес, да хвалят Тебя, Боже наш, «в вышних все Ангелы Твои, все воинства Твои, солнце и луна, все звезды и свет, небо небес и воды, которые превыше небес, да хвалят имя Твое»[1]; охватив мыслью всё, я уже не желал лучшего; высшее, конечно, лучше низшего, но, взвесив всё по здравому суждению, я нашел, что весь мир в целом лучше высшего, взятого в отдельности.

XIV

20. Нет здоровья в тех, кому не нравится что-либо в творении Твоем, как не было его у меня, когда не нравилось мне многое из созданного Тобой. И так как не осмеливалась душа моя объявить, что Господь мой не нравится ей, то и не хотела она считать Твоим то, что ей не нра-

[1] Пс 148, 1–13.

вилось. И отсюда дошла она до мысли о двух субстанциях, но не находила покоя и говорила чужим языком. Отсюда же исходя создала она себе бога, разлитого повсюду в бесконечном пространстве, решила, что это Ты, поместила его в сердце своем и стала храмом идолу своему, Тебе отвратительным. Когда же без ведома моего исцелил Ты голову мою и закрыл «глаза мои, да не видят суеты»[1], я передохнул от себя, уснуло безумие мое; я проснулся в Тебе и увидел, что Ты бесконечен по-другому, но увидел это не плотским зрением.

XV

21. Я оглянулся на мир созданный и увидел, что Тебе обязан он существованием своим и в Тебе содержится, но по-иному, не так, словно в пространстве; Ты, Вседержитель, держишь его в руке, в истине Твоей, ибо всё существующее истинно, поскольку оно существует. Ничто не призрачно, кроме того, что мы считаем существующим, тогда как оно не существует. И я увидел, что все соответствует не только своему месту, но и своему времени и Ты, Единый Вечный, начал действовать не после неисчислимых веков: все

[1] Пс 118, 37.

века, которые прошли и которые пройдут, не ушли бы и не пришли, если бы Ты не действовал и не пребывал.

XVI

22. И я по опыту понял, что неудивительно, если хлеб, вкусный здоровому, мучительно есть, когда болит нёбо; свет, милый хорошим глазам, несносен больным. И Твоя справедливость не нравится грешникам, а тем паче змеи и черви, которых Ты создал хорошими, подходящими для низших ступеней Твоего творения; для них подходят и сами грешники, поскольку утратили они подобие Твое; они приблизятся к более высоким ступеням, поскольку это подобие восстановят. Я спрашивал, что же такое греховность, и нашел не субстанцию: это извращенная воля, от высшей субстанции, от Тебя, Бога, обратившаяся к низшему, отбросившая прочь «внутреннее свое»[1] и крепнущая во внешнем мире.

XVII

23. Я удивлялся, что я уже люблю Тебя, а не призрак вместо Тебя, но не мог устоять в Боге

[1] Сир 10, 10.

моем и радоваться: меня влекла к Тебе красота Твоя, и увлекал прочь груз мой, и со стоном скатывался я вниз; груз этот — привычки плоти. Но со мной была память о Тебе, и я уже нисколько не сомневался, что есть Тот, к Кому мне надо прильнуть, только я еще не в силах к Нему прильнуть, потому что «это тленное тело отягощает душу и земное жилище подавляет многозаботливый ум»[1]; я был совершенно уверен, что «невидимое от создания мира постигается умом через сотворенное; вечны же сила и Божественность Твоя»[2]. И раздумывая, откуда у меня способность оценивать красоту тел небесных и земных, быстро и здраво судить о предметах изменяющихся и говорить: «Это должно быть так, а то не так», — раздумывая, откуда у меня эта способность судить, когда я так сужу, я нашел, что над моей изменчивой мыслью есть неизменная, настоящая и вечная Истина.

И постепенно от тела к душе, чувствующей через тело, оттуда к внутренней ее силе, получающей известия о внешнем через телесные чувства (здесь предел возможного для животных), далее к способности рассуждать, которая

[1] Прем 9, 15.
[2] Рим 1, 20.

составляет суждения о том, что воспринимается телесными чувствами, поняв изменчивость свою, она поднимается до самопознания, уводит мысль от привычного, освобождается от сумятицы противоречивых призраков, стремясь понять, каким светом на нее брызнуло. И когда с полной уверенностью восклицает она, что неизменное следует предпочесть изменяемому, через которое постигла она и само неизменное — если бы она не постигала его каким-то образом, она никоим образом не могла бы поставить его впереди изменяемого, — тогда приходит она в робком и мгновенном озарении к Тому, Кто есть.

Тогда и увидел я «постигаемое через творение невидимое Твое», но не смог еще остановить на нем взора; отброшенный назад своей слабостью, я вернулся к своим привычкам и унес с собой только любовное воспоминание и словно желание пищи, известной по запаху; вкусить ее я еще не мог.

XVIII

24. Я искал путь, на котором приобрел бы силу, необходимую, чтобы насладиться Тобой, и не находил его, пока не ухватился «за Посредника между Богом и людьми, за Человека Хри-

ста Иисуса»[1], Который есть «сущий над всем Бог, благословенный вовеки»[2]. Он зовет и говорит: «Я есмь Путь и Истина и Жизнь»[3] и Пища[4], вкусить от которой у меня не хватало сил. Он смешал ее с плотью, ибо «Слово стало плотью»[5], дабы мудрость Твоя, которой Ты создал всё, для нас, младенцев, могла превратиться в молоко.

Я, сам не смиренный, не мог принять смиренного Иисуса, Господа моего, и не понимал, чему учит нас Его уничиженность. Он, Слово Твое, Вечная Истина, высшее всех высших Твоих созданий, поднимает до Себя покорных; на низшей ступени творения построил Он Себе смиренное жилище из нашей грязи, чтобы тех, кого должно покорить, оторвать от них самих и переправить к Себе, излечить их надменность, вскормить в них любовь; пусть не отходят дальше в своей самоуверенности, а почувствуют лучше свою немощь, видя у ног своих Божество, немощное от принятия кожной одежды нашей; пусть, устав, падут ниц перед Ним, Он же, восстав, поднимет их.

[1] 1 Тим 2, 5.
[2] Рим 9, 5.
[3] Ин 14, 6.
[4] Ср. Ин 6, 55.
[5] Ин 1, 14.

XIX

25. Я же думал по-другому и в Христе, Господе моем, видел только Мужа исключительной мудрости, с Которым никто не мог сравняться, тем более что Он чудесно родился от Девы, дабы был пример презрения к временным благам ради достижения бессмертия. Мне представлялось, что, по Божественному о нас попечению, учение Его и заслужило такую значимость. О том, какая тайна заключена в словах «Слово стало плотью», я и подозревать не мог. Я знал только из Книг, написанных о Нем, что Он ел и пил, спал, ходил, радовался, печалился, беседовал; знал, что со Словом Твоим это тело не могло соединиться без человеческой души и разума. Это знал каждый, кто знал неизменяемость Слова Твоего, которую знал и я в меру своих сил — тут у меня не было никаких сомнений. В самом деле: то двигать по своей воле телесными членами, то не двигать ими, то испытывать какое-то чувство, то не испытывать, то излагать в словах умные мысли, то пребывать в молчании — всё это признаки ума и души, подверженных изменениям. Если это о нем написано ложно, то все эти Книги можно заподозрить в обмане, и в этих Книгах не остается ничего, что спасло бы верой человеческий род. А так как написанное — правда, то я и счи-

тал Христа полностью человеком, имевшим не только человеческое тело или же с телом вместе и душу, но без разума, но настоящим человеком, а не воплотившейся Истиной; по-моему, Его следовало предпочесть остальным по великому превосходству Его человеческой природы и более совершенному причастию к мудрости. Алипий же полагал, что в Православной Церкви верят в Бога, облекшегося в плоть, так что Христос — это только Бог и плоть; он полагал, что человеческой души и разума Ему не приписывают. А так как он был крепко убежден, что дела Его, о которых сохранилась запись, могли быть совершены только живым разумным созданием, то он к христианской вере подвигался с ленцой. Позже, однако, поняв заблуждение Аполлинариевой ереси[1], он присоединился к Церкви, сорадуясь с ней и войдя в нее. Я же, признаюсь, значительно позднее понял, как словами «Слово стало плотью» православная истина отделяется от Фотиниевой лжи[2]. Опровержение еретиков

[1] Аполлинарий, епископ Лаодикийский (ум. 382), утверждал, что Христос имел только человеческие тело и душу, т.е. низшую физическую природу, а вместо человеческого духа или ума в Нем был Ум Божественный.

[2] Фотин, епископ Сирмии (ок. 340), объявлял Христа человеком, который за нравственное совершенство был возвышен до божественного достоинства.

ярко освещает мысли Твоей Церкви и содержание ее здорового учения. «Надлежит быть и ересям, дабы объявились испытанные»[1] среди слабых.

XX

26. Чтение книг платоников надоумило меня искать бестелесную истину: я увидел «невидимое, понятое через творение», и, отброшенный назад, почувствовал, что, по темноте души моей, созерцание для меня невозможно. Я был уверен, что Ты существуешь, что Ты бесконечен, но не разлит в пространстве, конечном или бесконечном. Воистину Ты существуешь, Ты, Который всегда Тот же, во всем неизменный, ничем не изменяемый; от Тебя всё получило свое существование — единственное вернейшее тому доказательство в том, что оно существует. Я был в этом уверен, но слишком слаб, чтобы жить Тобой.

Я болтал, будто понимающий, но если бы не в «Христе, Спасителе нашем» искал пути Твоего, оказался бы я не понимающим, а погибающим. Я давно уже хотел казаться мудрым (полнота наказания во мне!), и я не плакал, больше того —

[1] 1 Кор 11, 19.

я хвалился своим знанием. Где была любовь, строящая на фундаменте смирения, на Иисусе Христе? Когда учили меня ей те книги? Я верю, что Ты захотел, чтобы я наткнулся на них еще до знакомства с Твоим Писанием: пусть врежется в память впечатление от них; пусть позднее, когда меня приручат Книги Твои и Ты целя́щими пальцами ощупаешь раны мои, пусть тогда увижу я разницу между превозношением и смирением; между видящими, куда идти, и не видящими дороги, ведущей в блаженное отечество, которое надо не только увидеть, но куда надо вселиться.

Если бы я от начала воспитался на Святых Книгах Твоих, если бы стал Ты мне сладостен от близкого знакомства с ними и только потом встретился я с теми книгами, то, может быть, они бы выбросили меня из крепости моего благочестия, а если бы я и устоял в том здравом настроении, которое уже охватило меня, то все же мог подумать, что человек, изучивший одни эти книги, может также его почувствовать.

XXI

27. Итак, я с жадностью схватился за почтенные Книги, продиктованные Духом Твоим, и прежде всего за Послания апостола Павла.

Исчезли все вопросы по поводу тех текстов, где, как мне казалось когда-то, он противоречит сам себе и не совпадает со свидетельствами Закона и пророков проповедь его: мне выяснилось единство этих святых изречений, и я выучился «ликовать в трепете»[1]. Я начал читать и нашел, что всё истинное, вычитанное мной в книгах философов, говорится и в Твоем Писании при посредстве благодати Твоей, — да не хвалится тот, кто видит, будто не от Тебя получил он не только то, что видит, но и самую способность видеть (а что имеет человек, кроме им полученного?). Да вразумится он и не только увидит Тебя, всегда одного и того же, но да излечится, чтобы быть с Тобой. Тот, кто издали не может увидеть Тебя, пусть всё же вступит на дорогу, по которой придет, увидит и будет с Тобой. Если человек наслаждается «законом Божиим по внутреннему человеку», то что сделает он с другим законом, «который в членах его противостоит закону ума его» и «ведет его, как пленника, по закону греха, находящегося в членах его»[2]? Ибо «Ты справедлив», Господи, мы же «грешили и творили неправду», поступали нечестиво и «отяжелела на нас рука Тво-

[1] Пс 2, 11.

[2] Рим 7, 22–23.

я»[1]. По справедливости переданы мы древнему грешнику, начальнику смерти[2], ибо он убедил нашу волю уподобиться его воле, не устоявшей в истине. Что же сделает «несчастный человек? Кто освободит его от этого тела смерти, как не благодать Твоя, через Иисуса Христа, Господа нашего»[3], Которого Ты породил «прежде всех веков» и создал «в начале путей Твоих»[4], в Котором «владыка этого мира»[5] не нашел ничего, заслуживающего смерти, и убил Его, — так «уничтожена рукопись, составленная против нас»[6].

Вот этого в тех книгах не было. Не было в тех страницах облика этого благочестия, слез исповедания, «жертвы Тебе — духа уничиженного, сердца сокрушенного и смиренного»[7], не было ни слова о спасении народа, о «городе, украшенном, как невеста»[8], о «залоге Святого Духа»[9], о Чаше, нас искупившей. Никто там не

[1] Ср. Дан 3, 27–32.
[2] Т. е. диаволу (ср. Евр 2, 14).
[3] Рим 7, 24–25.
[4] Притч 8, 22.
[5] Ин 14, 30.
[6] Кол 2, 14.
[7] Пс 50, 19.
[8] Откр 21, 2.
[9] 2 Кор 1, 22.

воспевает: «Разве не Богу покорена душа моя? От Него спасение мое; ибо Он — Бог мой и спасение мое и защитник мой: не убоюсь больше»[1]. Никто не услышит там призыва: «Придите ко Мне, страждущие». Они презрительно отвернутся от учения Того, Кто «кроток и смирен сердцем», — «Ты скрыл это от мудрых и разумных и открыл младенцам»[2].

Одно — увидеть с лесистой горы отечество мира, но не найти туда дороги и тщетно пытаться пробиться по бездорожью среди ловушек и засад, устроенных беглыми изменниками во главе со львом и змием[3], и другое — держать путь, ведущий туда, охраняемый заботой Небесного Вождя: там не разбойничают изменившие Небесному Воинству; они бегут от него, словно спасаясь от пытки. Эти мысли чудесным образом внедрялись в меня, когда я читал «меньшего из твоих апостолов»[4]; созерцал я дела Твои и устрашился.

[1] Пс 61, 2-3.
[2] Мф 11, 25–28.
[3] Пс 90, 13.
[4] Так называл себя апостол Павел (1 Кор 15, 9).

КНИГА ВОСЬМАЯ

I

1. Боже мой! Как вспомнить и возблагодарить Тебя, как исповедать милосердие Твое, на меня излитое?! Да исполнятся кости мои любовью к Тебе и да воскликнут: «Господи! Кто подобен Тебе? Ты разорвал оковы мои; да принесу Тебе приношение хвалы»[1]. Каким образом Ты разорвал их, об этом я расскажу, и все поклоняющиеся Тебе, услышав мой рассказ, воскликнут: «Благословен Господь на небе и на земле; велико и дивно имя Его»[2].

В глубине сердца моего жили слова Твои, в плену держал Ты меня. Я был уверен, что Ты пребываешь вечно, но вечность эта была для меня «загадкой», «отражением в зеркале»[3]. Ушли все сомнения в Твоей неизменной субстанции; в том, что от нее всякая субстанция; не больше знать о Тебе, а уверенно жить в Тебе хотел я. В моей временной жизни не было ничего прочного, и следовало очистить сердце мое от старой

[1] Пс 34, 10.
[2] Пс 8, 2.
[3] 1 Кор 13, 12.

закваски. Мне нравился Путь — Сам Спаситель[1], но не было охоты идти этим узким путем. И Ты внушил мне отправиться к Симплициану (добрым счел я по разумению своему это решение): он казался мне добрым рабом Твоим, осиянным благодатью Твоею. Я слыхал, что от юности своей был он благоговейно Тебе предан; теперь был он уже глубоким стариком, и я полагал, что в многолетнем усердном следовании по пути Твоему он много испытал и много узнал. Так и было в действительности. Я хотел рассказать ему о своей неутихающей тревоге: пусть покажет мне, как лучше всего поступить мне в тогдашнем моем состоянии, чтобы пойти по пути Твоему.

2. Я видел, что Церковь Твоя полна, а члены ее идут один одним путем, другой — другим. Мне несносна была моя жизнь в миру, и я очень тяготился ею; я уже не горел, как бывало, страстью к деньгам и почестям, которая заставляла меня переносить такое тяжкое рабство. Всё это уже не радовало меня по сравнению со «сладостью и красой дома Твоего, который я возлюбил»[2]. Но еще цепко оплела меня женщина. Апостол не запрещал мне брачной жизни, хотя и советовал избрать лучшее: больше всего он хотел,

[1] Ин 14, 6.

[2] Пс 25, 8.

чтобы все люди «были как он сам»[1]. Я, слабый, выбрал для себя нечто более приятное. Это было единственной причиной, почему и в остальном я бессильно катился по течению; я изводился и сох от забот, вынужденный и в том, чего я уже не желал терпеть, вести себя в соответствии с семейной жизнью, которая держала меня в оковах. Я слышал из уст Истины: «Есть скопцы, которые оскопили себя ради Царства Небесного», но «кто может вместить, да вместит»[2], «лживы все люди, не знающие Бога; в зримых благах не могут найти они Его, Сущего»[3]. Я не пребывал уже в этой лжи; я перешагнул через нее: всё создание Твое свидетельствовало в Тебе, и я нашел Тебя, Создателя нашего, и Слово Твое, Бога, пребывающего у Тебя и с Тобой, Единого, через Которого Ты создал всё.

Есть, однако, и другая порода нечестивцев: «Зная Бога, они не восхвалили Его, как Бога, и не воздали Ему благодарности»[4]. И я попал в их среду, и «десница Твоя подхватила меня»[5] и вынесла оттуда. Ты поставил меня там, где я смог выздороветь, ибо Ты сказал человеку:

[1] 1 Кор 7, 8–9.
[2] Мф 19, 12.
[3] Прем 13, 1.
[4] Рим 1, 21.
[5] Пс 17, 36.

«Благочестие есть мудрость»[1] и «не желай казаться мудрым», ибо «объявившие себя мудрыми оказались глупцами»[2]. Я уже нашел дорогую жемчужину, которую «надлежало купить, продав всё имение свое»[3], — и стоял, и колебался.

II

3. Итак, я отправился к Симплициану, отцу по благодати Твоей епископа Амвросия, который любил его действительно как отца. Я рассказал ему о том, как я кружился в своих заблуждениях. И когда я упомянул, что прочел те книги платоников, которые Викторин, когда-то бывший учителем риторики в Риме (я слышал, он умер христианином), перевел на латинский язык, Симплициан поздравил меня с тем, что я не наткнулся на произведения других философов, полные лжи и обманов «по стихиям этого мира»[4]; те же книги на разные лады, но всегда проникнуты мыслями о Боге и Его Слове. Затем, уговаривая меня смириться перед Христом — это «утаено от мудрых и открыто младенцам», — он

[1] Иов 28, 28.
[2] Рим 1, 22.
[3] Ср. Мф 13, 45–46.
[4] Кол 2, 8.

вспомнил самого Викторина, которого, проживая в Риме, близко знал. Не умолчу о рассказанном, ибо подобает исповедать и громко восхвалить милость Твою: этот ученейший старец, глубокий знаток всех свободных наук, который прочитал и разобрал столько философских произведений, наставник множества знатных сенаторов, заслуживший за свое славное учительство статую на римском форуме (граждане этого мира считают эту почесть особо высокой), до самой старости почитатель идолов, участник нечестивых таинств, увлекаясь которыми, почти вся тогдашняя римская знать чтила младенца Озириса; Рим молился тем, кого победил:

Чудищам всяким; Анубиса чтили, что лает —
Их, кто некогда поднял оружие,
Против Нептуна, Венеры и против Минервы[1].

Всё это старец Викторин столько лет защищал грозно звучащим словом и не устыдился стать дитятей Христа Твоего, младенцем источника Твоего[2]; подставил шею под смиренное ярмо и укротил гордость под «позорным» Крестом.

4. Господи! Господи! Ты, преклонивший небеса и сошедший на землю, касавшийся гор,

[1] *Вергилий.* Энеида. 8, 698–699.
[2] Т. е. новокрещенным.

которые дымились от Твоего прикосновения[1], — каким образом проник Ты в это сердце?

Он читал, по словам Симплициана, Священное Писание, старательно разыскивал всякие христианские книги, углублялся в них и говорил Симплициану — не открыто, а в тайности по дружбе: «Знаешь, я уже христианин». Тот отвечал ему: «Не поверю и не причислю тебя к христианам, пока не увижу в Церкви Христовой». Викторин посмеивался: «Значит, христианином делают стены?» — и часто говорил, что он уже христианин, а Симплициан часто отвечал ему теми своими словами, и часто повторял Викторин свою шутку о стенах. Он боялся оскорбить своих друзей, этих горделивых демонослужителей; полагал, что с высоты их вавилонского величия, словно с кедров ливанских, которых еще не сокрушил Господь[2], тяжко обрушат они на него свою ненависть. После, однако, жадно читая и впитывая прочитанное, проникся он твердостью и убоялся, что «Христос отречется от него пред святыми Ангелами», если он «убоится исповедать Его пред людьми»[3]. Он показался себе великим преступником: ему стыдно присягнуть

[1] Пс 103, 32.
[2] Ср. Пс 28, 5.
[3] Лк 12, 8.

смиренному Слову Твоему и не стыдно нечестивой службы гордым демонам, которую он справлял, уподобляясь им в гордыне! Ему опротивела ложь, его устыдила истина: неожиданно и внезапно он, как рассказывал Симплициан, говорит ему: «Пойдем в церковь; я хочу стать христианином». Тот вне себя от радости отправился с ним. Наставленный в началах веры, он вскоре объявил, что желает возродиться крещением; Рим изумлялся. Церковь ликовала. Гордецы видели и негодовали; изводились и скрежетали зубами; рабу же Твоему «Господь Бог был надеждой, и не озирался он на суету и безумство лжи»[1].

5. Пришел наконец час исповедания веры. Это была формула, составленная в точных словах, и приступающие к благодати крещения произносили ее наизусть с высокого места пред лицом христианского Рима. Симплициан рассказывал, что священнослужители предложили Викторину произнести ее тайно (в обычае было предлагать это людям, которые, вероятно, смутились бы и оробели). Он предпочел, однако, объявить о спасении своем пред лицом верующей толпы. Не было спасения в том, чему обучал он в риторской школе, и однако преподавал он открыто. Тому, кто не стеснялся слов своих пред

[1] Пс 39, 5.

толпами безумцев, пристало разве, возглашая слова Твои, стесняться кроткого Твоего стада? Когда он взошел произнести исповедание, среди всех знавших его, его имя прозвучало в шелесте поздравлений. А кто тогда не знал его? В устах всех сорадующихся приглушенно звучало: «Викторин, Викторин!». Громкое ликование при виде его; затем напряженное молчание: хотели его слышать. Он исповедал истинную веру с дивной уверенностью, и все хотели принять его в сердце свое — и принимали, обвивая его, словно руками, любовью и радостью.

III

6. Боже Благий! Почему больше радуются о спасении души отчаявшейся и освободившейся от великой опасности, чем о человеке, которого никогда не покидала надежда и который не знал большой опасности? Ведь и Ты, Отец Милосердный, больше радуешься «об одном кающемся, чем о девяноста девяти праведниках, не нуждающихся в покаянии». И мы слушаем с великим удовольствием, когда слышим, с каким ликованием принес пастух на плечах своих заблудившуюся овцу; о том, как вместе с женщиной, нашедшей драхму и вернувшей ее в сокровищницы Твои, радуются соседи. И когда читают в доме

Твоем о младшем сыне, то радость и торжество дома Твоего заставляют нас плакать, потому что «мертв был и ожил, пропадал и нашелся»[1]. Да, Ты радуешься в нас и в Ангелах Своих, освященных святой любовью. Ты ведь вечно неизменен и одинаково от века знаешь всё, что преходяще и изменчиво.

7. Почему душа больше радуется возврату найденных любимых вещей, чем их постоянному обладанию? Это засвидетельствовано и в остальном, всюду найдутся свидетели, которые воскликнут: «Да, это так». Победитель-полководец справляет триумф; он не победил бы, если бы не сражался, и чем опаснее была война, тем радостнее триумф. Буря кидает пловцов и грозит кораблекрушением; бледные, все ждут смерти, но успокаиваются небо и море, и люди полны ликования, потому что полны были страха. Близкий человек болен, его пульс сулит беду; все, желающие его выздоровления, болеют душой; он поправляется, но еще не может ходить так, как раньше, — и такая радость у всех, какой и не было, когда он разгуливал, здоровый и сильный! И не только внезапные, против воли обрушившиеся бедствия заставляют почувствовать, как хороши жизненные блага:

[1] См.: Лк 15, 4–6; 7–8; 11–32.

люди ищут насладиться ими путем обдуманных и добровольных лишений. Человек не будет наслаждаться едой и питьем, если не перестрадает от голода и жажды. Пьяницы едят соленое, чтобы разжечь жажду, и наслаждаются, угашая ее питьем. Обрученную невесту принято не сразу отдавать из дома: жалким даром может показаться мужу та, о которой он не вздыхал долгое время будучи женихом.

8. Так всегда с радостью: возникает ли она по поводу гнусному и отвратительному, по дозволенному ли и законному; в сердце ли самой чистой и честной дружбы; при мысли о том, кто «был мертв и ожил, пропадал и нашелся»: всегда большей радости предшествует еще большая скорбь. Почему это, Господи Боже мой? Ведь Ты для Себя Сам — вечная Радость, и те, кто вокруг Тебя, всегда радуются о Тебе. Почему же в этой юдоли чередуются ущерб и избыток, раздор и примирение? Или это закон для нее и его именно дал Ты ей, когда справедливой мерой определил Ты свое место и время и свою честь во всяком благе всему творению Своему — от небесных высот и до земных глубин, от начала и до конца времен, от Ангела и до червяка, от первого вздоха и до последнего? Увы мне! Как высок Ты на высотах и глубок в глубинах! Ты никуда не уходишь, но с трудом возвращаемся мы к Тебе.

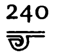
IV

9. Господи! Пробуди же нас и призови к Себе, обожги и восхить, воспламени и облей своим сладостным благоуханием: да полюбим Тебя, да бросимся к Тебе. Разве многие не возвращаются к Тебе, как Викторин, из темноты адского подземелья? Они подходят к Тебе и озаряются тем светом, от которого люди получают силу стать сынами Твоими[1]. Если, однако, они мало известны, то и те, кто их знал, меньше о них радуются. Когда же радостно со многими вместе, то и радость каждого полнее: один от другого накаляются и пламенеют. А потом известные многим — многим поддержка на пути к спасению, и многим, за ними следующим, вожди. Вот почему и те, кто предшествовал им, много о них ликуют, ибо не о них одних ликуют.

Да не будет, конечно, того, чтобы в святилище Твоем богачей принимали впереди бедняков, а знатных впереди незнатных: ведь Ты же «избрал слабых, чтобы смутить сильных, и незнатных в мире этом и презренных избрал Ты; ничего не значащих сделал значительными и обессилил значительных»[2]. И, однако, этот самый

[1] Ср. Ин 1, 12.

[2] 1 Кор 1, 27–28.

«меньший из апостолов Твоих», в устах которого прозвенели эти слова Твои, предпочел называться не Савлом, как раньше, а Павлом в знак великой победы: он, воин, сразил гордость проконсула Павла, подвел его под легкое иго Христово и привел в подданство Великому Царю[1]. Крепче поражается враг от человека, которого он крепко держал и через которого многих держал. Сильнее держит он великих мира ссылкой на их знатность, а через них еще большее число — ссылкой на авторитет знати. С какой же благодарностью думали о Викторине, чье сердце дьявол удерживал как неприступную крепость, о Викторине, чей язык, как грозным острым оружием, поражал многих. Полнота ликования прилична была сынам Твоим, ибо Царь наш связал сильного, на глазах людей сосуды Его были у врага вырваны, очищены и приготовлены в честь Тебе, «полезные Господу на всякое доброе дело»[2].

V

10. Когда Симплициан, Твой человек, рассказал мне это о Викторине, я загорелся желанием ему подражать: для того, конечно, он и рассказы-

[1] См. Деян 13, 6–12.
[2] 2 Тим 2, 21.

вал. Потом он прибавил еще, что во времена императора Юлиана был издан закон, запрещавший христианам преподавание грамматики и риторики: подпав под этот закон, он предпочел покинуть школу болтовни, но не Твое Слово, «которое делает красноречивыми уста младенцев»[1]. И он показался мне скорее счастливцем, чем мужественным человеком: нашел случай освободиться для Тебя. Я вздыхал об этом, никем не скованный, но в оковах моей собственной воли. Мою волю держал враг, из нее сделал он для меня цепь и связал меня. От злой же воли возникает похоть; ты рабствуешь похоти — и она обращается в привычку; ты не противишься привычке — и она обращается в необходимость. В этих взаимно сцепленных кольцах (почему я и говорил о цепи) и держало меня жестокое рабство. А новая воля, которая зарождалась во мне и желала, чтобы я чтил Тебя ради Тебя и утешался Тобой, Господи, единственным верным утешением, была еще бессильна одолеть прежнюю, окрепшую и застарелую. И две мои воли, одна старая, другая новая; одна плотская, другая духовная, боролись во мне, и в этом раздоре разрывалась душа моя.

11. Я понимал, что сам являюсь доказательством того, о чем читал, как «тело замышляет

[1] Прем 10, 21.

против духа, а дух против тела»[1]. Я жил и тем и другим, но больше жил в том, что в себе одобрял, чем в том, чего в себе не одобрял. Тут меня скорее не было, ибо по большей части я терпел против воли, а не действовал по собственному желанию. И, однако, привычка, мною созданная, упрямо восставала на меня: по своей воле пришел я туда, куда не хотел. Кто по праву может противиться справедливой каре, настигающей грешника? И у меня уже не было того извинения, которым я обычно прикрывался: «Я еще не отвергаю мира и не служу Тебе, потому что не постиг еще ясно истины» — она уже была мне ясна. Меня связывало земное; я отказывался стать Твоим воином и так боялся разгрузки от всякой ноши, как следовало бы бояться нагрузки.

12. Мирское бремя нежно давило на меня, словно во сне; размышления мои о Тебе походили на попытки тех, кто хочет проснуться, но, одолеваемый глубоким сном, вновь в него погружается. И хотя нет ни одного человека, который пожелал бы всегда спать — бодрствование, по здравому и всеобщему мнению, лучше, — но человек обычно медлит стряхнуть сон: члены его отяжелели, сон уже неприятен, и однако он

[1] Гал 5, 17.

спит и спит, хотя пришла уже пора вставать. Так и я уже твердо знал, что лучше мне себя любви Твоей отдать, чем злому желанию уступать; она влекла и побеждала, но оно было мило и держало. Мне нечего было ответить на Твои слова: «Проснись, спящий; восстань из мертвых, и озарит тебя Христос»[1]. Мне, убежденному истиной, вообще нечего было ответить Тебе, везде являющему истину Своих слов, разве только вяло и устало: «сейчас», «вот сейчас», «подожди немного», но это «сейчас и сейчас» не определяло часа, а «подожди немного» растягивалось надолго. Напрасно сочувствовал я «закону Твоему, согласному с внутренним человеком», когда «другой закон в членах моих противился закону ума моего и делал меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих»[2]. Греховный же закон — это власть и сила привычки, которая влечет и удерживает душу даже против ее воли, но заслуженно, ибо в эту привычку соскользнула она добровольно. Кто же может освободить меня, несчастного, от «этого тела смерти»[3], как не благодать Твоя, дарованная через Господа нашего Иисуса Христа?

[1] Еф 5, 14.
[2] Рим 7, 22–23.
[3] Рим 7, 24.

VI

13. Исповедуюсь Тебе, Господи, мой Помощник и мой Искупитель, и расскажу, как освободил Ты меня от пут плотского вожделения (они тесно оплели меня) и от рабства мирским делам. Я вел обычную свою жизнь, а тревога моя росла; ежедневно вздыхал я о Тебе — и посещал церковь Твою, насколько позволяли дела мои, под бременем которых я стонал. Со мною жил Алипий, освободившийся от своих обязанностей юрисконсульта после того, как он был в третий раз асессором; он поджидал, кому продать свои советы, как я продавал уменье говорить (если только можно ему научить). Небридий уступил нашим дружеским просьбам и пошел в помощники к Верекунду, задушевнейшему другу нашему, медиоланскому уроженцу. Верекунд был грамматиком и очень хотел получить верного помощника из нашей среды (он в нем очень нуждался), а по праву дружбы и требовал его от нас. Небридия привела к нему не погоня за выгодой — он бы достиг большего, если бы занялся преподаванием самостоятельно, — но, кроткий и нежный друг, он по долгу дружелюбия не захотел пренебречь нашей просьбой. Вел он себя на своем месте очень разумно, остерегаясь известности среди лиц важных «в мире сем», и тем самым избегал

всякого беспокойства душевного: он хотел душе своей свободы и как можно больше досуга для исследования, чтения и слушания мудрых бесед.

14. И вот однажды — не припомню, по какой причине Небридий отсутствовал, — приходит к нам домой, ко мне и к Алипию, некий Понтициан, наш земляк, поскольку он был уроженцем Африки, занимавший видное место при дворе; не помню, чего он хотел от нас. Мы сели побеседовать. Случайно он заметил на игорном столе, стоявшем перед нами, книгу, взял ее, открыл и неожиданно наткнулся на Послания апостола Павла, а рассчитывал найти что-либо из книг, служивших преподаванию, меня изводившему. Улыбнувшись, он с изумлением взглянул на меня и поздравил с тем, что эти и только эти книги вдруг оказались у меня перед глазами. Он был верным христианином и неоднократно простирался пред Тобой, Боже наш, часто и длительно молясь в церкви.

Когда я объяснил ему, что я больше всего занимаюсь Писанием, зашел у нас разговор (он стал рассказывать) об Антонии, египетском монахе, изрядно прославленном среди рабов Твоих, но нам до того часа неизвестном. Узнав об этом, он только о нем и стал говорить, знакомя невежд с таким человеком и удивляясь этому нашему невежеству. Мы остолбенели: по свежей памяти, почти в наше время неоспоримо

засвидетельствованы чудеса Твои, сотворенные по правой вере в Православной Церкви. Все были изумлены: мы — величием происшедшего; он — тем, что мы об этом не слышали.

15. Отсюда завел он речь о толпах монахов, об их нравах, овеянных благоуханием Твоим, о пустынях, изобилующих отшельниками, о которых мы ничего не знали. И в Медиолане, за городскими стенами, был монастырь, полный добрых братьев, опекаемых Амвросием, и мы о нем не ведали. Он продолжал говорить, и мы внимательно молча слушали. Тут перешел он к другому рассказу: он и три других товарища его были однажды в Тревирах, и когда император после полудня глядел на цирковые зрелища, они вышли погулять в парк, начинавшийся за городскими стенами. Прохаживались они парами; он и еще кто-то с ним вместе отделились, а двое других тоже отделились и пошли в другую сторону. Бродя туда-сюда, они набрели на хижину, где жили некие рабы Твои, «нищие духом, каковых есть Царство Небесное»[1], и нашли там книгу, в которой описана была жизнь Антония[2].

[1] Мф 5, 3.

[2] Житие прп. Антония Великого было написано свт. Афанасием Александрийским и переведено на латынь Евагрием Антиохийским до 388 г.

Один из них стал ее читать: дивится, загорается, читает и замышляет кинуться в такую жизнь: оставить мирскую службу и служить Тебе. Оба они были агентами тайной полиции. И вот внезапно, полный святой любви и чистого стыда, гневаясь на себя, обратил он глаза на друга и говорит ему: «Скажи, пожалуйста, чего домогаемся мы всем трудом своим? чего ищем? ради чего служим? можем ли мы на службе при дворе надеяться на что-либо большее, чем на звание "друзей императора"? а тогда все прочно и безопасно? через сколько опасностей приходишь к еще большей опасности? и когда это будет? а другом Божиим, если захочу, я стану вот сейчас».

Он сказал это, мучаясь рождением новой жизни, и вновь погрузился в книгу: и читал и менялся в сердце своем, которое Ты видел, и отрекался от мира, как вскоре и обнаружилось. Читая, обуреваемый волнением, среди громких стенаний он отделил и определил, что лучше; уже стал Твоим и сказал другу: «Я отбрасываю наши прежние надежды, я решил служить Богу вот с этого часа, вот на этом месте. Не хочешь, не подражай, но не возражай!». Тот ответил, что за такую плату и на такой службе он ему верный товарищ. И оба уже Твои, строили они себе башню за подходящую

им цену: «Покинуть всё свое и следовать за Тобой»[1].

Между тем Понтициан со своим спутником прогуливались в другой стороне парка; разыскивая товарищей, пришли они в то самое место, нашли их и стали уговаривать вернуться, потому что день уже угасал. Те рассказали им, какое решение было угодно им принять, каким образом родилось и укрепилось в них такое желание, и попросили, если они отказываются присоединиться, то не докучать им. Понтициан и его спутник остались в своем прежнем состоянии, хотя и оплакивали себя. Почтительно поздравив товарищей, они поручили себя их молитвам и, влача сердце свое в земной пыли, ушли во дворец, а те, прильнув сердцем к небу, остались в хижине. А были у обоих невесты; услышав о происшедшем, они посвятили Тебе девство свое.

VII

16. Так говорил Понтициан. Ты же, Господи, во время его рассказа повернул меня лицом ко мне самому: заставил сойти с того места за спиной, где я устроился, не желая всматриваться в себя. Ты поставил меня лицом к лицу со мной,

[1] Мф 19, 27; ср. Лк 14, 28.

чтобы видел я свой позор и грязь, свое убожество, свои лишаи и язвы. И я увидел и ужаснулся, и некуда было бежать от себя. Я пытался отвести от себя взор свой, а он рассказывал и рассказывал, и Ты вновь ставил меня передо мной и заставлял не отрываясь смотреть на себя: погляди на неправду свою и возненавидь ее. Я давно уже знал ее, но притворялся незнающим, скрывал это знание и старался забыть о нем.

17. И чем горячее любил я тех, о ком слышал, — кто по здравому порыву вручили себя целиком Тебе для исцеления, тем ожесточеннее при сравнении с ними ненавидел себя, ибо много лет моих утекло (почти двенадцать лет) с тех пор, как я девятнадцатилетним юношей, прочитав Цицеронова «Гортензия», воодушевился мудростью, — но не презрел я земного счастья и все откладывал поиски ее, а между тем не только обретение, но одно искание ее предпочтительнее обретенных сокровищ и царств и плотских услад, готовых к услугам нашим. А юношей я был очень жалок, и особенно жалок на пороге юности; я даже просил у Тебя целомудрия и говорил: «Дай мне целомудрие и воздержание, только не сейчас». Я боялся, как бы Ты сразу же не услышал меня и сразу же не исцелил от злой страсти: я предпочитал утолить ее, а не угасить. И я шел «кривыми путями»

кощунственного суеверия не потому, что в нем был уверен: я как бы предпочитал его другим учениям, но не смиренно исследовал их, а противился им, как враг.

18. И я давно думал, что, презрев мирские надежды, со дня на день откладываю следовать за Тобой Одним, потому что не являлось мне ничего определенного, куда направил бы я путь свой. И вот пришел день, когда я встал обнаженный перед самим собой и совесть моя завопила: «Где твое слово? Ты ведь говорил, что не хочешь сбросить бремя суеты, так как истина тебе неведома. И вот она тебе ведома, а оно все еще давит тебя; у них же, освободивших плечи свои, выросли крылья: они не истомились в розысках и десятилетних (а то и больше) размышлениях». Так, вне себя от жгучего стыда, угрызался я во время Понтицианова рассказа. Беседа окончилась, изложена была причина, приведшая его к нам, и он ушел к себе, а я — в себя. Чего только не наговорил я себе! Какими мыслями не бичевал душу свою, чтобы она согласилась на мои попытки идти за Тобой! Она сопротивлялась, отрекалась и не извиняла себя. Исчерпаны были и опровергнуты все ее доказательства, но осталась немая тревога: как смерти боялась она, что ее вытянут из русла привычной жизни, в которой она зачахла до смерти.

VIII

19. В этом великом споре во внутреннем дому моем, поднятом с душой своей в самом укромном углу его — в сердце моем, — кидаюсь я к Алипию и с искаженным лицом, в смятении ума кричу: «Что ж это с нами? ты слышал? поднимаются неучи и похищают Царство Небесное, а мы вот с нашей бездушной наукой и валяемся в плотской грязи! или потому, что они впереди, стыдно идти вслед, а вовсе не идти не стыдно?». Не знаю, что я еще говорил в том же роде; в своем волнении я бросился прочь от него, а он, потрясенный, молчал и только глядел на меня: речи мои звучали необычно. О моем душевном состоянии больше говорили лоб, щеки, глаза, цвет лица, звук голоса, чем слова, мною произносимые.

При нашем обиталище находился садик, которым мы пользовались, как и всем домом, потому что владелец дома, нас приютивший, тут не жил. В своей сердечной смуте кинулся я туда, где жаркой схватке, в которой я схватился с собой, никто не помешал бы до самого конца ее — Ты знал какого, а я нет: я безумствовал, чтобы войти в разум, и умирал, чтобы жить; я знал, в каком я зле, и не знал, какое благо уже вот-вот ждет меня. Итак, я отправился в сад, и за мной, след в след, Алипий. Его присутствие не нарушало моего

уединения. И как бы он оставил меня в таком состоянии? Мы сели как можно дальше от построек. Душа моя глухо стонала, негодуя неистовым негодованием на то, что я не шел на союз с Тобой, Господи, а что надобно идти к Тебе, об этом кричали «все кости мои»[1] и возносили хвалой до небес. И не нужно тут ни кораблей, ни колесниц четверкой, ни ходьбы: расстояния не больше, чем от дома до места, где мы сидели. Стоит лишь захотеть идти, и ты уже не только идешь, ты уже у цели, но захотеть надо сильно, от всего сердца, а не метаться взад-вперед со своей полубольной волей, в которой одно желание борется с другим и то одно берет верх, то другое.

20. В мучениях этой нерешительности я делал много жестов, которые люди иногда хотят сделать и не могут, если у них нет соответственных членов, если эти члены скованы, расслаблены усталостью или им что-то мешает. Если я рвал волосы, ударял себя по лбу; сцепив пальцы, обхватывал колено, то я делал это, потому что хотел. Я мог, однако, захотеть и не сделать, откажи мне члены мои в повиновении. Я делал, следовательно, многое в той области, где «хотеть» и «мочь» не равнозначны, и не делал того, что мне было несравненно желаннее и что я мог сделать, сто-

[1] Пс 34, 10.

ило только пожелать, а я уж, во всяком случае, 253
желал пожелать. Тут ведь возможность сделать и желание сделать равнозначны: пожелать — значит уже сделать. И однако ничего не делалось: тело мое легче повиновалось самым ничтожным желаниям души (двигаться членам, как я хотел), чем душа в исполнении главного желания своего — исполнения, зависящего от одной ее воли.

IX

21. Откуда это чудовищное явление? Почему оно? Освети меня милосердием Твоим и позволь спросить об этом; может быть, ответ прозвучит из тайников наказания, назначенного людям, из мрака сокрушений сынов Адама. Откуда это чудовищное явление и почему оно? Душа приказывает телу, и оно тотчас же повинуется; душа приказывает себе — и встречает отпор. Душа приказывает руке двигаться — она повинуется с такой легкостью, что трудно уловить промежуток между приказом и его выполнением. Но душа есть душа, а рука — это тело. Душа приказывает душе пожелать: она ведь едина, и, однако, она не делает по приказу. Откуда это чудовищное явление? И почему оно? Приказывает, говорю, пожелать та, которая не отдала бы приказа, не будь у нее желания — и не делает по приказу.

Но она не вкладывает себя целиком в это желание, а следовательно и в приказ. Приказ действен в меру силы желания, и он не выполняется, если нет сильного желания. Воля ведь приказывает желать: она одна и себе тождественна. А значит, приказывает она не от всей полноты; поэтому приказ и не исполняется. Если бы она была целостной, не надо было бы и приказывать: все уже было бы исполнено. А следовательно: одновременно желать и не желать — это не чудовищное явление, а болезнь души; душа не может совсем встать: ее поднимает истина, ее отягощает привычка. И потому в человеке два желания, но ни одно из них не обладает целостностью: в одном есть то, чего недостает другому.

X

22. «Да погибнут от лица Твоего»[1], Господи, как они и погибают, «суесловы и соблазнители»[2], которые, заметив в человеке наличие двух желаний, заявили, что есть в нас две души двух природ: одна добрая, другая злая. Злы же на самом деле они, ибо злы эти их мысли, но и эти люди могут стать добрыми, если постигнут исти-

[1] Пс 67, 3.
[2] Тит 1, 10.

ну и достигнут согласия с истиной, так что апостол Твой сможет сказать им: «Вы были некогда тьмой, а теперь вы свет в Господе»[1].

Они, однако, желая быть светом не в Господе, а в самих себе, считая, что природа души одинакова с Богом, стали «густой тьмой», ибо в своей страшной дерзости далеко отошли от Тебя, истинного Света, «просвещавшего всякого человека, приходящего в этот мир»[2]. Подумайте, что́ вы говорите, покраснейте и «ступайте к Нему», и «просветитесь, и лица ваши не будут краснеть»[3].

Когда я раздумывал над тем, чтобы служить Господу Богу моему (как я давно уже положил себе), хотел этого я и не хотел этого я — и был тем же я. Не вполне хотел и не вполне не хотел. Поэтому я и боролся с собой и разделился в самом себе, но это разделение, происходившее против воли моей, свидетельствовало не о природе другой души, а только о том, что моя собственная наказана. И наказание создал не я, а «грех, обитающий во мне»[4], как кара за грех, совершенный по вольной воле: я ведь был сыном Адама.

[1] Еф 5, 8.
[2] Ин 1, 9.
[3] Пс 33, 6.
[4] Рим 7, 17.

23. Если враждующих между собой природ столько же, сколько противящихся одна другой воль, то их будет не две, а множество. Кто-либо, например, рассуждает, идти ли ему на их сборище или в театр, и вот они уже кричат: «Вот две природы: одна, добрая, ведет к нам; другая — злая, уводит прочь. Иначе откуда это колебание между желаниями противоположными?». А я говорю, что оба эти желания злы: и то, которое посылает к ним, и то, которое отсылает в театр. Они верят, что хороша та воля, повинуясь которой, идут к ним. Хорошо! А если в ком-нибудь из наших спорят два желания и он колеблется, идти ли ему в театр или в нашу церковь, не заколеблются ли и они с ответом? Или они признают то, чего не хотят: в нашу церковь идут, повинуясь доброй воле, как идут в нее те, кто стал причастен Таинствам ее и состоит в ней, или же они сочтут, что в одном человеке сталкиваются две злые природы и две злые души: тогда или неправдой окажутся их обычные речи об одной доброй и другой злой воле, или же они обратятся к истине и не станут отрицать, что при обсуждении чего-либо одна и та же душа волнуется разными желаниями.

24. Пусть же не говорят они, видя, как спорят две воли в одном человеке, что в нем борются две враждующие души, происходящие от двух

враждующих субстанций и от двух враждующих начал: одна добрая, другая злая. Ибо ты, Праведный Боже, отвергаешь их, уличаешь и опровергаешь указанием на две злые воли: человек, например, обсуждает, погубить ему кого-то мечом или ядом; захватить это чужое поместье или то (захватить оба он не в силах), расточать ему деньги на удовольствия или жадно беречь их, пойти в цирк или в театр, если оба в этот день открыты. Добавлю и третье желание: не обокрасть ли ему, если представится случай, чужой дом; добавлю и четвертое: не совершить ли прелюбодеяние, если и тут открывается возможность. А если все эти желания столкнутся в какой-то малый промежуток времени, причем все одинаково сильные? Невозможно ведь осуществить их одновременно. Они должны будут разорвать душу между этими четырьмя враждующими волями, а то и между бóльшим числом их: желательно ведь многое. Они, однако, не говорят о такой же множественности разных субстанций. 257

То же и с хорошими желаниями. Я спрашиваю у них: хорошо ли наслаждаться чтением апостола, хорошо ли наслаждаться чистой мелодией псалма, хорошо ли толковать Евангелие? Они на каждый вопрос ответят: «Хорошо». Что же? Если всё это доставляет мне одновременно одинаковое наслаждение, значит ли это, что

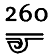
человеческое сердце распирают разные воли при обсуждении, за что скорее взяться? Все они хороши и, однако, спорят между собой, пока не будет выбрано одно, на чем радостно успокоится твоя целостная воля, делившаяся раньше между многими желаниями. И так как вечность сулит радость на Небесах, а наслаждение временными благами удерживает при земле, то одна и та же душа не целостной волей желает того или другого. Потому и разрывается она в тяжкой скорби: истина понуждает к одному; привычка принуждает к другому.

XI

25. Так мучился я и тосковал, осыпая себя упреками, горшими, чем обычно, барахтался и вертелся в моих путах, чтобы целиком оборвать их: они уже слабо держали меня. И все-таки держали. И Ты, Господи, не давал мне передохнуть в тайниках сердца моего: в суровом милосердии Своем бичевал Ты меня двойным бичом страха и стыда, чтобы я опять не отступил, чтобы оборвал эту тонкую и слабую, но еще державшуюся веревку, а то она опять наберет силы и свяжет меня еще крепче. Я говорил сам себе: «Пусть это будет вот сейчас, вот сейчас», — и с этими словами я уже принимал решение, собирался

его осуществить и не осуществлял, но и не скатывался в прежнее: я останавливался, не доходя до конца, и переводил дыхание. И опять я делал попытку, подходил чуть ближе, еще ближе, вот-вот был у цели, ухватывал ее — и не был ближе, и не был у цели, и не ухватывал ее: колебался, умереть ли смертью или жить жизнью. В меня крепко вросло худое, а хорошее не было цепко. И чем ближе придвигалось то мгновение, когда я стану другим, тем больший ужас вселяло оно в меня, но я не отступал назад, не отворачивался; я замер на месте.

26. Удерживали меня сущие негодницы и сущая суета — эти старинные подруги мои; они тихонько дергали мою плотяную одежду и бормотали: «Ты бросаешь нас?». «С этого мгновения мы навеки оставим тебя!». «С этого мгновения тебе навеки запрещено и то и это!» — «То и это», — сказал я; а что предлагали они мне на самом деле, что предлагали, Боже мой! От души раба Твоего отврати это милосердием Твоим! Какую грязь предлагали они, какое безобразие! Но я слушал их куда меньше, чем вполуха, и они уже не противоречили мне уверенно, не становились поперек дороги, а шептались словно за спиной и тайком пощипывали уходящего, заставляя обернуться. И всё же они задерживали меня; я медлил вырваться, отряхнуться от них

и ринуться на зов; властная привычка говорила мне: «Думаешь, ты сможешь обойтись без них?».

27. Только в словах ее уже не было жара, ибо на той стороне, куда давно обратил я лицо свое — и трепетал перед переходом, — открывалась мне Чистота в своем целомудренном достоинстве, в ясной и спокойной радости; честно и ласково было приглашение идти и не сомневаться; чисты руки, протянутые, чтобы подхватить и обнять меня; многочисленны добрые примеры. Было там столько отроков и девиц, такое множество молодежи и людей всякого возраста: и чистых вдов и девственных стариц! И чистота в них во всех, и отнюдь не бесплодная: от Тебя, Господи, супруга своего, породила она столько радостей! И она посмеивалась надо мной, ободряя своей насмешкой и будто говоря: «Ты не сможешь того, что смогли эти мужчины, эти женщины? Да разве смогли они своей силой, а не Божией? Бог Господь их вручил меня им. Зачем опираешься на себя? В себе нет опоры. Бросайся к Нему, не бойся: Он не отойдет, не позволит тебе упасть; бросайся спокойно: Он примет и исцелит тебя». Я сгорал от стыда, потому что еще прислушивался к шепоту тех бездельниц, медлил и не решался. И опять будто голос: «Будь глух к голосу нечистой земной плоти твоей, и она умрет. Она говорит тебе о наслаждениях, но не по закону

Господа Бога твоего»[1]. Спор этот шел в сердце моем: обо мне самом и против меня самого. Алипий, не отходя от меня, молчаливо ожидал, чем кончится мое необычное волнение.

XII

28. Глубокое размышление извлекло из тайных пропастей и собрало «перед очами сердца моего» всю нищету мою. И страшная буря во мне разразилась ливнем слез. Чтобы целиком излиться и выговориться, я встал — одиночество, по-моему, подходило больше, чтобы предаться такому плачу, — и отошел подальше от Алипия; даже его присутствие было мне в тягость. В таком состоянии был я тогда, и он это понял; кажется, я ему что-то сказал; в голосе моем уже слышались слезы; я встал, а он в полном оцепенении остался там, где мы сидели. Не помню, как упал я под какой-то смоковницей и дал волю слезам: они потоками лились из глаз моих — угодная жертва Тебе. Не этими словами говорил я Тебе, но такова была мысль моя: «Господи, доколе? Доколе, Господи, гнев Твой? Не поминай старых грехов наших!». Я чувствовал, что я в плену у них, и жаловался и вопил: «Опять

[1] Ср. Пс 118, 85.

и опять: “завтра, завтра!”. Почему не сейчас? Почему этот час не покончит с мерзостью моей?».

29. Так говорил я и плакал в горьком сердечном сокрушении. И вот слышу я голос из соседнего дома, не знаю, будто мальчика или девочки, часто повторяющий нараспев: «Возьми, читай! Возьми, читай!». Я изменился в лице и стал напряженно думать, не напевают ли обычно дети в какой-то игре нечто подобное? Нигде не доводилось мне этого слышать. Подавив рыдания, я встал, истолковывая эти слова как Божественное веление мне: открыть книгу и прочесть первую главу, которая мне попадется. Я слышал об Антонии, что его вразумили евангельские стихи, на которые он случайно наткнулся: «Пойди, продай всё имущество свое, раздай бедным, и получишь сокровище на Небесах, и приходи, следуй за Мной»[1]; эти слова сразу же обратили его к Тебе. Взволнованный, вернулся я на то место, где сидел Алипий; я оставил там, уходя, апостольские Послания. Я схватил их, открыл и в молчании прочел главу, первую попавшуюся мне на глаза: «Не в пирах и в пьянстве, не в спальнях и не в распутстве, не в ссорах и в зависти: облекитесь в Господа Иисуса Христа и по-

[1] Мф 19, 21.

печение о плоти не превращайте в похоти»[1]. Я не захотел читать дальше, да и не нужно было: после этого текста сердце мое залили свет и покой; исчез мрак моих сомнений.

Я отметил это место пальцем или каким-то другим знаком, закрыл книгу и со спокойным лицом объяснил всё Алипию. Он же объяснил мне таким же образом, что с ним происходит; я об этом не знал. Он пожелал увидеть, что я прочел; я показал, а он продолжил чтение. Я не знал следующего стиха, а следовало вот что: «Слабого в вере примите». Алипий отнес это к себе и открыл мне это. Укрепленный таким наставлением, он без всяких волнений и колебаний принял решение доброе, соответственное его нравам, которые уже с давнего времени были значительно лучше моих. Тут идем мы к матери, сообщаем ей: она в радости. Мы рассказываем, как всё произошло; она ликует, торжествует и благословляет Тебя, «Который в силах совершить больше, чем мы просим и разумеем»[2]. Она видела, что Ты даровал ей во мне больше, чем она имела обыкновение просить, стеная и обливаясь горькими слезами. Ты обратил меня к Себе: я не искал больше жены, ни на что не надеялся в этом

[1] Рим 13, 13–14.
[2] Еф 3, 20.

мире. Я крепко стоял в той вере, пребывающим в которой Ты показал ей меня много лет назад: «Ты обратил печаль ее в радость»[1] гораздо бóльшую, чем та, которой она хотела; более ценную и чистую, чем та, которой она ждала от внуков, детей моих по плоти.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

I

1. «Господи, я раб Твой, я раб Твой и сын слуги Твоей. Ты сломал оковы мои; жертву хвалы воздам я Тебе»[2]. Да восхвалит Тебя сердце мое и язык мой; «скажут все кости мои: Господи, кто подобен Тебе»[3]. Пусть скажут, а Ты ответь мне «и скажи душе моей: Я спасение твое»[4]. Кто я и каков я? Какого зла не было в поступках моих? А если не в поступках, то в словах? А если

[1] Пс 29, 12.
[2] Пс 115, 7–8.
[3] Пс 34, 10.
[4] Пс 34, 3.

не в словах, то в моей воле? Ты же, Господи, благостный и милосердный, заглянул в бездну смерти моей и выгреб десницей Своей с самого дна сердца моего груды нечистоты. А это значило отныне — всеми силами не хотеть того, чего хотел я, и хотеть того, чего хотел Ты. Но где же находилась годы и годы, из какой глубокой и тайной пропасти вызвал Ты в одно мгновение свободную волю мою — да подставлю шею свою под удобное ярмо Твое и плечи под легкую ношу Твою, Христе Иисусе, «Помощник мой и мой Искупитель»[1]? Как сладостно стало мне вдруг лишиться сладостных пустяков: раньше я боялся упустить их, теперь радовался отпустить. Ты прогнал их от меня, Ты, истинная и наивысшая Сладость, прогнал и вошел на их место. Ты, Который сладостнее всякого наслаждения, только не для плоти и крови, светлее всякого света, но сокровеннее всякой тайны, выше всяких почестей — но не для тех, кто возвышается сам. Душа моя стала свободна от грызущих забот: не надо просить и кланяться, искать заработка, валяться в грязи, расчесывая чесотку похоти. Я лепетал перед Тобой, Свет мой, богатство мое и спасение, Господи Боже мой.

[1] Пс 18, 15.

II

2. Я решил пред очами Твоими не порывать резко со своей службой, а тихонько отойти от этой работы языком на торгу болтовней: пусть юноши, помышляющие не о законе Твоем, не о мире Твоем, но о лжи, безумии и схватках на форуме, покупают оружие своему неистовству не у меня. До виноградных каникул[1] оставалось, кстати, совсем мало дней; я решил перетерпеть эти дни и уйти, как обычно, в отпуск, но не возвращаться больше продажным рабом: я был Тобой выкуплен.

Решение наше было открыто Тебе, людям же открыто только своим. И мы условились нигде о нем не проговариваться, хотя нам, поднимающимся из «долины слез»[2] и воспевающим «песнь восхождения»[3], дал Ты «острые стрелы и угли, обжигающие лукавый язык»[4], который заботливо противоречит доброму и из любви к тебе пожирает тебя, словно привычную пищу.

3. Ты уязвил сердце наше любовью Твоею, и в нем хранили мы слова Твои, пронизавшие

[1] Эти каникулы длились с 22 августа по 15 октября и совпадали со сбором винограда.

[2] Пс 83, 7.

[3] «Песней восхождения» называются псалмы 119–133.

[4] Пс 119, 3–4.

утробу нашу. Мы собрали образы рабов Твоих — Ты осветил их темных, оживил мертвых — и погрузились в размышление над ними. Их пример жег нас, уничтожал окаменелое бесчувствие, мешал скатиться в бездну, воспламенял так, что всякое веяние противоречий от «языка лукавого» только разжигало наше желание, но не могло угасить его. А так как имя Твое святится по всей земле, то нашлись бы и люди, восхвалявшие наши намерения и обеты. Мне же казалось хвастовством не подождать столь близких каникул, но уйти с публичного поста, бывшего на виду у всех, будто мне хочется, предупредив наступающий праздник, обратить на себя общее внимание. Все и заговорили бы, что я стремлюсь возвеличить себя. А зачем мне, чтобы люди судили и рядили о душе моей и «хулили доброе наше»[1]?

4. А тут еще в это самое лето от чрезмерной работы в школе легкие мои начали сдавать: дыхание стало затруднено; боли в груди свидетельствовали о ее недуге; голос стал глухим и прерывистым. Сначала это меня очень встревожило: приходилось по необходимости сложить бремя учительства или, во всяком случае, прервать работу, пока, может быть, вылечусь и выздоровею. Когда же овладело мной и укрепилось во всей

[1] Рим 14, 16.

полноте желание «освободиться и видеть, ибо Ты — Господь»[1], — Ты знаешь, Боже мой, я даже обрадовался, что у меня есть справедливое извинение, которое должно смягчить обиду людей, не желавших из-за своих милых детей помиловать меня. Полный такой радости, я перетерпел этот промежуток времени до конца — было это, кажется, дней двадцать, — претерпевались они с натугой: во мне уже не было того запала, с которым я обычно вел эти трудные занятия, и, не приди на его смену терпение, они согнули бы меня под своим бременем.

Кто-нибудь из рабов Твоих, моих братьев, скажет, что я согрешил, позволив себе хоть один час остаться на кафедре лжи в то время, как сердце мое полно было желанием служить Тебе. Не буду спорить. Но Ты, Всемилостивый Господи, разве не простил мне этот грех и не отпустил его вместе с другими, страшными и смертными, омыв меня святой водой!

III

5. Верекунд изводился и тосковал, глядя на наше счастье: он видел, что узы, крепко его связавшие, заставят его покинуть наше общество.

[1] Пс 45, 11.

Не будучи сам христианином, он женился на христианке, и она-то и оказалась самыми тесными колодками, мешавшими ему пойти по пути, на который вступили мы. А стать христианином он хотел только при том условии, которое было невыполнимо. Он ласково предложил нам побыть в его имении, пока захотим. Ты воздашь ему, Господи, в час воздаяния праведным; их часть Ты уже воздал ему. Хоть и в отсутствие наше (мы были уже в Риме), он во время тяжелой болезни стал христианином и переселился из этой жизни. Ты пожалел не только его, но и нас: мы не будем мучиться невыносимой болью, думая, что этот исключительной доброты к нам друг наш исключен из стада Твоего. Благодарим Тебя, Боже наш! Мы Твои: вразумления и утешения Твои говорят об этом. Верный Своим обещаниям, дал Ты Верекунду за его именьице в Кассициаке, где мы отдохнули в Тебе от мирских треволнений, красоту Твоего вечно зеленеющего рая, ибо отпустил ему земные грехи его «на горе молочной, на горе Твоей, горе изобилия»[1].

6. А в то время он тосковал. Небридий же радовался с нами. Хотя он еще и не был христианином и когда-то свалился в ров губительнейшего

[1] Ср. Пс 67, 16.

заблуждения (подлинное тело Сына Твоего считал призрачным), но выбрался оттуда, и еще сам по себе, еще не причастный к Таинствам Твоей Церкви, был уже пылким искателем истины. Вскоре после обращения нашего и возрождения крещением Твоим Ты разрешил его от тела; он был уже верным христианином, служил Тебе в совершенном целомудрии и воздержании у своих в Африке, и через него весь его дом стал христианским. Теперь он живет «в лоне Авраамовом». Что разумеется под этим словом «лоно»? Там живет мой Небридий, милый друг мой, усыновленный Тобой сын отпущенника. Там живет он. Может ли быть другое место для такой души? Там живет он, в этом месте, о котором столько расспрашивал меня, жалкого невежду. Теперь он преклоняет ухо не к устам моим, а духовные уста свои к источнику Твоему и в счастье, не знающем конца, пьет сколько может, в меру жадности своей от мудрости Твоей. Я не думаю, что он так опьянен ею, что позабыл меня; Ты ведь поминаешь меня, Господи, утоляя его жажду.

Так жили мы, утешая Верекунда, опечаленного обращением нашим, но хранившего дружбу; уговаривали его уверовать, оставаясь на своей ступени, то есть в брачной жизни, и поджидали, когда Небридий пойдет за нами. Он был очень близок к этому и готов был вот-вот это сделать,

но уже истекли дни каникул. Они показались мне длинными, и было их много; я ведь хотел свободы и досуга, чтобы воспевать Тебя всем существом своим: «Тебе говорило сердце мое, я искал лица Твоего; лицо Твое, Господи, взыщу я»[1].

IV

7. И вот пришел день, когда я на деле освободился от преподавания риторики, от которого уже давно освобожден был в мыслях. Ты убрал язык мой оттуда, откуда еще раньше убрал сердце мое, и я благословлял Тебя и радовался, уезжая в деревню вместе со всеми своими. Я занялся там кое-каким писанием: этими книгами я, правда, служил Тебе, но от них еще отдавало духом школьного высокоумия — так дышат бегуны, остановившись передохнуть, — это видно и в диалогах с присутствующими друзьями, и в беседах с самим собой пред лицом Твоим; видно и в переписке с отсутствующим Небридием. Хватит ли у меня времени вспомнить все великие благодеяния Твои от того времени: я ведь спешу перейти к главному. Воспоминание вызывает мне меня тогдашнего, и мне сладостно поведать

[1] Пс 26, 8.

Тебе, Господи, о тех тайных уколах, которыми Ты укрощал меня, о том, как поверг меня ниц, «понизив горы и холмы моих размышлений», «выправив кривизны» мои и сгладив бугры[1]; как самого Алипия, брата сердца моего, подчинил имени Единородного Твоего Иисуса Христа, Господа и Спасителя нашего, имени, которое он раньше пренебрегал вставлять в писания наши. Он предпочитал, чтоб от них исходил запах школьных кедров, которые «Господь разбил в щепы»[2], а не церковных трав, излечивающих змеиные укусы.

8. Как взывал я к Тебе, Боже мой, читая псалмы Давида, эти христианские песнопения, звучавшие благочестием, изгонявшие дух гордыни. Новичок в истинной любви Твоей, катехумен вместе с катехуменом Алипием, я отдыхал в деревенской усадьбе. С нами была моя мать, соединявшая с женской повадкой мужскую веру, с ясностью старости — материнскую любовь и христианское благочестие.

Как взывал я к Тебе в этих псалмах, какая любовь к Тебе вспыхивала от них, каким желанием горел я прочесть их, если бы мог, всему миру, сокрушая ими человеческую гордость! Но их

[1] Лк 3, 5; Ис 40, 4.
[2] Ср. Пс 28, 5.

ведь и поют по всему миру, «и никто не может скрыться от огня Твоего»[1].

С какой резкой и острой болью возмущался я манихеями и опять-таки жалел их, потому что они не знают наших Таинств, этого лекарства, и в безумии отвергают противоядие, от которого вернулся бы ум. Мне хотелось, чтобы они были где-нибудь тут, около, а я бы и не знал, что они тут: пусть поглядели бы они на мое лицо и услышали восклицания мои, когда я, в моем тогдашнем уединении, читал четвертый псалом; пусть увидели бы, что делал со мной этот псалом: «Когда воззвал я к Тебе, услышал Ты меня, Боже правды моей; в тревоге дал Ты мне покой. Помилуй меня, Господи, и услыши молитву мою»[2]. Пусть бы послушали, а я бы и не подозревал, что они слушают: пусть не думают, что я говорю ради них то, что говорил я между этими словами. И на самом деле я не сказал бы этого, и не так бы это сказал, знай я, что они видят и слышат меня, да если бы и сказал, то они ведь не восприняли бы, как сама с собой для себя самой пред лицом Твоим в сыновней любви изливается душа моя.

9. Я трепетал от страха и в то же время согревался надеждой на Твое милосердие, Отец,

[1] Пс 18, 7.
[2] Пс 4, 2.

и радостью о нем. И всё это выражалось в моих глазах и голосе, когда благой Дух Твой, обратившись к нам, говорит: «Сыны человеческие, доколе отягощаете сердце свое, зачем любите суету и ищете ложь»[1]? А я любил суету и искал ложь. А Ты, Господи, уже «прославил Святого Твоего, восставив Его из мертвых и поместив одесную Себя»[2], чтобы исполнил Он обещание Свое, послав с Небес «Утешителя, Духа Истины»[3]. Он послал Его, но я не знал об этом. Он послал Его, ибо был прославлен, воскрес из мертвых и взошел на Небеса. Раньше «не было дано Духа Святого, потому что Иисус еще не был прославлен»[4]. И восклицает пророк: «Доколе отягощаете сердце? зачем любите суету и ищете ложь? знайте, что Господь прославил Святого Своего»[5]. Он восклицает «доколе»; он восклицает «знайте», а я так долго не знал, любил суету и искал ложь. И потому я слушал и содрогался: слова эти сказаны таким людям, каким, помню, был я сам. В призраках, которые я считал действительностью, были суета и ложь. И в боли воспоминаний своих жаловался я громко и тяжко. О если бы услышали

[1] Пс 4, 3.
[2] Еф 1, 20.
[3] Ин 15, 26.
[4] Ин 7, 39.
[5] Пс 4, 3–4.

меня те, кто и доселе любит суету и ищет ложь! Может быть, они бы пришли в смятение, очистились бы и Ты бы услышал их, когда они возопили бы к Тебе, ибо настоящей телесной смертью «умер Он за нас, и за нас ходатайствует»[1].

10. Я читал: «Вознегодуйте и перестаньте грешить»[2]. Как волновали меня эти слова, Боже мой! Я уже научился негодовать на себя за прошлое, чтобы впредь не грешить, и негодовал заслуженно, ибо грешила во мне не природа чуждая, свойственная порождению мрака, как говорят те, кто не гневается на себя и «собирает гнев на себя в день гнева и откровения праведного суда Твоего»[3]. Уже блага мои были не вне меня, и не телесными очами, не в лучах этого солнца искал я их. Те, кто ищет радоваться внешнему, быстро увядают, растрачивают себя на зримое и преходящее и в своем изголодавшемся воображении пытаются отведать несуществующей пищи. О если бы истомились они голодом и сказали: «Кто покажет нам доброе?». Скажем, пусть услышат: «Запечатлен в нас свет лица Твоего, Господи»[4]. Мы сами — не свет,

[1] Рим 8, 34.
[2] Пс 4, 5.
[3] Рим 2, 5.
[4] Пс 4, 7.

«Который просвещает всякого человека»[1], но мы просвещены Тобой: мы были «некогда тьма, а теперь свет в Тебе»[2]. О если бы видели они это внутреннее и вечное! Вкусив от Него, я скрежетал зубами, потому что не мог им его показать. Пусть бы принесли они мне сердце, отвращающееся от Тебя ко внешнему, и сказали: «Кто покажет нам доброе?». Оно там, где я гневался на себя, в тайниках сердца моего, где я был уязвлен; где я убил и принес в жертву ветхого человека и начал размышлять, надеясь на Тебя, о своем обновлении; там начал Ты становиться мне сладостен и «дал радость в сердце моем». Так громко восклицал я, узнавая прочитанное в сердце; я не хотел, убивая время и убиваемый временем, рассеиваться многообразием земных благ: в Твоей вечной простоте была для меня «другая пшеница, вино и елей»[3].

11. А на следующем стихе громко вскрикивал я криком из глубины сердца моего: «О! в мире! О! в Нем Самом!», что значат Его слова: «Усну и вкушу покой»[4]. Кто воспротивится нам, когда исполнится написанное: «Поглощена смерть

[1] Ин 1, 9.
[2] Еф 5, 8.
[3] Ср. Пс 4, 8.
[4] Ср. Пс 4, 9.

победой»[1]? И Ты есть Сущий и не меняешься; в Тебе покой, забывающий о всех трудах, и нет с Тобой никого, кроме Тебя, и не для погони за многим, не тем, что не Ты, «утвердил Ты меня, простого, Господи, в надежде». Я читал и горел и не находил, что бы сделать для глухих мертвецов, к которым принадлежал раньше и сам я, чума, горький слепец, пес, лающий на слова, медовые от небесного меда, светлые от света Твоего. И я изводился, думая о врагах этого Писания.

12. Когда переберу я в памяти всё, бывшее в эти праздничные дни? Но я не забыл и не умолчу ни о жестокости бича Твоего, ни о дивной скорости милосердия Твоего. Ты мучил меня тогда зубной болью, и когда она усилилась до того, что я не мог говорить, пало мне на сердце попросить всех моих, кто тут был, помолиться за меня Богу всяческого спасения. Я написал это на дощечке и дал им прочесть. И только преклонили мы молитвенно колени, как боль исчезла. Но какая боль! И каким образом она исчезла? Признаюсь: я устрашился. Господь мой и Бог мой, ничего подобного не испытал я с начала жизни моей.

И проникло в глубь сердца моего признание власти Твоей, и радостно, с верой восхвалил я имя Твое. А вера эта не позволяла мне

[1] 1 Кор 15, 54.

успокоиться о прежних грехах моих, еще не прощенных через крещение Твое.

V

13. По прошествии каникул я отказался от своего места: пусть медиоланцы поищут для своих школьников другого продавца слов; я определил себя на службу Тебе и не годен был для учительства по причине затрудненного дыхания и болей в груди. Я изложил в письмах Твоему предстоятелю, Амвросию, мужу святому, прежние заблуждения мои и теперешнее желание свое и попросил указать, какие из Книг Твоих предпочтительнее всего мне читать, чтобы приготовить себя к принятию такой великой благодати. Он велел читать пророка Исаию, думаю, потому, что яснее других говорит он о Евангелии и призвании язычников. Не поняв и первой главы его и решив, что и вся книга темна, я отложил вторичное ее чтение до тех пор, пока не освоюсь с языком Писания.

VI

14. И вот пришло время записаться на крещение; оставив деревню, вернулись мы в Медио-

лан. Алипию хотелось возродиться в Тебе вместе со мной; он уже облекся в смирение, подобающее Твоим Таинствам. Мужественный укротитель тела, он отважился на поступок необычный: прошел босиком по ледяной земле Италии. Мы взяли с собой и Адеодата, сына от плоти моей и от греха моего. Он был прекрасным созданием Твоим: было ему лет пятнадцать, а он превосходил умом многих важных и ученых мужей. Исповедаю Тебе дары Твои, Господи Боже мой, Создатель всего, властный преобразить безобразие наше: от меня этот мальчик ничего не получил, я только запятнал его своим проступком. А что он воспитан был в учении Твоем, это внушил нам Ты, и никто другой; исповедаю Тебе дары Твои.

Есть у меня книга, озаглавленная «Учитель»; это он там разговаривает со мной. Ты знаешь, что все мысли, вложенные там в уста моего собеседника, принадлежат ему, шестнадцатилетнему. Много еще более удивительного обнаруживал я в нем. Меня пугала такая даровитость. Какой мастер, кроме Тебя, мог бы сделать такое чудо? Ты рано прервал его земную жизнь, и мне спокойнее за него: я не боюсь ни за его отрочество, ни за его юность — вообще не боюсь за него. Мы взяли его в товарищи, сверстника нашего по благодати Твоей, чтобы наставить в учении

Твоем. Мы крестились, и бежала от нас тревога за свою прежнюю жизнь. Я не мог в те дни насытиться дивной сладостью, созерцая глубину Твоего намерения спасти род человеческий. Сколько плакал я над Твоими гимнами и песнопениями, горячо взволнованный голосами, сладостно звучавшими в Твоей Церкви. Звуки эти вливались в уши мои, истина отцеживалась в сердце мое, я был охвачен благоговением; слезы бежали, и хорошо мне было с ними.

VII

15. Незадолго до этого в Медиоланской церкви вошло в обычай утешать и наставлять с помощью пения: братья пели ревностно и согласно, устами и сердцем. Уже год или немного больше Юстина, мать малолетнего императора Валентиниана, преследовала Твоего Амвросия по причине ереси, которой соблазнили ее ариане. Благочестивая толпа бодрствовала в церкви, готовая умереть, вместе со своим епископом, рабом Твоим. И там же мать моя, слуга Твоя, первая в тревоге и бдении, жила молитвой. Мы, тогда еще не согретые жаром Твоего Духа, все же волновались: город был в смятении и беспокойстве. Тогда и постановлено было петь гимны и псалмы по обычаю Восточной Церкви, чтобы народ совсем не извел-

ся в тоске и печали; с тех пор и поныне обычай этот соблюдается, и его усвоили многие, да почти все стада Твои и в остальном мире.

16. Тогда упомянутому предстоятелю Твоему открыто было в видении место, где сокрыты тела мучеников Протасия и Гервасия, которые столько лет хранил Ты нетленными в тайной сокровищнице Твоей, чтобы своевременно взять их оттуда в обуздание женщины лютой, но царственной. Обнаружив их и откопав, перенесли их с подобающими почестями в Амвросиеву базилику: исцелялись не только мучимые нечистыми духами (сами демоны сознавались в своем поражении); один медиоланец, слепой в течение многих лет и хорошо известный всему городу, стал расспрашивать, почему так буйно ликует народ, и, узнав, в чем дело, вскочил и попросил своего поводыря отвести его туда. Приведенный на место, он добился разрешения подойти и прикоснуться платком к носилкам, где покоились те, о ком сказано: «дорога́ в очах Господних смерть святых Его»[1]. Затем он поднес платок к глазам своим, и они сразу открылись. Об этом разнеслась молва. Тебе возносили хвалы, горячие, сиявшие радостью; поэтому противница Твоя, хотя и не приникла к здравой вере, но подавила

[1] Пс 115, 6.

в душе своей неистовость в преследованиях. Благодарю Тебя, Боже мой. Откуда и куда повел Ты воспоминания мои, чтобы я исповедал Тебе, о каких великих событиях я забыл; даже тогда, когда так благоухал «аромат благовоний Твоих»[1], мы не кинулись к Тебе. Потому я так и плакал за пением Твоих гимнов; давно вздыхал я о Тебе и наконец вдохнул веяние ветра, насколько проникал он в дом из травы.

VIII

17. «Ты, Кто позволяешь жить вместе людям единодушным»[2], ввел в наше общество Эводия, молодого человека из нашего муниципия. Он служил в тайной полиции, раньше нас обратился к Тебе, крестился и, оставив мирскую службу, вооружился для Твоей. Мы были вместе и вместе собирались пребыть в нашем святом решении. Мы обдумывали, в каком месте лучше нам служить Тебе, и решили все разом вернуться в Африку. Когда мы были в Остии на Тибре, мать скончалась.

Я многое пропускаю, потому что очень тороплюсь. Прими, Господи, исповедь мою и благо-

[1] Песн 1, 2.
[2] Пс 67, 7.

дарность, пусть и безмолвную, за бесчисленные дела Твои. Но я не пройду мимо того, что родилось в душе моей к этой слуге Твоей, которая родила меня телом для этого преходящего света и сердцем — для вечного. Я буду говорить о Твоих дарах ей, не о ее собственных качествах. Она не сама себя создала и не сама себя воспитала: Ты сотворил ее, и ни отец, ни мать не знали, какой она будет. Ее наставила в страхе Твоем розга Христа Твоего, руководство Единого Твоего в семье верной, члены которой были добрыми членами Церкви Твоей. За старательное воспитание свое она не столь хвалила мать свою, сколь некую престарелую служанку, которая носила еще отца ее на спине, как обычно носят малышей девочки постарше. За это, за ее старость и чистые нравы пользовалась она в христианском доме почетом от хозяев. Потому и поручена ей была забота о хозяйских дочерях, и она старательно несла ее. Полная святой строгости и неумолимая в наказаниях, когда они требовались, была она в наставлениях разумна и рассудительна. Она, например, разрешала девочкам, невзирая на жгучую жажду, пить даже воду только во время очень умеренного обеда за родительским столом. Она остерегала их от худой привычки разумным словом: «Сейчас вы пьете воду, потому что не распоряжаетесь вином, а когда в мужнем

доме станете хозяйками погребов и кладовок, вода вам может опротиветь, а привычка к питью останется в силе». Таким образом, разумно поучая и властно приказывая, обуздывала она жадность нежного возраста и даже жажду у девочек удерживала в границах умеренности: пусть не прельщает их то, что непристойно.

18. И, однако, незаметно подползла к матери моей, как рассказывала мне, сыну, слуга Твоя, — подползла страсть к вину. Родители обычно приказывали ей, как девушке воздержанной, доставать вино из бочки. Опустив туда через верхнее отверстие сосуд, она, прежде чем перелить это чистое вино в бутылку, краем губ чуть-чуть отхлебывала его: больше она не могла, так как вино ей не нравилось. И делала она это вовсе не по склонности к пьянству, а от избытка кипящих сил, ищущих выхода в мимолетных проказах; их обычно подавляет в отроческих душах глубокое уважение к старшим.

И вот, прибавляя к этой ежедневной капле ежедневно по капле — а «тот, кто пренебрегает малым, постепенно падает»[1], — она докатилась до того, что с жадностью почти полными кубками стала поглощать неразбавленное вино. Где была тогда проницательная старушка и ее

[1] Сир 19, 1.

неумолимые запреты? Разве что-нибудь может одолеть тайную болезнь нашу, если Ты, Господи, не бодрствуешь над нами со Своим врачеванием? Нет отца, матери и воспитателей, но присутствуешь Ты, Который нас создал, Который зовешь нас, Который даже через... людей[1] делаешь доброе, чтобы спасти душу. Что же сделал Ты тогда, Боже мой? Чем стал лечить? Чем исцелил? Не извлек ли Ты грубое и острое бранное слово из чужих уст, как врачебный нож, вынутый из неведомых запасов Твоих, и не отрезал ли одним ударом все гнилое? Служанка, ходившая обычно вместе с ней за вином, споря, как это бывает, с младшей хозяйкой с глазу на глаз, упрекнула ее в этом проступке и с едкой издевкой назвала «горькой пьяницей». Уязвленная этим уколом, она оглянулась на свою скверну, тотчас же осудила ее и от нее избавилась.

Так друзья, льстя, развращают, а враги, браня, обычно исправляют. Ты, однако, воздаешь им не за то, что делаешь через них, а за их намерения. Она, рассердившись, хотела не излечить младшую хозяйку, а вывести ее из себя — тайком, потому ли, что так уже подошло и с местом и со временем ссоры, или потому, что сама она

[1] Место испорченное; в рукописи: praepositos — «через начальствующих» — чтение, не имеющее смысла.

боялась попасть в беду за поздний донос. Ты же, Господи, правящий всем, что есть на небесах и на земле, обращающий вспять для целей Своих водные пучины и подчиняющий Себе буйный поток времени, Ты безумием одной души исцелил другую. Если кто словом своим исправил того, кого он хотел исправить, пусть он, после моего рассказа, не приписывает этого исправления своим силам.

IX

19. Воспитанная в целомудрии и воздержании, подчиняясь родителям скорее из послушания Тебе, чем Тебе из послушания родителям, она, войдя в брачный возраст, вручена была мужу, служила ему, как господину, и старалась приобрести его для Тебя. О Тебе говорила ему вся стать ее, делавшая ее прекрасной для мужа: он ее уважал, любил и удивлялся ей. Она спокойно переносила его измены; никогда по этому поводу не было у нее с мужем ссор. Она ожидала, что Ты умилосердишься над ним и, поверив в Тебя, он станет целомудрен. А кроме того, был он человеком чрезвычайной доброты и неистовой гневливости. И она знала, что не надо противоречить разгневанному мужу не только делом, но даже словом. Когда же она видела, что он от-

бушевал и успокоился, она объясняла ему свой поступок; бывало ведь, что он кипятился без толку. У многих женщин, мужья которых были гораздо обходительнее, лица бывали обезображены синяками от пощечин; в дружеской беседе обвиняли они своих мужей, а она их язык; будто в шутку давала она им серьезный совет: с той минуты, как они услышали чтение брачного контракта, должны они считать его документом, превратившим их в служанок; памятуя о своем положении, не должны они заноситься перед своими господами. Зная, с каким лютым мужем приходится ей жить, они удивлялись: не слыхано и не видано было, чтобы Патриций побил жену или чтобы они повздорили и хоть на один день рассорились. Они дружески расспрашивали ее, в чем причина; она учила их своему обычаю, о котором я упомянул выше. Усвоившие его благодарили, неусвоившие терпели поношение.

20. Нашептывания дурных служанок сначала восстановили против нее свекровь, но мать моя услужливостью, неизменным терпением и кротостью одержала над ней такую победу, что та сама пожаловалась сыну на сплетни служанок, нарушавших в доме мир между ней и невесткой, и потребовала для них наказания. После того как он, слушаясь матери, заботясь о порядке среди рабов и о согласии в семье, высек выданных

по усмотрению выдавшей, она пригрозила, что на такую же награду от нее должна рассчитывать каждая, если, думая угодить, станет ей наговаривать на невестку. Никто уже не осмеливался, и они зажили в достопамятном сладостном дружелюбии.

21. «Господи, милующий меня!»[1]. Ты послал этой доброй служанке Твоей, в чреве которой создал меня, еще один великий дар. Где только не ладили между собой и ссорились, там она появлялась — где могла — умиротворительницей. Она выслушивала от обеих сторон взаимные, многочисленные и горькие, попреки, какие обычно изрыгает душа, раздувшаяся и взбаламученная ссорой. И когда присутствующей приятельнице изливалась вся кислота непереваренной злости на отсутствующую неприятельницу, то мать моя сообщала каждой только то, что содействовало примирению обеих. Я счел бы это доброе качество незначительным, если бы не знал, по горькому опыту, что бесчисленное множество людей (тут действует какая-то страшная, широко разлившаяся греховная зараза) не только передает разгневанным врагам слова их разгневанных врагов, но еще добавляет к ним то, что и не было сказано. А ведь следовало бы чело-

[1] Пс 58, 18.

веку человечному не то что возбуждать и разжигать злыми словами человеческую вражду, а, наоборот, стремиться угасить ее словами добрыми. Такова была мать моя; Ты поучал ее в сокровенной школе ее сердца.

22. И вот наконец приобрела она Тебе своего мужа напоследок дней его; от него, христианина, она уже не плакала над тем, что терпела от него, нехристианина. Была она слугой служителей Твоих. Кто из них знал ее, те восхваляли, чтили и любили в ней Тебя, ибо чувствовали присутствие Твое в сердце ее: о нем свидетельствовала ее святая жизнь. Она «была женой одного мужа, воздавала родителям своим, благочестиво вела дом свой, усердна была к добрым делам»[1]. Она воспитывала сыновей своих, мучаясь, как при родах, всякий раз, когда видела, что они сбиваются с Твоего пути.

И напоследок — Ты позволяешь ведь по милости Своей называться нам служителями Твоими — о всех нас, живших до успения ее в дружеском союзе и получивших благодать Твоего крещения, она заботилась так, словно все мы были ее детьми, и служила нам так, словно были мы ее родителями.

[1] 1 Тим 5, 9–10.

X

23. Уже навис день исхода ее из этой жизни; этот день знал Ты, мы о нем не ведали. Случилось — думаю, тайной Твоей заботой, — что мы с ней остались вдвоем; опершись на подоконник, смотрели мы из окна на внутренний садик того дома, где жили в Остии. Усталые от долгого путешествия, наконец в одиночестве, набирались мы сил для плавания. Мы сладостно беседовали вдвоем и, «забывая прошлое, устремлялись к тому, что перед нами»[1], спрашивали друг друга, пред лицом Истины — а это Ты, — какова будущая вечная жизнь святых, — «не видел того глаз, не слышало ухо и не приходило то на сердце человеку»[2], — но устами сердца жаждали мы приникнуть к струям Твоего Небесного источника, «Источника жизни, который у Тебя»[3], чтобы, обрызганные его водой, в меру нашего постижения, могли бы как-нибудь обнять мыслью ее величие.

24. Когда в беседе нашей пришли мы к тому, что любое удовольствие, доставляемое телесными чувствами, осиянное любым земным светом, не достойно не только сравнения с радостями

[1] Флп 3, 13.
[2] 1 Кор 2, 9.
[3] Пс 35, 10.

той жизни, но даже упоминания рядом с ними, то, возносясь к Нему Самому сердцем, все более разгоравшимся, мы перебрали одно за другим все создания Его и дошли до самого неба, откуда светят на землю солнце, луна и звезды. И, войдя в себя, думая и говоря о творениях Твоих и удивляясь им, пришли мы к душе нашей и вышли из нее, чтобы достичь страны неиссякаемой полноты, где Ты вечно питаешь Израиля пищей истины, где жизнь есть та мудрость, через Которую возникло всё, что есть, что было и что будет. Сама она не возникает, а остается такой, какова есть, какой была и какой всегда будет. Вернее: для нее нет «была» и «будет», а только одно «есть», ибо она вечна, вечность же не знает «было» и «будет». И пока мы говорили о ней и жаждали ее, мы чуть прикоснулись к ней всем трепетом нашего сердца. И вздохнули и оставили там «начатки духа»[1] и вернулись к скрипу нашего языка, к словам, возникающим и исчезающим. Что подобно Слову Твоему, Господу нашему, пребывающему в Себе, нестареющему и всё обновляющему!

25. Мы говорили: «Если в ком умолкнет волнение плоти, умолкнут представления о земле, водах и воздухе, умолкнет и небо, умолкнет

[1] Рим 8, 23.

и сама душа и выйдет из себя, о себе не думая, умолкнут сны и воображаемые откровения, всякий язык, всякий знак и всё, что проходит и возникает, если наступит полное молчание (если слушать, то они все говорят: «Не сами мы себя создали; нас создал Тот, Кто пребывает вечно»), если они, сказав это, замолкнут, обратив слух к Тому, Кто их создал, и заговорит Он Сам, один — не через них, а прямо от Себя, да услышим слово Его, не из плотских уст, не в голосе ангельском, не в грохоте бури, не в загадках и подобиях, но Его Самого, Которого любим в созданиях Его; да услышим Его Самого — без них, — как сейчас, когда мы вышли из себя и быстрой мыслью прикоснулись к Вечной Мудрости, над всем пребывающей; если такое состояние могло бы продолжиться, а все низшие образы исчезнуть, и она одна восхитила бы, поглотила и погрузила в глубокую радость своего созерцателя — если вечная жизнь такова, какой была эта минута постижения, о котором мы вздыхали, то разве это не то, о чем сказано: «Войди в радость господина твоего»[1]? Когда это будет? не тогда ли, когда «все воскреснем, но не все изменимся»[2]?

[1] Мф 25, 21.
[2] Ср. 1 Кор 15, 52.

26. Я говорил это, если и не так и не этими словами, то Ты знаешь, Господи, что в тот день, когда мы беседовали, ничтожен за этой беседой показался нам этот мир со всеми его наслаждениями, и мать сказала мне: «Сын! что до меня, то в этой жизни мне уже всё не в сладость. Я не знаю, что мне здесь еще делать и зачем здесь быть; с мирскими надеждами у меня здесь покончено. Было только одно, почему я хотела еще задержаться в этой жизни: раньше, чем умереть, увидеть тебя православным христианином. Господь одарил меня полнее: дал увидеть тебя Его рабом, презревшим земное счастье. Что мне здесь делать?».

XI

27. Не помню, что я ей ответил, но не прошло и пяти дней или немногим больше, как она слегла в лихорадке. Во время болезни она в какой-то день впала в обморочное состояние и потеряла на короткое время сознание. Мы прибежали, но она скоро пришла в себя, увидела меня и брата, стоявших тут же, и сказала, словно ища что-то: «Где я была?». Затем, видя нашу глубокую скорбь, сказала: «Здесь похороните вы мать вашу». Я молчал, сдерживая слезы. Брат мой что-то сказал, желая ей не такого горького конца; лучше бы ей умереть не в чужой земле,

а на родине. Услышав это, она встревожилась от таких его мыслей, устремила на него недовольный взгляд и, переводя глаза на меня, сказала: «Посмотри, что́ он говорит!», а затем обратилась к обоим: «Положите это тело где придется; не беспокойтесь о нем; прошу об одном: поминайте меня у алтаря Господня, где бы вы ни оказались». Выразив эту мысль какими она смогла словами, она умолкла, страдая от усиливавшейся болезни.

28. Я же, думая о дарах Твоих, Боже Невидимый, которые Ты вкладываешь в сердца верных Твоих — они дают дивную жатву, — радовался и благодарил Тебя: я ведь знал и помнил, как она волновалась и беспокоилась о своем погребении, всё предусмотрела и приготовила место рядом с могилой мужа. Так как они жили очень согласно, то она хотела (человеческой душе трудно отрешиться от земного) еще добавки к такому счастью: пусть бы люди вспоминали: «Вот как ей довелось: вернулась из заморского путешествия, и теперь прах обоих супругов прикрыт одним прахом». Я не знал, когда по совершенной благости Твоей стало исчезать в ее сердце это пустое желание. Я радовался и удивлялся, видя такою свою мать, хотя, правда, и в той нашей беседе у окошка, когда она сказала: «Что мне здесь делать?», не видно было, чтобы она желала умереть на родине. После уже я услышал, что, когда

мы были в Остии, она однажды доверчиво, как мать, разговорилась с моими друзьями о презрении к этой жизни и о благе смерти. Меня при этой беседе не было, они же пришли в изумление перед мужеством женщины (Ты ей дал его) и спросили, неужели ей не страшно оставить свое тело так далеко от родного города. «Ничто не далеко от Бога, — ответила она, — и нечего бояться, что при конце мира Он не вспомнит, где меня воскресить».

Итак, на девятый день болезни своей, на пятьдесят шестом году жизни своей и на тридцать третьем моей, эта верующая и благочестивая душа разрешилась от тела.

XII

29. Я закрыл ей глаза, и великая печаль влилась в сердце мое и захотела излиться в слезах. Властным велением души заставил я глаза свои вобрать в себя этот источник и остаться совершенно сухими. И было мне в этой борьбе очень плохо. Когда мать испустила дух, Адеодат, дитя, жалобно зарыдал, но все мы заставили его замолчать. И таким же образом что-то детское во мне, стремившееся излиться в рыданиях этим юным голосом, голосом сердца, было сдержано и умолкло. Мы считали, что не подобает отмечать

эту кончину слезными жалобами и стенаниями: ими ведь обычно оплакивают горькую долю умерших и как бы полное их исчезновение. А для нее смерть не была горька, да вообще для нее и не было смерти. Об этом непреложно свидетельствовали и ее нравы, и «вера нелицемерная»[1].

30. Что же так тяжко болело внутри меня? Свежая рана оттого, что внезапно оборвалась привычная, такая сладостная и милая совместная жизнь? Мне отрадно было вспомнить, что в этой последней болезни, ласково благодаря меня за мои услуги, называла она меня добрым сыном и с большой любовью вспоминала, что никогда не слышала она от меня брошенного ей грубого или оскорбительного слова. А разве, Боже мой, Творец наш, разве можно сравнивать мое почтение к ней с ее служением мне? Лишился я в ней великой утешительницы, ранена была душа моя, и словно разодрана жизнь, ставшая единой; ее жизнь и моя слились ведь в одно.

31. Мы удержали мальчика от плача; Эводий взял Псалтирь и запел псалом, который мы подхватили всем домом: «Милосердие и правду Твою воспою Тебе, Господи»[2]; услышав, что происходит, сошлось много братьев и верующих

[1] 1 Тим 1, 5.
[2] Пс 100, 1.

женщин. Те, на чьей это было обязанности, стали по обычаю обряжать тело; я же в стороне, где мог это делать пристойно, рассуждал с людьми, решившими меня не покидать, о том, что приличествовало этому часу, и лекарством истины пытался смягчить мои муки, Тебе ведомые, неизвестные им, внимательным слушателям моим, думавшим, что я не чувствую никакой боли. Я же в уши Твои — никто из них меня не слышал — кричал на себя за свою слабость, ставил плотину потоку моей скорби, и она будто подчинялась мне, а затем несла меня со всей своей силой, хотя я и не позволял слезам прорваться, а выражению лица измениться; но я знал, что я подавляю в сердце своем. А так как меня сильно угнетало, что меня так потрясает смерть, которая по должному порядку и по участи человеческой приходит неизбежно, то еще другой болью болел я в боли моей, томясь двойной печалью.

32. Тело было вынесено, мы пошли и вернулись без слез. При молитвах, которые излили мы Тебе, когда предложена была за нее Искупительная Жертва, и по обычаю тех мест тело до положения в гроб лежало около него, даже при этих молитвах я не заплакал. Весь день втайне тяжко скорбел я и в душевном смятении, как мог, просил Тебя исцелить боль мою. Ты не делал этого, думаю, чтобы хоть на этом одном примере

запечатлеть в памяти моей, как крепки цепи привычки даже для души, уже не питающейся ложью.

Пришло мне в голову пойти помыться (я слышал, что баням — по-гречески они называются βαλάνειον — дано такое название, потому что они изгоняют из души тоску). Исповедую и это Тебе, Отец сирых: я вымылся и остался в том же состоянии, как и до мытья. Из сердца моего не выпарилась горечь скорби. Затем я заснул, проснулся; нашел, что боль моя значительно смягчилась: я был в одиночестве на ложе своем и вспомнил правдивые слова Твоего Амвросия, ибо Ты

Всего Создатель, Господи,
Ты, Небесами правящий,
Одевший день сиянием,
Ночи́ покой дарующий:
Пусть тело отдохнувшее
Вновь за работу примется.
Вздохнет душа усталая,
Утихнет скорбь жестокая.

33. А затем постепенно вернулось прежнее чувство: вспомнил слугу Твою, ее благочестие, ее святую ласковость и снисходительность, которой вдруг лишился, и захотелось мне плакать «пред лицом Твоим» о ней и для нее, о себе и для себя. Я дал волю слезам, которые сдерживал: пусть

льются сколько угодно. Словно на мягком ложе, успокоилось в них сердце мое, ибо уши Твои слушали плач мой, его не слышал человек, который мог бы пренебрежительно истолковать его. И теперь, Господи, Тебе пишу я эту исповедь. Пусть читает кто хочет и истолковывает как хочет, и, если найдет, что я согрешил, плача краткий час над своей матерью, над матерью, временно умершей в очах моих и долгие годы плакавшей надо мной, чтобы мне жить в очах Твоих, — пусть он смеется надо мной, но если есть в нем великая любовь, пусть заплачет о грехах моих перед Тобой, Отцом всех братьев во Христе Твоем.

XIII

34. Когда сердце мое излечилось от этой раны (по поводу ее можно изобличать плотские слабости), я стал лить пред Тобой, Боже наш, за эту рабу Твою совсем другие слезы; те, которые текут, когда душа потрясена созерцанием мытарств, ожидающих всякую душу, умирающую в Адаме. И хотя, ожив во Христе, она, еще не разрешившись от тела, жила так, что прославлялось имя Твое в ее вере и нравах, я все же не осмеливаюсь сказать, что с того времени, как Ты возродил ее крещением, не вышло из ее уст ни единого слова, противного заповедям Твоим.

А сказано ведь самой Истиной, Сыном Твоим: «Если кто скажет брату своему: “глупец”, то подлежит геенне огненной»[1], и горе человеческой жизни, даже похвальной, если, отринув милосердие, Ты разберешь ее в мельчайших частях. Только потому, что Ты не расследуешь жестоко наших преступлений, мы доверчиво надеемся на какое-нибудь местечко у Тебя. Что перечисляет Тебе перечисляющий действительные заслуги свои, как не дары Твои? О, если бы люди поняли, что они только люди, «и тот, кто хвалится, да хвалится о Господе»[2].

35. Итак, «хвала моя и жизнь моя», «Боже сердца моего», забыв на короткое время о добрых делах ее, за которые в радости воздаю Тебе благодарность, теперь умоляю Тебя за грехи матери моей: услышь меня во имя Излечившего раны наши, Висевшего на древе и Сидящего одесную Тебя, «дабы ходатайствовать за нас»[3].

Я знаю, что она была милосердна и от сердца прощала «долги должникам своим»[4], прости и Ты ей грехи ее, если в чем-то погрешила она за столько лет после крещения. Прости ей,

[1] Мф 5, 22.
[2] 2 Кор 10, 17.
[3] Рим 8, 34.
[4] Ср. Мф 6, 12.

Господи, молю Тебя, прости ей, «не входи с нею в суд»[1]; «милость возносится над судом»[2]; слова Твои — истинны, и Ты обещал милость милостивым. А быть такими — это Твой дар; «и Ты, кого помиловать, помилуешь, и кого пожалеть, пожалеешь»[3].

36. Я думаю, Ты уже сделал то, о чем я прошу Тебя, но «одобри, Господи, добровольную жертву уст моих»[4]. Перед самым днем разрешения своего она ведь думала не о пышных похоронах, не домогалась, чтобы ее положили в благовония или воздвигли особый памятник, не заботилась о погребении на родине. Таких поручений она нам не оставила, а хотела только поминания у алтаря Твоего, которому служила, не пропуская ни одного дня, ибо знала, что там подается Святая Жертва, которой «уничтожено рукописание, бывшее против нас»[5] и одержана победа над врагом. Он считает проступки наши; ищет, в чем бы обвинить, и ничего не находит в Том, в Ком мы победили. Кто вернет Ему кровь невинную? Кто заплатит цену, которой Он нас купил, чтобы отобрать от врага?

[1] Пс 142, 2.
[2] Иак 2, 13.
[3] Исх 33, 19.
[4] Пс 118, 108.
[5] Кол 2, 14.

К этому Искупительному Таинству прикрепилась верой душа слуги Твоего. Да не отторгнет ее никто из-под Твоего покрова. Да не проберется силой или хитростью лев или змей: она не скажет, что ничего им не должна, боясь, как бы не уличил и не схватил ее лукавый обвинитель, но ответит, что отпущены ей грехи Тем, Кому никто не отдаст за то, что Он отдал нам, не будучи нам должен.

37. Да пребудет она в мире со своим мужем, до которого и после которого ни за кем не была замужем, которому служила, «принося плод в терпении»[1], чтобы приобрести его Тебе. И внуши, Господи Боже мой, внуши рабам Твоим, братьям моим, сынам Твоим, господам моим, которым служу словом, сердцем и письмом, чтобы всякий раз, читая это, поминали они у алтаря Твоего Монику, слугу Твою, вместе с Патрицием, некогда супругом ее, через плоть которых ввел Ты меня в эту жизнь, а как, я не знаю. Пусть с любовью помянут они их, родителей моих, на этом преходящем свете, и моих братьев в Тебе, Отец пребывающих в Православной Церкви, моих сограждан в Вечном Иерусалиме, о котором вздыхает в странствии своем, с начала его и до окончания, народ Твой. И пусть молитвами многих

[1] Лк 8, 15.

полнее будет исполнена последняя ее просьба ко мне — через мою исповедь, а не только через одни мои молитвы.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

I

1. «Да узнаю Тебя — Ты меня знаешь, — да узнаю Тебя так, как Ты знаешь меня»[1]. Сила души моей, вниди в нее, согласуй с собой, да пребудет она Твоим достоянием «без пятна и морщины»[2]. В этом надежда моя, потому об этом и говорю и этой надеждой радуюсь[3], если радуюсь здравой радостью. Остальные блага жизни сто́ят тем меньше слез, чем больше о них плачут, и сто́ят тем больше слез, чем меньше о них плачут. «Ты же возлюбил правду»[4], и тот, «кто творит правду, приходит к свету»[5]. Я хочу творить правду

[1] Ср. 1 Кор 13, 12.
[2] Еф 5, 27.
[3] Ср. Рим 12, 12.
[4] Пс 50, 8.
[5] Ин 3, 21.

в сердце моем пред лицом Твоим в исповеди и в писании моем пред лицом многих свидетелей.

II

2. Что могло бы укрыться во мне от Тебя, Господи, если бы я и не захотел исповедаться Тебе, «очам Которого обнажена бездна человеческой совести»[1]? Ты скрылся бы от меня, не я от Тебя. А теперь, когда стенания мои свидетельствуют, что стал я сам себе неугоден, Ты, свет и услада моя, Ты позволяешь любить Тебя и тосковать о Тебе: да покраснею от стыда и отброшу себя, да изберу Тебя и только по Твоей благости стану угоден Тебе и себе. Каков бы я ни был, я весь перед Тобою, Господи. И я сказал, какого плода ожидаю я от своей исповеди Тебе, принесенной не голосом плоти и ее словами, а словами души и воплем размышлений, который слышало ухо Твое. Когда я плох, то вот вся моя исповедь Тебе: я сам себе неугоден; когда я хорош, то вот вся моя исповедь Тебе: я не себе приписываю это, ибо Ты, Господи, «благословляешь праведного»[2], но еще раньше его грешника Ты делаешь

[1] Евр 4, 13.
[2] Пс 5, 13.

праведным. Исповедь моя свершается пред лицом Твоим, Боже мой, молчаливо и немолчно. Молчит язык мой, и вопиет сердце. Нет ни одного верного слова, которое я бы сказал людям и которого Ты не услышал бы раньше от меня, и ничего верного не слышишь Ты от меня, чего раньше Ты не сказал бы мне.

III

3. Что же мне до людей и зачем слышать им исповедь мою, будто они сами излечат недуги мои? Эта порода ретива разузнавать про чужую жизнь и ленива исправлять свою. Зачем ищут услышать от меня, каков я, те, кто не желает услышать от Тебя, каковы они? И откуда те, кто слышит от меня самого обо мне самом, узнают, правду ли я говорю, когда ни один человек не знает, что «делается в человеке, кроме Духа человеческого, живущего в нем»[1]? Если же они услышат о самих себе от Тебя, они не смогут сказать: «Господь лжет». А услышать от Тебя о себе — не значит ли узнать себя? А разве не солжет тот, кто, узнав себя, скажет: «Это неправда»? Но так как «любовь всему верит»[2], по крайней

[1] 1 Кор 2, 11.
[2] 1 Кор 13, 7.

мере среди тех, кого она связала воедино, то я, Господи, исповедуюсь Тебе так, чтобы слышали люди, которым я не могу доказать, правдива ли исповедь моя; мне, однако, верят те, чьи уши открыла для меня любовь.

4. Изъясни же мне, Врачеватель души моей, ради чего я это делаю. Исповедь моих прошедших грехов (Ты отпустил и покрыл их, чтобы я был счастлив в Тебе; Ты изменил душу мою верой и Таинством), эта исповедь будит тех, кто ее читает и слушает; она не дает сердцу застыть в отчаянии и сказать: «я не могу»; заставляет бодрствовать, полагаясь на милосердие Твое и благодать Твою, которой силен всякий немощный, осознавший через нее немощь свою. Хорошие люди с удовольствием слушают о бедах, пережитых другими, и радуются не бедам, а тому, что они были, а теперь их нет. Какой же пользы ради, Господи, Кому ежедневно исповедуется совесть моя, в надежде больше на милосердие Твое, чем на свою невинность, какой пользы ради, спрашиваю я, исповедоваться мне в этих писаниях пред лицом Твоим еще и людям, рассказывая, каков я сейчас, а не каков был прежде? Пользу от исповеди в прежнем я увидел и о ней сказал. Многие, однако, кто меня знает и кто меня не знает, но слышал что-то от меня или обо мне, желают знать, каков я сейчас, вот в это

самое время, когда я пишу исповедь свою. Ухом своим они не могут приникнуть к моему сердцу, где я таков, каков есть. Поэтому они и хотят услышать мою исповедь о внутреннем, недоступном ни глазу их, ни уху, ни уму; они хотят мне верить, иначе разве узнают они меня? Любовь, которая делает их хорошими людьми, говорит им, что я не солгу в своей исповеди, и в них она сама верит мне.

IV

5. Но какой пользы ради хотят они этого? Желают ли поздравить меня, услышав, насколько я приблизился к Тебе по благости Твоей, и помолиться за меня, услышав, насколько я замешкался под бременем своим? Я покажу себя таким людям. Не малая уже польза в том, Господи Боже мой, что «многие вознесут Тебе благодарность за нас»[1] и многие попросят Тебя за нас. Да полюбит во мне братская душа то, что Ты учишь любить, и поскорбит о том, о чем Ты учишь скорбеть. Пусть почувствует это душа братская, не посторонняя, не «душа сынов чужих, чьи уста изрекают ложь, чья десница — десница

[1] 2 Кор 1, 11.

неправды»[1], а душа брата, который, одобряя меня, за меня радуется, а порицая, за меня огорчается, ибо одобряет ли он меня, порицает ли, — он меня любит. Я покажу себя таким людям: пусть радуются о добром во мне, сокрушаются о злом. Доброе во мне устроено Тобою, это дар Твой; злое во мне — от проступков моих, осужденных Тобою. Пусть взирают на одно с радостью, а на другое с сокрушением, пусть из братских сердец, как из кадильниц, возносятся пред лицо Твое гимны и рыдания. Ты же, Господи, услаждаясь ароматом святого храма Твоего, «умилосердись надо мною по великому милосердию Твоему ради имени Твоего»[2], и так как Ты никогда не оставляешь начинаний Своих, то уничтожь до конца несовершенство мое.

6. Вот в чем польза от исповеди моей, не в повести о том, каким я был, а каков я сейчас: да исповедаю я это не только пред Тобой в тайном «ликовании и трепете»[3], в тайной скорби и надежде, но и перед верующими сынами человеческими; они участвуют в радости моей и делят смертную долю мою; они мои сограждане и спутники в земном странствии, все равно,

[1] Пс 143, 7–8.
[2] Пс 50, 3.
[3] Пс 2, 11.

предшествовали они мне, последуют ли за мною или сопровождают меня в моей жизни. Это рабы Твои, братья мои, которых Ты захотел сделать сыновьями Своими и моими господами, служить которым приказал мне, если я хочу жить с Тобой и в Тебе. Если бы Сын Твой наставлял только словами, этого было бы мало, но Он указал путь Своими делами. И я иду по нему, действуя словом и делом, действуя «под кровом крыл Твоих»[1], и в опасности великой находился бы я, не укройся душа моя под крылами Твоими и не будь Тебе известна немощь моя. Я малое дитя, но вечно жив Отец мой и надежен Хранитель мой; он родил меня и хранит меня. В Тебе все мои блага. Ты всемогущ. Ты всегда был со мной, был еще до того, как я пришел к Тебе. И я расскажу тем людям, которым я служу по повелению Твоему, не о том, каким я был, но каков уже я и каков еще до сих пор. Но «я не сужу о себе сам»[2]: пусть, памятуя это, меня и слушают.

V

7. Ты, Господи, судишь меня, ибо «ни один человек не знает, что есть в человеке, кроме духа

[1] Пс 16, 8.
[2] 1 Кор 4, 3.

человеческого, живущего в нем»[1]. Есть, однако, в человеке нечто, чего не знает сам дух человеческий, живущий в человеке, Ты же, Господи, создавший его, знаешь всё, что в нем. И хотя я ничтожен пред лицом Твоим и считаю себя «прахом и пеплом», но я знаю о Тебе нечто, чего о себе не знаю. Мы видим, конечно, «сейчас в зеркале нечто загадочное», а не «лицом к лицу»[2], и поэтому, пока я странствую вдали от Тебя, я ближе к себе, чем к Тебе, но, однако, я знаю, что над Тобой нельзя совершить насилия, а каким искушениям я смогу противостоять и каким нет, — этого я не знаю. Есть только надежда, что «Ты верен» и потому не допустишь «быть искушаемым сверх сил»; «дабы могли мы выдержать»[3]. Ты, искушая, в то же время указываешь выход из искушения. Итак, я исповедуюсь и в том, что о себе знаю; исповедуюсь и в том, чего о себе не знаю, ибо то, что я о себе знаю, я знаю, озаренный Твоим светом, а то, чего о себе не знаю, я не буду знать до тех пор, пока «потемки мои» не станут «как полдень»[4] пред лицом Твоим.

[1] 1 Кор 2, 11.
[2] 1 Кор 13, 12.
[3] 1 Кор 10, 13.
[4] Ис 58, 10.

VI

8. Ясно сознаю я, Господи, что люблю Тебя: тут сомнений нет. Ты поразил сердце мое словом Твоим, и я полюбил Тебя; и небо, и земля, и всё, что на них, — вот они со всех сторон твердят мне, чтобы я любил Тебя, и не перестают твердить об этом всем людям, «дабы оказались они неизвинительны»[1]. Ты глубже «пожалеешь того, над кем сжалишься, и окажешь милосердие тому, над кем умилосердишься»[2] — иначе глухим возглашали бы и небо и земля хвалы Твои. Что же, любя Тебя, люблю я? Не телесную красоту, не временную прелесть, не сияние вот этого света, столь милого для глаз, не сладкие мелодии всяких песен, не благоухание цветов, мазей и курений, не манну и мед, не члены, приятные земным объятиям, — не это люблю я, любя Бога моего. И, однако, я люблю некий свет и некий голос, некий аромат и некую пищу, и некие объятия — когда люблю Бога моего; это свет, голос, аромат, пища, объятия внутреннего моего человека — там, где душе моей сияет свет, который не ограничен пространством, где звучит голос, который время не заставит умолкнуть, где разлит

[1] Рим 1, 20.
[2] Исх 33, 19.

аромат, который не развеет ветром, где пища не теряет вкуса при сытости, где объятия не размыкаются от пресыщения. Вот что люблю я, любя Бога моего.

9. А что же такое этот Бог? Я спросил землю, и она сказала: «Это не я»; и всё, живущее на ней, исповедало то же. Я спросил море, бездны и пресмыкающихся, живущих там, и они ответили: «Мы не Бог твой; ищи над нами». Я спросил у веющих ветров, и всё воздушное пространство с обитателями своими заговорило: «Ошибается Анаксимен[1]: я не Бог». Я спрашивал небо, солнце, луну и звезды: «Мы не Бог, Которого ты ищешь», — говорили они. И я сказал всему, что обступает двери плоти моей: «Скажите мне о Боге моем — вы ведь не Бог, — скажите мне что-нибудь о Нем». И они вскричали громким голосом: «Творец наш, вот Кто Он». Мое созерцание было моим вопросом; их ответом — их красота.

Тогда я обратился к себе и сказал: «Ты кто?». И ответил: «Человек». Вот у меня тело и душа, готовые служить мне; одно находится во внешнем мире, другая внутри меня. У кого из них спрашивать мне о Боге моем, о Котором я уже спрашивал своими внешними чувствами, начиная с земли

[1] Анаксимен — философ Милетской школы (VI в. до Р.Х.). Считал воздух началом вещей.

и до самого неба, куда только мог послать за вестями лучи глаз своих? Лучше, конечно, то, что внутри меня. Все телесные вестники возвестили душе моей, судье и председательнице, об ответах неба, земли и всего, что на них; они гласили: «Мы не боги; Творец наш, вот Он». Внутреннему человеку сообщил об этом состоящий у него в услужении внешний; я, внутренний, узнал об этом, — я, я душа, через свои телесные чувства. Я спросил всю вселенную о Боге моем, и она ответила мне: «Я не Бог; Творец наш, вот Кто Он».

10. Неужели всем, у кого внешние чувства здоровы, не видна эта красота? Почему же не всем говорит она об одном и том же? Животные, и крохотные и огромные, видят ее, но не могут ее спросить: над чувствами-вестниками не поставлено у них судьи — обсуждающего разума. Люди же могут спросить, чтобы «невидимое Божие через творения было понятно и узрено»[1]. Привязавшись, однако, к миру созданному, они подчиняются ему, а подчинившись, уже не могут рассуждать. Мир же созданный отвечает на вопросы только рассуждающим: он не изменяет своего голоса, то есть своей красоты, и не является в разном облике тому, кто только его видит, и тому, кто видит и спрашивает; являясь, однако,

[1] Рим 1, 20.

в одинаковом виде обоим, он нем перед одним и говорит другому; вернее, он говорит всем, но этот голос внешнего мира понимают только те, кто, услышав его, сравнивают его с истиной, живущей в них. Истина же эта говорит мне: «Бог твой не небо, не земля и не любое тело». Их природа говорит об этом видящему; она предстает, как глыба меньшая в части своей, чем в целом. И ты, душа, говорю это тебе, ты лучше, ибо ты оживляешь глыбу тела, в котором живешь, и сообщаешь ему жизнь: ни одно тело не может этого доставить телу. Бог же твой еще больше для тебя: Он Жизнь жизни твоей.

VII

11. Итак, что же я люблю, любя Бога? Кто Он, пребывающий над вершинами души моей? Этой душой моей поднимусь к Нему. Я пропускаю ту силу, которая соединяет меня с телом и наполняет жизнью его состав. Не эта сила поможет мне найти Бога моего, иначе Его нашли бы и лошадь и мул, у которых нет разума, но есть эта самая сила, оживляющая и их тела. Есть другая сила, которой я оживляю не только мою плоть, но и сообщаю ей чувствительность. Ее создал Господь, повелев глазу не слышать, но видеть, а уху не видеть, но слышать, определив каждому

чувству в отдельности его место и его обязанности: разное выполняю я с их помощью, оставаясь единым, я — разум. Пропускаю и эту силу мою; и она есть у лошади и мула: и у них тело обладает внешними чувствами.

VIII

12. Итак, пропускаю и эту силу в природе моей; постепенно поднимаясь к Тому, Кто создал меня, прихожу к равнинам и обширным дворцам памяти, где находятся сокровищницы, куда свезены бесчисленные образы всего, что было воспринято. Там же сложены и все наши мысли, преувеличившие, преуменьшившие и вообще как-то изменившие то, о чем сообщили наши внешние чувства. Туда передано и там спрятано всё, что забвением еще не поглощено и не погребено. Находясь там, я требую показать мне то, что я хочу; одно появляется тотчас же, другое приходится искать дольше, словно откапывая из каких-то тайников; что-то вырывается целой толпой и, вместо того, что ты ищешь и просишь, выскакивает вперед, словно говоря: «Может, это нас?». Я мысленно гоню их прочь, и наконец то, что мне нужно, проясняется и выходит из своих скрытых убежищ. Кое-что возникает легко и проходит в стройном порядке, который и требовался: идущее впереди

уступает место следующему сзади и, уступив, скрывается, чтобы выступить вновь, когда я того пожелаю. Именно так и происходит, когда я рассказываю о чем-либо по памяти.

13. Там раздельно и по родам сохраняется всё, что внесли внешние чувства, каждое своим путем: глаза сообщили о свете, о всех красках и формах тел, уши — о всевозможных звуках; о всех запахах — ноздри; о всех вкусах — рот; всё тело в силу своей общей чувствительности — о том, что твердо или мягко, что горячо или холодно, гладко или шероховато, тяжело или легко, находится вне или в самом теле. Всё это память принимает для последующей, если она потребуется, переработки и обдумывания, в свои обширные кладовые и еще в какие-то укромные, неописуемые закоулки: для всего имеется собственный вход и всё там складывается.

Входят, однако, не сами чувственные предметы, а образы их, сразу же предстающие перед умственным взором того, кто о них вспомнил. Кто скажет, как они образовались, хотя и ясно, каким чувством они схвачены и спрятаны внутри?

Пусть я живу в темноте и безмолвии, но, если захочу, я могу вызвать в памяти краски, различу белое от черного, да и любые цвета один от другого. Тут же находятся и звуки, но они не вторгаются и не вносят путаницы в созерцаемые

мной зрительные образы: они словно спрятаны и отложены в сторону. Я могу, если мне угодно, вытребовать и их, и они тут как тут: язык мой в покое, горло молчит, а я пою сколько хочется, и зрительные образы, которые, однако, никуда не делись, не вмешиваются и ничего не нарушают, пока я перебираю другую сокровищницу, собранную слухом. Таким же образом вспоминаю я, когда мне захочется, то, что внесено и собрано другими моими чувствами; отличаю, ничего не обоняя, запах лилий от запаха фиалок; предпочитаю мед виноградному соку и мягкое жесткому, ничего при этом не отведывая и ничего не ощупывая, а только вспоминая.

14. Всё это происходит во мне, в огромных палатах моей памяти. Там в моем распоряжении небо, земля, море и всё, что я смог воспринять чувством, — всё, кроме мной забытого. Там встречаюсь я и сам с собой и вспоминаю, что я делал, когда, где и что чувствовал в то время, как это делал. Там находится всё, что я помню из проверенного собственным опытом и принятого на веру от других. Пользуясь этим же богатством, я создаю по сходству с тем, что проверено моим опытом, и с тем, чему я поверил на основании чужого опыта, то одни, то другие образы; я вплетаю их в прошлое; из них тку ткань будущего: поступки, события, надежды —

всё это я вновь и вновь обдумываю как настоящее. «Я сделаю то-то и то-то», — говорю я себе в уме моем, этом огромном вместилище, полном стольких великих образов, — за этим следует вывод: «О если бы случилось то-то и то-то!». «Да отвратит Господь то-то и то-то», — говорю себе, и, когда говорю, тут же предстают передо мной образы всего, о чем говорю, извлеченные из той же сокровищницы памяти. Не будь их там, я не мог бы вообще ничего сказать.

15. Велика она, эта сила памяти, Господи, слишком велика! Это святилище величины беспредельной. Кто исследует его глубины! И, однако, это сила моего ума, она свойственна моей природе, но я сам не могу полностью вместить себя. Ум тесен, чтобы овладеть собой же. Где же находится то свое, чего он не вмещает? Ужели вне его, а не в нем самом? Каким же образом он не вмещает этого? Великое изумление всё это вызывает во мне, оцепенение охватывает меня.

И люди идут дивиться горным высотам, морским валам, речным просторам, океану, объемлющему землю, круговращению звезд, — а себя самих оставляют в стороне! Их не удивляет, что, говоря обо всем этом, я не вижу этого перед собой, но я не мог бы об этом говорить, если бы не видел в себе, в памяти своей, и гор, и волн, и рек, и звезд (это я видел наяву), и океана, о котором

слышал, во всей огромности их, словно я вижу их въявь перед собой. И, однако, не их поглотил я, глядя на них своими глазами; не они сами во мне, а только образы их, и я знаю, что и каким телесным чувством запечатлено во мне.

IX

16. Не только это содержит в себе огромное вместилище моей памяти. Там находятся все сведения, полученные при изучении свободных наук и еще не забытые; они словно засунуты куда-то внутрь, в какое-то место, которое не является местом: я несу в себе не образы их, а сами предметы. Все мои знания о грамматике, о диалектике, о разных видах вопросов живут в моей памяти, причем ею удержан не образ предмета, оставшегося вне меня, а самый предмет. Это не отзвучало и не исчезло, как голос, оставивший в ушах свой след и будто вновь звучащий, хотя он и не звучит; как запах, который, проносясь и тая в воздухе, действует на обоняние и передает памяти свой образ, который мы восстанавливаем и в воспоминании; как пища, которая, конечно, в желудке теряет свой вкус, но в памяти остается вкусной; как вообще нечто, что ощущается на ощупь и что представляется памяти, находясь даже вдали от нас. Не самые эти явления

впускает к себе память, а только с изумительной быстротой овладевает их образами, раскладывает по удивительным кладовкам, а воспоминание удивительным образом их вынимает.

X

17. В самом деле, когда я слышу, что вопросы бывают трех видов: существует ли такой-то предмет? что он собой представляет? каковы его качества? — то я получаю образы звуков, из которых составлены эти слова, и знаю, что эти звуки прошуршат в воздухе и исчезнут. Мысли же, которые обозначаются этими звуками, я не мог воспринять ни одним своим телесным чувством и нигде не мог увидеть, кроме как в своем уме; в памяти я спрятал не образы этих мыслей, а сами мысли. Откуда они вошли в меня? Пусть объяснит кто может. Я обхожу все двери моей плоти и не нахожу, через какую они могли проникнуть. Глаза говорят: «Если у них есть цвет, то возвестили о них мы». Уши говорят: «Если они звучат, то о них доложили мы». Ноздри говорят: «Если они пахнут, то они прошли через нас». Чувство вкуса говорит: «Если у них нет вкуса, то нечего меня и спрашивать». Осязание говорит: «Если они бестелесны, то нельзя их ощупать, а если нельзя ощупать, то не могу я о них и доложить». Откуда же и каким

путем вошли они в память мою? Не знаю. Я усвоил эти сведения, доверяясь не чужому разуму, но, проверив собственным, признал правильными и отдал ему как бы на хранение, чтобы взять по желанию. Они, следовательно, были там и до того, как я их усвоил, но в памяти моей их не было. Где же были они и почему, когда мне о них заговорили, я их узнал и сказал: «Это так, это правильно»? Единственное объяснение: они уже были в моей памяти, но были словно запрятаны и засунуты в самых отдаленных ее пещерах, так что, пожалуй, я и не смог бы о них подумать, если бы кто-то не побудил меня их откопать.

XI

18. Итак, мы находим следующее: познакомиться с тем, о чем мы узнаем не через образы, доставляемые органами чувств, а без образов, через внутреннее созерцание, представляющее нам созерцаемое в подлинном виде, — это значит не что иное, как подумать и как бы собрать то, что содержала память разбросанно и в беспорядке, и внимательно расставить спрятанное в ней, но заброшенное и раскиданное, расставить так, чтобы оно находилось в самой памяти как бы под рукой и легко появлялось при обычном усилии ума.

Сколько хранит моя память уже известного и, как я сказал, лежащего под рукой, о чем говорится: «Мы это изучили и знаем». Если я перестану в течение малого промежутка времени перебирать в памяти эти сведения, они вновь уйдут вглубь и словно соскользнут в укромные тайники. Их придется опять как нечто новое извлекать мысленно оттуда — нигде в другом месте их нет, — чтобы с ними познакомиться, вновь свести вместе, то есть собрать как что-то рассыпавшееся. Отсюда и слово cogitare. Cogo и cogito находятся между собой в таком же соотношении, как ago и agito, facio и factito[1]. Ум овладел таким глаголом, как собственно ему принадлежащим, потому что не где-то, а именно в уме происходит процесс собирания, то есть сведе́ния вместе, а это и называется в собственном смысле «обдумыванием».

XII

19. В памяти содержатся также бесчисленные соотношения и законы, касающиеся чисел и пространственных величин; их не могло сообщить нам ни одно телесное чувство, ибо они не имеют ни цвета, ни запаха, ни вкуса, не издают

[1] Августин производит «cogito» (думать) от «cogo» (собирать).

звуков и не могут быть ощупаны. Я слышу звук слов, которыми их обозначают, о них рассуждая, но слова эти одно, а предмет рассуждений — совсем другое. Слова звучат иначе по-гречески, иначе по-латыни, самый же предмет существует независимо от греческого, латинского и любого другого языка.

Я видел линии, проведенные рукой мастеров, иногда настолько тонкие, что они походили на паутину, но линии в моей памяти это нечто иное, это не образы тех, о которых мне сообщило телесное зрение; их знаешь, не связывая в мыслях ни с каким телом, и узнаешь, уйдя в себя. Я узнал с помощью всех телесных чувств числа, которые мы называем, считая предметы; но числа, которыми исчисляем, это совсем другое; они не суть образы первых и потому существуют действительно. Пусть посмеется над моими словами тот, кто этого не видит, а я пожалею его за этот смех.

XIII

20. Всё это я держу в памяти, и как этому выучился, держу в памяти. Множество ошибочнейших возражений на это я слышал и держу их в памяти, и хотя они ошибочны, но то, что я их запомнил, в этом я не ошибаюсь. Я провел границу между правильным и ошибочными

противоречиями правильному. И это я помню, но вижу теперь, что провести эту границу — одно, а помнить, что я часто ее проводил, часто об этом размышляя, — это другое. Итак, с одной стороны, я помню, что часто приходили мне в голову эти соображения, с другой же, то, что я сейчас различаю и понимаю, я складываю в памяти, чтобы потом вспомнить о том, что сегодня я это понимал. И я помню, что я помнил, и если потом вспомню, что мог сегодня это припомнить, то вспомню об этом, конечно, пользуясь силой моей памяти.

XIV

21. И мои душевные состояния хранит та же память, только не в том виде, в каком их когда-то переживала душа, а в другом, совсем разном и соответствующем силе памяти. Я вспоминаю, не радуясь сейчас, что когда-то радовался; привожу на память прошлую печаль, сейчас не печалясь; не испытывая страха, представляю себе, как некогда боялся, и бесстрастно припоминаю свою былую страсть. Бывает и наоборот: бывшую печаль вспоминаю я радостно, а радость — с печалью. Нечего было бы удивляться, если бы речь шла о теле, но ведь душа — одно, а тело — другое. Если я весело вспоминаю о прошедшей телесной боли, это не так удивительно. Но ведь

память и есть душа, ум; когда мы даем какое-либо поручение, которое следует держать в памяти, мы говорим: «Смотри, держи это в уме»; забыв, говорим: «Не было в уме»; «Из ума вон» — мы, следовательно, называем память душой, умом, а раз это так, то что же это такое? Когда я, радуясь, вспоминаю свою прошлую печаль, в душе моей живет радость, а в памяти печаль: душа радуется, оттого что в ней радость, память же оттого, что в ней печаль, не опечалена. Или память не имеет отношения к душе? Кто осмелился бы это сказать! Нет, память — это как бы желудок души, а радость и печаль — это пища, сладкая и горькая: вверенные памяти, они как бы переправлены в желудок, где могут лежать, но сохранить вкус не могут. Это уподобление может показаться смешным, но некоторое сходство тут есть.

22. И вот из памяти своей извлекаю я сведения о четырех чувствах, волнующих душу: это страсть, радость, страх и печаль. Все мои рассуждения о них, деления каждого на виды, соответствующие его роду, и определения их, — всё, что об этом можно сказать, я нахожу в памяти и оттуда извлекаю, причем ни одно из этих волнующих чувств при воспоминании о нем меня волновать не будет. Еще до того, как я стал вспоминать их и вновь пересматривать, они были в памяти, потому и можно было их извлечь воспоминанием.

Может быть, как пища поднимается из желудка при жвачке, так и воспоминание поднимает эти чувства из памяти. Почему же рассуждающий о них, то есть их вспоминающий, не чувствует сладкого привкуса радости или горького привкуса печали? Не в том ли несходство, что нет полного сходства? Кто бы по доброй воле стал говорить об этих чувствах, если бы всякий раз при упоминании печали или страха нам приходилось грустить или бояться? И, однако, мы не могли бы говорить о них, не найди мы в памяти своей не только их названий, соответствующих образам, запечатленным телесными чувствами, но и знакомства с этими самыми чувствами, которое мы не могли получить ни через одни телесные двери. Душа, по опыту знакомая со своими страстями, передала это знание памяти, или сама память удержала его без всякой передачи.

XV

23. С помощью образов или без них? Кто скажет! Я говорю о камне, говорю о солнце; я не воспринимаю их сейчас своими чувствами, но образы их, конечно, тут, в моей памяти. Я называю телесную боль — а ее у меня нет, ничто ведь не болит. Если бы, однако, образ ее не присутствовал в моей памяти, я не знал бы, что мне

сказать, и не сумел бы, рассуждая, провести границу между ней и наслаждением. Я говорю о телесном здоровье, будучи здоров телом, качеством этим я обладаю, но если бы образ его не находился в моей памяти, я никак не мог бы припомнить, что значит это слово. И больные не понимали бы значения слова «здоровье», если бы образ его не был удержан памятью, хотя самого здоровья у них и нет.

Я называю числа, с помощью которых мы ведем счет, — вот они в памяти моей: не образы их, а они сами. Я называю образ солнца — и он находится в моей памяти; я вспоминаю не образ образа, а самый образ, который и предстает при воспоминании о нем. Я говорю «память» и понимаю, о чем говорю. А где могу я узнать о ней, как не в самой памяти? Неужели и она видит себя с помощью образа, а не непосредственно?

XVI

24. Далее: когда я произношу «забывчивость», я также знаю, о чем говорю, но откуда мог бы я знать, что это такое, если бы об этом не помнил? Я ведь говорю не о названии, а о том, что это название обозначает; если бы я это забыл, то я не в силах был бы понять смысл самого названия. Когда я вспоминаю о памяти,

то тут в наличии сама память, непосредственно действующая, но когда я вспоминаю о забывчивости, то тут в наличии и память и забывчивость: память, которой я вспоминаю, и забывчивость, о которой я вспоминаю. Но что такое забывчивость, как не утеря памяти? Каким же образом могу я вспомнить то, при наличии чего я вообще не могу помнить? Но если мы удерживаем в памяти то, о чем вспоминаем, то, не помни мы, что такое забывчивость, мы никак не могли бы, услышав это слово, понять его смысл; о забывчивости, следовательно, помнит память: наличие ее необходимо, чтобы не забывать, и в то же время при наличии ее мы забываем. Не следует ли из этого, что не сама забывчивость присутствует в памяти, когда мы о ней вспоминаем, а только ее образ, ибо, присутствуй она сама, она заставила бы нас не вспомнить, а забыть. Кто сможет это исследовать? Кто поймет, как это происходит?

25. Да, Господи, я работаю над этим и работаю над самим собой: я стал сам для себя землей, требующей тяжкого труда и обильного пота. Мы исследуем сейчас не небесные пространства, измеряем не расстояния между звездами, спрашиваем не о том, почему земля находится в равновесии: вот я, помнящий себя, я, душа. Неудивительно, если то, что вне меня, находится от

меня далеко, но что же ближе ко мне, чем я сам? И вот я не могу понять силы моей памяти, а ведь без нее я не мог бы назвать самого себя. Что же мне сказать, если я уверен, что помню свою забывчивость? Скажу, что в памяти моей нет того, о чем я помню? Скажу, что забывчивость находится в памяти моей, чтобы я не забывал? Оба предположения совершенно нелепы. А третье? Могу ли я сказать, что при воспоминании моем о забывчивости не она сама, а только образ ее удержан моей памятью? Могу ли я это сказать, если всякий раз, когда образ чего-то запечатлевается в памяти, необходимо, чтобы это «что-то» существовало раньше, чем запечатлеется его образ. Так, я помню Карфаген, все места, где я бывал; лица людей, которых видел; то, о чем сообщали мне другие чувства, свое телесное здоровье или боль. Когда всё это было налицо, память схватила их образы, которые я могу разглядывать — они всегда тут — и перебирать в уме, вспоминая отсутствующее. Если память удерживает не самое забывчивость, а только образ ее, то, чтобы ухватить этот образ, требуется наличие самой забывчивости. А если она наличествует, то как записала она в памяти свой образ? Ведь даже то, что там уже начертано, уничтожается присутствием забывчивости. И все-таки каким-то образом — хотя это непонятно и необъяснимо —

я твердо знаю, что я помню о своей забывчивости, которая погребает то, что мы помним.

XVII

26. Велика сила памяти; не знаю, Господи, что-то внушающее ужас есть в многообразии ее бесчисленных глубин. И это моя душа, это я сам. Что же я такое, Боже мой? Какова природа моя? Жизнь пестрая, многообразная, бесконечной неизмеримости!

Широки поля моей памяти, ее бесчисленные пещеры и ущелья полны неисчислимого, бесчисленного разнообразия: вот образы всяких тел, вот подлинники, с которыми знакомят нас науки, вот какие-то отметины и заметки, оставленные душевными состояниями, — хотя душа их сейчас и не переживает, но они хранятся в памяти, ибо в памяти есть всё, что только было в душе. Я пробегаю и проношусь повсюду, проникаю даже вглубь, насколько могу, — и нигде нет предела; такова сила памяти, такова сила жизни в человеке, живущем для смерти. Что же делать мне, Боже мой, истинная Жизнь моя? Пренебрегу этой силой моей, которая называется памятью, пренебрегу ею, чтобы устремиться к Тебе, сладостный Свет мой. Что скажешь Ты мне? Я поднимаюсь к Тебе душой своей — Ты

пребываешь ведь надо мной — и пренебрегу этой силой, которая называется памятью; я хочу прикоснуться к Тебе там, где Ты доступен прикосновению, прильнуть к Тебе там, где возможно прильнуть. Память есть и у животных, и у птиц, иначе они не находили бы своих логовищ, гнезд и многого другого, им привычного; привыкнуть же они могли только благодаря памяти. Я пренебрегу памятью, чтобы прикоснуться к Тому, Кто отделил меня от четвероногих и сделал мудрее небесных птиц. Пренебрегу памятью, чтобы найти Тебя. Где? Истинно добрый, верный и сладостный, где найти Тебя? Если не найду Тебя в моей памяти, значит, я не помню Тебя. А как же я найду Тебя, если я Тебя не помню?

XVIII

27. Потеряла женщина драхму и разыскивала ее со светильником[1], если бы она не помнила о ней, она бы не нашла ее. И откуда бы она знала, найдя ее, что это та самая драхма, если бы она ее не помнила? Я помню, как я искал и находил потерянное. Я знаю, что когда я что-нибудь искал и мне говорили: «Это не то?», «А это не то?», я до тех пор отвечал «нет», пока мне не показывали

[1] Лк 15, 8.

то, что я искал. Если бы я не помнил, что это за предмет, я не мог бы его найти, потому что не узнал бы его, хотя бы мне его и показали. Так бывает всегда, когда мы ищем и находим что-то потерянное. Если какой-то предмет случайно исчез из виду, но не из памяти (любой, воспринимаемый зрением), то образ его сохраняется в памяти и его ищут, пока он не появится перед глазами. Найденное узнается по его образу, живущему в нас. Мы не говорим, что нашли потерянное, если мы его не узна́ем, а узнать мы не можем, если не помним; исчезнувшее из виду сохранилось памятью.

XIX

28. Что же? А когда сама память теряет что-то, как это случается, когда мы забываем и силимся припомнить, то где производим мы наши поиски, как не в самой памяти? И если случайно она показывает нам что-то другое, мы это отбрасываем, пока не появится именно то, что мы ищем. А когда это появилось, мы говорим: «Вот оно!». Мы не сказали бы так, не узнай мы искомого, и мы не узнали бы его, если бы о нем не помнили. Мы о нем, правда, забыли. Разве, однако, оно совсем выпало из памяти и нельзя по удержанной части найти и другую? Разве память не

чувствует, что она не может целиком развернуть то, к чему она привыкла как к целому? Ущемленная в привычном, словно охромев, не потребует ли она возвращения недостающего? Если мы видим знакомого или думаем о нем и припоминаем его забытое имя, то любое, пришедшее в голову, с этим человеком не свяжется, потому что нет привычки мысленно объединять их. Отброшены будут все имена, пока не появится то, на котором и успокоится память, пришедшая в равновесие от привычного ей сведения. А где было это имя, как не в самой памяти? Если даже нам напомнит его кто-то другой, оно все равно находилось там. Мы ведь не принимаем его на веру как нечто новое, но, вспоминая, только подтверждаем сказанное нам. Если же это имя совершенно стерлось в памяти, то тут не помогут никакие напоминания. Забыли мы его, однако, не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли. Мы не могли бы искать утерянного, если бы совершенно о нем забыли.

XX

29. Как же искать мне Тебя, Господи? Когда я ищу Тебя, Боже мой, я ищу счастливой жизни. Буду искать Тебя, чтобы жила душа моя! Душа моя живит тело, а душу мою живишь Ты.

Как же искать мне счастливую жизнь? Ее нет у меня, пока я не могу сказать: «Довольно! Вот она». А тогда следует рассказать, как я искал: по воспоминанию ли — как человек, который ее забыл, но о том, что забыл, хорошо помнит, — по стремлению ли узнать ее, неведомую: то ли я о ней никогда и не знал, то ли так о ней забыл, что и не помню, что забыл. Но разве не все хотят счастливой жизни? Никого ведь нет, кто бы не хотел ее! Где же о ней узнали, чтобы так ее хотеть? Где увидели, чтобы полюбить? Не знаю как, но мы ею, конечно, обладаем, по-разному, правда; один счастлив тогда, когда уже живет счастливой жизнью; другие счастливы надеждой на нее — последние счастливы в меньшей мере, чем те, кто счастлив на самом деле, но все же им лучше, чем тем, кто и не живет счастливой жизнью и не надеется на нее. И все-таки, не знай и они каким-то образом о ней, они бы так не хотели быть счастливыми; а что они хотят, это несомненно. Не знаю, каким образом они узнали о ней, и не знаю, какие у них о ней сведения. Я и бьюсь над вопросом: если это воспоминание, то, значит, мы все были когда-то счастливы (каждый в отдельности или в том человеке, который первым согрешил, и в котором мы все умираем, и от которого все рождаемся в скорби, — об этом я сейчас не спрашиваю), — я спрашиваю,

не живет ли в нас воспоминание о счастливой жизни? Мы не любили бы ее, если бы не знали. Мы слышали эти слова — и признаемся, что мы все, все стремимся к тому, что они обозначают; ведь не звук же слов доставляет нам удовольствие. Когда грек услышит их по-латыни, они не доставят ему никакого удовольствия, потому что он их не поймет, а нам доставят, как и ему, если их сказать по-гречески: счастливая жизнь не связана ни с Грецией, ни с Римом, но к ней жадно стремятся и греки, и римляне, и люди, говорящие на других языках. Она, следовательно, известна всем, и если бы можно было разом спросить всех: хотят ли они быть счастливы, все не колеблясь ответили бы, что хотят. Этого не могло бы быть, если бы у всех не сохранилось воспоминания о том, что обозначается словами «счастливая жизнь».

XXI

30. Такое же, как у меня о Карфагене, который я видел? Нет. Счастливую жизнь не увидишь глазом: это не тело. Такое же, как у нас о числах? Нет. Человек, знающий числа, не стремится ими обладать; мы же, зная о счастливой жизни и поэтому любя ее, хотим еще обладать ею и быть счастливы. Может быть,

так, как мы помним красноречие? Нет. Хотя, услышав это слово, и те, кто вовсе не красноречив — а тех, кто хочет стать красноречивым, множество, — вспоминают, что такое красноречие. Из этого ясно, что они о нем что-то знают: с помощью внешних чувств узнали они красноречивых людей, получили удовольствие от их речей и захотели сами стать ораторами. Они не получили бы удовольствия, не будь в них какого-то внутреннего знания о красноречии, и не захотели бы стать ораторами, не получи они от них удовольствия. О счастливой жизни, однако, мы никаким внешним чувством от других не узнаем. Может быть, вспоминаем, как вспоминаем радость? Пожалуй, да. Я вспоминаю о своей радости, даже когда я печален, как вспоминаю и о счастливой жизни, когда горюю. Никогда не сообщали мне о моей радости внешние чувства: я не видел ее, не слышал, не обонял, не пробовал на вкус и не ощупывал. Я узнал ее, когда радовался, в душе своей, и память закрепила это знание. Я могу вспоминать об этой радости, иногда ее презирая, иногда о ней тоскуя — в зависимости от разницы между тем, чем я, помню, радовался. Меня ведь заливала радость и от поступков мерзких, о которых я сейчас вспоминаю с отвращением и проклятиями; иногда я радовался доброму и чистому, и я вспоминаю

об этом с тоской; это в прошлом, и я печально вспоминаю прежнюю радость.

31. Где же и когда знал я свою счастливую жизнь, чтобы вспоминать о ней, любить ее и тосковать о ней? И не только я один или вместе с немногими; решительно все мы хотим быть счастливы. Если бы мы определенно не знали о ней, мы бы так определенно и не хотели ее. Что же это такое? Что это? Если спросить у двух человек, хотят ли они служить на военной службе, то, возможно, один ответил бы «да», а другой «нет»; но если у них спросите, хотят ли они быть счастливы, то оба сразу же не колеблясь ответили бы «да». Именно ради того, чтобы быть счастливым, один и хотел поступить на военную службу; именно ради этого другой от нее отказывался. Не потому ли, что у одного человека радость в одном, а для другого в другом? Все, однако, согласны в том, что хотят быть счастливы, и если их спросить, в чем они согласны, они ответят, что хотят радоваться и эту самую радость и называют счастливой жизнью. И хотя один гонится за одним, а другой за другим, но все стараются прийти к одному: радоваться. А так как никто не может сказать без собственного опыта, что это такое, то мы, слыша слова «счастливая жизнь», узнаем, что это такое, найдя сведения о ней в своей памяти.

XXII

32. Да будет далека, Господи, да будет далека от сердца раба Твоего, который Тебе исповедуется, да будет далека мысль считать себя счастливым, какой бы радостью я ни радовался. Есть радость, которой не дано нечестивцам, но только тем, кто чтит Тебя бескорыстно: их радость — Ты Сам. И настоящая счастливая жизнь в том, чтобы радоваться Тобой, от Тебя, ради Тебя: это настоящая счастливая жизнь, и другой нет. Те, кто полагает ее в другом, гонятся за другой радостью — не настоящей. И у них, однако, есть какое-то представление о радости, от которого они не отворачиваются в своем желании счастья.

XXIII

33. Нельзя, следовательно, утверждать, что все хотят быть счастливы: ведь те, кто не хочет радоваться о Тебе — только в этом и есть счастливая жизнь, — не хотят на самом деле счастливой жизни. Или все хотят ее, но «плоть желает противного духу, а дух противного плоти, так что люди не делают того, что хотят»[1] и поэтому увязают в том, что им по силам, и этим

[1] Гал 5, 17.

удовлетворяются: у них нет настоящего желания получить силы на то, на что у них не хватает сил. Если я спрошу у всех, в чем они предпочитают найти радость: в истине или во лжи, то все так же не усомнятся ответить, что в истине, как не усомнятся сказать, что хотят быть счастливыми, но ведь счастливая жизнь — это радость, даруемая истиной, то есть Тобой, Господи, ибо Ты «Истина, Просвещение мое, Спасение лица моего, Бог мой»[1]. Этой счастливой жизни все хотят, этой жизни, единственно счастливой, все хотят; радости от истины все хотят. Многих знаю я, кто охотно обманывает, и никого, кто хотел бы обмануться. Где же узнали они об этой счастливой жизни, как не там, где узнали и об истине? Они и ее любят, так как не хотят обманываться, но, любя счастливую жизнь — она ведь не что иное, как радость, даруемая истиной, — они, конечно, любят также истину. Они не любили бы ее, если бы у них в памяти не было каких-то сведений о ней. Почему же они ей не радуются? Почему не счастливы? Потому, что другое сильнее захватило их, и оно скорее сделает их несчастными, чем осчастливит слабая память о том, что сделало бы счастливыми: «Пока еще мало

[1] Пс 26, 1; 41, 12.

света в людях»; пусть они ходят, пусть ходят, «чтобы тьма не охватила их»[1].

34. Почему же «истина порождает ненависть»[2] и почему для них стал врагом Человек Твой, проповедующий истину[3]? Они ведь любят счастливую жизнь, а она не что иное, как радость об истине? Не потому ли, что истину так любят, что, любя что-то другое, люди хотят, чтобы то, что они любят, оказалось истиной? И так как они не хотят обманываться, то и не хотят, чтобы их изобличили в том, что они обманываются. Итак, они ненавидят истину из любви к тому, что почитают истиной, Они любят ее свет и ненавидят ее укоры. Не желая обмануться и желая обманывать, они любят ее, когда она показывается сама, и ненавидят, когда она показывает их самих. За это и получат они воздаяние: они не хотят быть раскрытыми ею — она раскроет их против их желания, но сама не откроется им.

Да, да, да: такова человеческая душа; слепая, вялая, мерзкая и непотребная, она хочет спрятаться, но не хочет, чтобы от нее что-то пряталось. Воздается же ей наоборот: она от истины спрятаться не может, истина же от нее прячется.

[1] Ин 12, 35.

[2] *Теренций*. Андриянка, 68.

[3] Так говорит о Себе Христос (Ин 8, 40).

И всё же даже так, в нищете своей, предпочитает она радоваться истине, а не лжи. Счастлива же будет она, когда, без всякой помехи, будет радоваться самой, единой истине, началу всего истинного.

XXIV

35. Вот сколько бродил я по своей памяти, ища Тебя, Господи, и не нашел Тебя вне ее. И ничего не нашел, чего бы не помнил о Тебе с того дня, как узнал Тебя. С того же дня, как знал Тебя, я не забывал Тебя. Где нашел я истину, там нашел я и Бога моего, самое Истину, и с того дня, как узнал ее, я ее не забывал. С того дня, как я узнал Тебя, Ты пребываешь в памяти моей, и там нахожу я Тебя, когда о Тебе вспоминаю и радуюсь в Тебе. Это святая отрада моя, которой Ты милостиво одарил меня, оглянувшись на мою нищету.

XXV

36. Где же пребываешь Ты, Господи, в памяти моей, где Ты там пребываешь? Какое убежище соорудил Ты Себе? Какое святилище выстроил Себе? Ты удостоил мою память Своего пребывания, но в какой части ее Ты пребываешь? Я прошел в поисках через те ее части, которые есть у животных,

и не нашел Тебя там, среди образов телесных предметов; пришел к тем частям, которым доверил душевные свои состояния, но и там не нашел Тебя. Я вошел в обитель самой души моей, которая имеется для нее в моей памяти, ибо и себя самое помнит душа, но и там Тебя не было. Ты ведь не телесный образ, не душевное состояние, испытываемое нами, когда мы радуемся, огорчаемся, желаем, боимся, вспоминаем, забываем и прочее; и Ты не сама душа, ибо Ты Господь Бог души моей. Всё это меняется, Ты же пребываешь неизменным над всем, и Ты удостоил мою память стать Твоим жилищем с того дня, как я узнал Тебя. И зачем я спрашиваю, в каком месте ее Ты живешь, как будто там есть места? Несомненно одно: Ты живешь в ней, потому что я помню Тебя с того дня, как узнал Тебя, и в ней нахожу Тебя, Тебя вспоминая.

XXVI

37. Где же нашел я Тебя, чтобы Тебя узнать? Тебя не было в моей памяти до того, как я узнал Тебя. Где же нашел я Тебя, чтобы Тебя узнать, как не в Тебе, надо мной? Не в пространстве: мы отходим от Тебя и приходим к Тебе не в пространстве. Истина, Ты восседаешь всюду и всем спрашивающим Тебя отвечаешь одновременно, хотя все спрашивают о разном. Ясно отвечаешь

Ты, но не все слышат ясно. Все спрашивают о чем хотят, но не всегда слышат то, что хотят. Наилучший служитель Твой тот, кто не думает, как бы ему услышать что он хочет, но хочет того, что от Тебя услышит.

XXVII

38. Поздно полюбил я Тебя, Красота, такая древняя и такая юная, поздно полюбил я Тебя! Вот Ты был во мне, а я — был во внешнем и там искал Тебя, в этот благообразный мир, Тобой созданный, вламывался я, безобразный! Со мной был Ты, с Тобой я не был. Вдали от Тебя держал меня мир, которого бы не было, не будь он в Тебе. Ты позвал, крикнул и прорвал глухоту мою; Ты сверкнул, засиял и прогнал слепоту мою; Ты разлил благоухание свое, я вдохнул и задыхаюсь без Тебя. Я отведал Тебя и Тебя алчу и жажду; Ты коснулся меня, и я загорелся о мире Твоем.

XXVIII

39. Когда я прильну к Тебе всем существом моим, исчезнет моя боль и печаль и живой будет жизнь моя, целиком полная Тобой. Легко человеку, если он полон Тобой; я не полон Тобой и потому в тягость себе. Радости мои, над которыми

надо бы плакать, спорят с печалями, которым надо бы радоваться, и я не знаю, на чьей стороне станет победа. Спорят мои недобрые печали с добрыми радостями, и я не знаю, на чьей стороне станет победа. Увы мне! Господи, сжалься надо мной! Увы мне! Вот раны мои — я не скрываю их. Ты врач, я больной; Ты жалостлив, я жалок. «Разве жизнь человека на земле — не искушение?». Кто захотел бы тягот и трудностей? Ты велишь их терпеть, не любить. Никто не любит того, что он терпит, если даже и любит терпение. И пусть он и радуется своему терпению, всё же он предпочел бы, чтобы нечего было терпеть.

Благополучия желаю я в беде, беды боюсь в благополучии. Есть ли между ними такая середина, где «человеческая жизнь не была бы искушением?». Горе мирскому благополучию, вдвойне горе ему: от страха перед бедой, от ущербной радости. Горе мирской беде, вдвойне, втройне горе: от тоски по благополучию; от того, что беда сама по себе жестока, от того, что, пожалуй, сломится от нее терпение. Разве не «искушение жизнь человека на земле» всегда и всюду?

XXIX

40. Вся надежда моя только на великое, великое милосердие Твое. Дай, что повелишь, и по-

вели, что хочешь. Ты приказываешь воздержанность. «И я знаю, — сказал некто, — что никто не может быть воздержным, если не даст ему Бог, и это и есть мудрость — знать, чей это дар»[1]. Да, воздержанность делает нас собранными и возвращает к Единому, а мы ушли от него, разбрасываясь в разные стороны. Мало любит Тебя тот, кто любит еще что-то и любит не ради Тебя. О, Любовь, которая всегда горишь и никогда не гаснешь, Боже мой. Боже милосердия, зажги меня! Ты велишь воздержанность: дай, что повелишь, и повели, что хочешь!

XXX

41. Ты повелишь мне, конечно, воздерживаться «от похоти плоти, похоти очей и гордости житейской»[2]. Ты повелел воздерживаться от незаконного сожития; брак Ты допустил, но посоветовал состояние лучшее[3]. И Ты дал мне избрать это состояние раньше, чем я стал свершать Твои Таинства. И, однако, доселе живут в памяти моей (о которой я много говорил) образы, прочно врезанные в нее привычкой. Они

[1] Прем 8, 20–21.
[2] 1 Ин 2, 16.
[3] Ср. 1 Кор 7, 1–28.

кидаются на меня, когда я бодрствую, но тогда они, правда, бессильны, во сне же доходит не только до наслаждения, но до согласия на него. И в этих обманчивых образах столько власти над моей душой и моим телом, что призраки убеждают спящего в том, в чем бодрствующего не могут живые. Разве тогда я перестаю быть собой, Господи Боже мой? И, однако, какая разница между мной, когда я погрузился в сон, и мною же, когда я стряхнул его с себя! Где в это время был разум, с помощью которого бодрствующий противостоит таким нашептываниям и пребывает непоколебим перед реальным соблазном? Закрывается ли он вместе с глазами? Засыпает вместе с телесными чувствами? И почему же часто даже во сне мы сопротивляемся, помня о своем решении, и целомудренно пребываем в нем, никак не поддаваясь на такие приманки? И всё же разница такова, что и в противном случае мы, проснувшись, обретаем покой в своей совести: так далеки между собой явь и сон, что нам ясно: мы не совершали того, что каким-то образом совершилось в нас, и нам прискорбно.

42. Ужели рука Твоя, Всесильный Боже, не сильна исцелить всех недугов души моей и преизбытком благодати угасить эту распутную тревогу моих снов? Ты будешь умножать и умножать Свои дары во мне, Господи, и душа моя,

вырвавшись из клея похоти, устремится за мною к Тебе, перестанет бунтовать против себя, не будет даже во сне не только совершать под влиянием скотских образов этих мерзостей, но и соглашаться на них. Чтобы не только в этой жизни, но даже и в этом возрасте противно мне стало подобное состояние, даже в малой степени — такой, что его легко подавить одним усилием воли спящего чистым сном! Это не трудно Всемогущему, Который «силен сделать больше, чем мы просим и понимаем»[1]. А сейчас я еще пребываю в этом зале, и я рассказываю благому Богу моему, «в трепете ликуя»[2], о том, что Тобою мне даровано, плача о несовершенстве своем, надеясь, что довершишь Ты милость Свою и доведешь меня до полноты мира, в котором и пребудет с Тобой всё во мне — и внутреннее и внешнее — в час, «когда поглощена будет смерть победой»[3].

XXXI

43. Есть и другая «злоба дня»[4] — если бы ее одной было ему довольно! Мы восстанавливаем

[1] Еф 3, 20.
[2] Пс 2, 11.
[3] 1 Кор 15, 54.
[4] Мф 6, 34.

наше ежедневно разрушающееся тело едой и питьем, и так будет, пока «Ты не уничтожишь пищу и желудок»[1], не убьешь голод дивной сытостью и «не облачишь это тленное тело вечным нетлением»[2]. Теперь же эта необходимость мне сладка, и я борюсь с этой усладой, чтобы не попасть к ней в плен: я веду с ней ежедневную войну постом и частым «порабощением тела»[3] — и муки мои изгоняются удовольствием. Голод и жажда — это му́ка; они жгут и убивают, как лихорадка, если не полечить их пищей. А так как лекарство под рукой и Ты утешаешь нас дарами Твоими, которые подносят, служа немощи нашей, земля, вода и небо, то бедствие и стало называться наслаждением.

44. Ты научил меня принимать пищу как лекарство. Но пока я перехожу от тягостного голода к благодушной сытости, тут мне как раз и поставлен силок чревоугодия. Самый этот переход есть наслаждение, а другого, чтобы перейти туда, куда переходить заставляет необходимость, нет. Поддержание здоровья — вот причина, почему мы едим и пьем, но к ней присоединяется удовольствие — спутник опасный, который ча-

[1] 1 Кор 6, 13.
[2] 1 Кор 15, 53.
[3] 1 Кор 9, 27; ср. 2 Кор 11, 27.

сто пытается зайти вперед, чтобы ради него делалось то, что, судя по моим словам и желанию, я делаю здоровья ради. У обоих, однако, мера не одна: того, что для здоровья достаточно, наслаждению мало. Часто трудно определить, что́ здесь: необходимая ли пока забота о теле и помощь ему или прислуживание обманам прихотливой чувственности. Этой неопределенностью веселится несчастная душа, рассчитывая на нее как на извинение и защиту; она радуется, что не видит меры потребного здоровью и ссылкой на здоровье прикрывает службу чревоугодию. Этим соблазнам я стараюсь ежедневно противостоять; взываю к деснице Твоей, Тебе приношу тревогу мою, ибо здесь я еще в смятении.

45. Слышу голос веления Господа моего: «Не отягощайте сердец ваших объядением и пьянством»[1]. От пьянства я далек; будь милостив, да не приближусь к нему. Чревоугодие иногда подползает к рабу Твоему; будь милостив, да удалится оно от меня. «Никто ведь не в силе быть воздержанным, если Ты не дашь». Многое посылаешь Ты по нашим молитвам; и то доброе, что мы получаем раньше, чем попросим, получаем мы от Тебя, и то, что понимаем это только потом, получаем мы от Тебя. Пьяницей я никогда

[1] Лк 21, 34.

не был, но пьяниц, которых Ты сделал трезвенниками, знал. Ты делаешь, что одни никогда не становятся тем, чем и не были; Ты делаешь, что другие перестают быть тем, чем были; Ты делаешь, что и те и другие знают, Кто это сделал. Слышал я и другой голос Твой: «Не ходи вслед похотей твоих и воздерживайся от пожеланий твоих»[1]. Слышал по милости Твоей и другое изречение — очень мною любимое: «Едим ли мы, ничего не приобретаем; не едим ли, ничего не теряем»[2], иными словами: первое меня не обогатит, другое не огорчит. Слышал и еще: «Я научился быть довольным тем, что у меня есть; умею жить в изобилии и умею терпеть недостаток. Все могу в Том, Кто меня укрепляет»[3]. Вот воин небесного лагеря, не прах, как мы. Но вспомни, Господи, что «мы прах», что из праха Ты сотворил этого человека[4], что он «пропадал и нашелся»[5]. И он ничего не мог сам по себе, ибо был таким же прахом, он, кого я так полюбил за эти слова, вдохновленные Духом Твоим: «Все могу в Том, Кто меня укрепляет». Укрепи меня, чтобы я мог; дай, что повелишь, и повели,

[1] Сир 18, 30.
[2] 1 Кор 8, 8.
[3] Флп 4, 11–13.
[4] Быт 3, 19.
[5] Лк 15, 24; 32.

что хочешь. Павел признает, что всё получил от Тебя и «чем хвалится — в Господе хвалится»[1]. Слышал я и другую молитву: «Удали от меня чревоугодие»[2]. Из этого явствует, Святый Боже, что Ты даешь силу исполнить то, чему велишь исполниться.

46. Ты научил меня, Отче Благий: «Всё чисто чистым, но худо человеку, который ест, вводя в соблазн; всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением; пища не приближает нас к Богу; и никто да не осуждает нас за пищу или за питье, а кто ест, не презирай того, кто не ест, а кто не ест, не осуждай того, кто ест»[3]. Я усвоил это и благодарю Тебя и восхваляю Тебя, Боже мой, Учитель мой, стучащийся в уши мои, озаряющий сердце мое! Избавь меня от всякого искушения. Я боюсь не кушанья нечистого, но нечистой страсти. Я знаю, что Ною было позволено есть всякое мясо, употреблявшееся в пищу[4], что Илия восстановил свои силы мясом[5], что Иоанна, дивного постника, не осквернило употребление животной пищи,

1 1 Кор 1, 31.
2 Сир 23, 5.
3 Тит 1, 15; Рим 14, 20; 1 Тим 4, 4; 1 Кор 8, 8; Кол 2, 16; Рим 14, 3.
4 См.: Быт 9, 3.
5 3 Цар. 17, 6.

то есть саранчи[1]. И я знаю, что Исава прельстила чечевица[2], что Давид сам себя укорял за желание напиться[3], что Царь наш был искушаем не мясом, а хлебом[4]. И народ в пустыне заслужил упрека не потому, что захотел мясной пищи, а потому, что, мечтая об еде, возроптал на Господа[5].

47. Пребывая в этих искушениях, я ежедневно борюсь с чревоугодием. Тут нельзя поступить так, как я смог поступить с плотскими связями: обрезать раз навсегда и не возвращаться. Горло надо обуздывать, в меру натягивая и отпуская вожжи. И найдется ли, Господи, тот, кого не увлечет за пределы необходимого? Кто бы он ни был, он велик и да прославляет он имя Твое. Я не таков; я человек и грешник. Но и я прославляю имя Твое, и Тот, «Кто победил мир»[6], «да ходатайствует за грехи мои»[7], числя меня среди немощных членов Тела Своего, ибо и «несовершенное видели очи Твои и в книге Твоей будут записаны все»[8].

[1] Мф 3, 4.
[2] Быт 25, 30–34.
[3] 2 Цар. 23, 15–17.
[4] Мф 4, 3.
[5] Чис. 11, 4–6.
[6] Ин 16, 33.
[7] Рим 8, 34.
[8] Пс 138, 16.

XXXII

48. Чары запахов меня не беспокоят. Их нет — я их не ищу; они есть — не отгоняю; согласен навсегда обходиться без них. Так мне кажется, но, может быть, я и ошибаюсь. Вот они, эти горестные потемки, в которых скрыты от меня возможности, живущие во мне; душа моя, спрашивая себя о своих силах, знает, что не стоит себе доверять: то, что в ней есть, обычно скрыто и обнаруживается только опытом. В этой жизни, которая называется «сплошным искушением», никто не может быть спокоен за себя: если он мог стать из плохого хорошим, это еще не значит, что он не станет из хорошего плохим. Только надеяться, только полагаться на твердо обещанное Твое милосердие!

XXXIII

49. Услады слуха крепче меня опутали и поработили, но Ты развязал меня и освободил. Теперь — признаюсь — на песнях, одушевленных изречениями Твоими, исполненных голосом сладостным и обработанным, я несколько отдыхаю, не застывая, однако, на месте: могу встать, когда захочу. Песни эти требуют, однако, для себя и для мыслей, их животворящих, некоторого достойного места в моем сердце, и вряд ли я предоставляю

им соответственное. Иногда, мне кажется, я уделяю им больше почета, чем следует: я чувствую, что сами святые слова зажигают наши души благочестием более жарким, если они хорошо спеты; плохое пение такого действия не оказывает. Каждому из наших душевных движений присущи и только ему одному свойственны определенные модуляции в голосе говорящего и поющего, и они, в силу какого-то тайного сродства, эти чувства вызывают. И плотское мое удовольствие, которому нельзя позволить расслаблять душу, меня часто обманывает: чувство, сопровождая разум, не идет смирно сзади, хотя только благодаря разуму заслужило и это место, но пытается забежать вперед и стать руководителем. Так незаметно грешу я и замечаю это только потом.

50. Иногда, однако, не в меру остерегаясь этого обмана, я совершаю ошибку, впадая в чрезмерную строгость: иногда мне сильно хочется, чтобы и в моих ушах и в ушах верующих не звучало тех сладостных напевов, на которые положены псалмы Давида. Мне кажется, правильнее поступал Александрийский епископ Афанасий, который — помню, мне рассказывали — заставлял произносить псалмы с такими незначительными модуляциями, что это была скорее декламация, чем пение. И, однако, я вспоминаю слезы, которые проливал под звуки церковного пения,

когда только что обрел веру мою; и хотя теперь меня трогает не пение, а то, о чем поется, но вот — это поется чистыми голосами, в напевах вполне подходящих, и я вновь признаю великую пользу этого установившегося обычая. Так и колеблюсь я — и наслаждение опасно, и спасительное влияние пения доказано опытом. Склоняясь к тому, чтобы не произносить бесповоротного суждения, я все-таки скорее одобряю обычай петь в церкви: пусть душа слабая, упиваясь звуками, воспрянет, исполнясь благочестия. Когда же со мной случается, что меня больше трогает пение, чем то, о чем поется, я каюсь в прегрешении; я заслужил наказания и тогда предпочел бы вовсе не слышать пения. Вот каков я! Плачьте со мной и плачьте обо мне вы, которые трудитесь над чем-то добрым в сердце своем, откуда исходят поступки. Тех, которые не трудятся, всё это не тронет. Ты же, «Господи Боже мой, услышь, оглянись, взгляни, сжалься, исцели меня»[1]. В очах Твоих стал я для себя задачей, и в этом недуг мой.

XXXIV

51. Остается удовольствие, получаемое от этих моих плотских очей. О нем и будет исповедь моя,

[1] Пс 12, 4; 6, 3.

которую услышат уши Церкви Твоей, уши братские и добрые. На этом и покончим с соблазнами плотских искушений, которые и до сих пор стучатся в мое сердце, и я вздыхаю «и жажду войти в обиталище мое, которое на небе»[1].

Глаза любят красивые и разнообразные формы, яркие и приятные краски. Да не овладеют они душой моей; да овладеет ею Бог, Который создал их, конечно, «весьма хорошими», но не они, а Он — благо мое. Они тревожат меня целый день, пока я бодрствую, и нет мне от них покоя, какой бывает от звонких голосов, да и от любых звуков в наступившем молчании. И сам царь красок, этот солнечный свет, заливающий всё, что мы видим, где бы я ни был днем, всячески подкрадывается ко мне и ласкает меня, хотя я занят другим и не обращаю на него внимания. И он настолько дорог, что если он вдруг исчезнет, то его с тоской ищешь, а если его долго нет, то душа омрачается.

52. О, Свет, который видел Товит, когда с закрытыми глазами указывал сыну дорогу жизни и шел впереди него ногами любви, никогда не оступаясь; который видел Исаак очами, отяжелевшими и сомкнутыми от старости: ему дарована была милость не благословить сыновей,

[1] 2 Кор 5, 2.

узнав их, но узнать, благословив; который видел Иаков, лишенный в преклонном возрасте зрения, когда лучами света, наполнявшего его сердце, озарил в сыновьях своих предреченные племена будущего народа; когда возложил на внуков своих от Иосифа руки, таинственно перекрещенные; отец их, смотревший земными глазами, пытался поправить его, но Иаков действовал, повинуясь внутреннему зрению. Вот он, настоящий Свет, единый, и едины все, кто его видит и любит. Этот же земной свет, о котором я говорил, приправляет своей соблазнительной и опасной прелестью мирскую жизнь слепым ее любителям. Те же, кто умеет славить за него Тебя, «Господь, всего Создатель», возьмут и его для гимна Тебе, но не позволят взять себя и уснуть душой. Таким и я желаю быть. Сопротивляюсь соблазнам глаз, чтобы не опутали они ног моих, идущих по пути Твоему; возведу к Тебе глаза невидимые, чтобы Ты выпутал «из силков ноги мои»[1]. Ты их всё время выпутываешь, потому что они в них попадают. Ты непрестанно их выпутываешь, а я часто застреваю в ловушках, всюду расставленных. «Ты же не уснешь и не предашься сну, охраняя Израиля»[2].

[1] Пс 24, 15.
[2] Пс 120, 4.

53. К тому, что прельщает глаза, сколько еще добавлено людьми! Создания разных искусств и ремесел — одежда, обувь, посуда и всяческая утварь, картины и другие изображения — всё это ушло далеко за пределы умеренных потребностей и в домашнем быту и в церковном обиходе. Занятые вовне своими созданиями, люди в сердце своем оставляют Того, Кто их создал, разрушают то, что в них Им создано. Я же, Господи, Украшение мое, и тут нахожу причину возгласить гимн Тебе и принести жертву хвалы Принесшему Себя в жертву за меня; искусные руки узнают у души о красивом, а его источник та Красота, которая превыше души и о которой душа моя воздыхает днем и ночью. Мастера и любители красивых вещей от нее взяли мерило для оценки вещей, но не взяли мерила для пользования ими. А оно тут, и они не видят его. Ходить далеко не надо: «Пусть хранят силу свою для Тебя»[1] и не разбрасывают ее на утомительные услады.

Я говорю это и понимаю — и стою перед этой красотой, словно ноги у меня спутаны. Ты высвобождаешь их, Господи, Ты высвобождаешь: «Милосердие Твое пред глазами моими»[2]. Я жалостно попадаюсь, и Ты жалостливо осво-

[1] Ср. Пс 58, 10.
[2] Пс 25, 3.

бождаешь меня; иногда я этого не чувствую, потому что был захвачен слегка; иногда же мне больно, потому что застрял я крепко.

XXXV

54. Сюда присоединяется другой вид искушения, во много раз более опасный.

Кроме плотского вожделения, требующего наслаждений и удовольствий для всех внешних чувств и губящего своих слуг, удаляя их от Тебя, эти же самые внешние чувства внушают душе желание не наслаждаться в плоти, а исследовать с помощью плоти: это пустое и жадное любопытство рядится в одежду знания и науки. Оно состоит в стремлении знать, а так как из внешних чувств зрение доставляет нам больше всего материала для познания, то это вожделение и называется в Писании «похотью очей». Собственное назначение глаз — видеть, но мы пользуемся этим словом, говоря и о других чувствах, когда с их помощью что-то узнаем. Мы ведь не говорим: «послушай, как это отливает красным», или «понюхай, как блестит», или «отведай, как ярко», или «потрогай, как сверкает»; во всех этих случаях говорят «смотри». Мы ведь говорим не только: «посмотри, что светится» — это почувствовать могут только глаза, — но

«посмотри, что звенит», «посмотри, что пахнет», «посмотри, какой в этом вкус», «посмотри, как это твердо». Поэтому всякое знание, доставляемое внешними чувствами, называется, как сказано, «похотью очей»: обязанность видеть — эту основную обязанность глаз — присваивают себе в переносном смысле и другие чувства, когда ими что-либо исследуется.

55. Тут очевиднее различаешь между тем, что́ требуется внешним чувствам для наслаждения и что́ для любопытства. Наслаждение ищет красивого, звучного, сладкого, вкусного, мягкого, а любопытство даже противоположного — не для того, чтобы подвергать себя мучениям, а из желания исследовать и знать. Можно ли наслаждаться видом растерзанного, внушающего ужас трупа? И, однако, пусть он где-то лежит, и люди сбегутся поскорбеть, побледнеть от страха. Им страшно увидеть это даже во сне, а смотреть наяву их словно кто-то принуждает, словно гонит их молва о чем-то прекрасном. Так и с другими чувствами — долго это перечислять. Эта же болезнь любопытства заставляет показывать на зрелищах разные диковины. Отсюда и желание рыться в тайнах природы, нам недоступных; знание их не принесет никакой пользы, но люди хотят узнать их только, чтобы узнать. Отсюда, в целях той же извращенной науки, ищут знания с помощью

магии. Отсюда даже в религии желание испытать Бога: от Него требуют знамений и чудес не в целях спасения, а только чтобы узнать их.

56. В этом неизмеримом лесу, полном ловушек и опасностей, я уже многое обломал и раскидал: Ты дал мне это сделать, Боже спасения моего. И, однако, осмелюсь ли я сказать, когда повсюду и ежедневно в нашу жизнь с грохотом врывается множество предметов, возбуждающих любопытство, — осмелюсь ли я сказать, что ни один из них не заставит меня внимательно его разглядывать и не внушит пустого интереса? Театр меня, конечно, не увлекает; я не забочусь узнать течение светил; душа моя никогда не спрашивала теней: мне отвратительны всякие святотатственные обряды. Какими, однако, уловками и нашептываниями действует враг, чтобы я попросил у Тебя какого-нибудь знамения, у тебя, Господи Боже мой, Кому обязан я только служить в смирении и простоте! Молю Тебя ради царя нашего и Иерусалима, отечества простоты и целомудрия: как далека сейчас от меня мысль согласиться на такое, так и да пребывает она далеко и отходит еще дальше. Если же я прошу Тебя о спасении кого-нибудь, то цель моей настоятельной молитвы совсем другая; Ты же, делая что хочешь, даешь и будешь давать мне силу охотно подчиняться Тебе.

57. И какое же множество ничтожнейших, презренных пустяков ежедневно искушает наше любопытство, и как часто мы падаем! Кто перечислит это? Сколько раз мы сначала как будто только терпим пустую болтовню, не желая обидеть немощных, а мало-помалу начинаем слушать охотно и внимательно. Я уже не смотрю в цирке, как собака гонит зайца, но если случайно увижу охоту в поле, то она отвлечет меня, может быть, и от важных размышлений и привлечет к себе, заставит свернуть с дороги не мою лошадь, но мое сердце. И если Ты, сразу же показав немощь мою, не вразумишь меня — да вознесусь к Тебе, извлекши некие мысли из этого самого зрелища, или вовсе им пренебрегу и пройду мимо, — то я останусь во власти бессмысленного любопытства. А когда я сижу дома, разве мое внимание часто не захватывает ящерица, занятая ловлей мух, или паук, опутывающий своими сетями попавшихся насекомых? Пусть эти существа малы, но ведь дело тут в том же самом. В дальнейшем я перехожу к восхвалению Тебя, дивный Создатель, всё упорядочивший, но не эта же мысль сразу захватывает мое внимание. Одно — быстро встать; другое — не падать. И таких пустяков полна моя жизнь, и одна надежда моя на Твое великое, великое милосердие. Сердце наше — вместилище подобных мелочей; в нем

лежат обильные кучи вздора, которым часто нарушены и смущены молитвы наши. И когда пред лицом Твоим устремляем мы к ушам Твоим голос сердца нашего, не знаю откуда врываются пустые мысли и прерывают столь важное занятие. 363

XXXVI

58. Неужели и это сочтем незначительным? Не вернет ли нас хоть что-то к надежде только на изведанное милосердие Твое? Ты ведь начал уже изменять нас. И Ты знаешь, насколько Ты изменил меня. Во-первых, Ты излечил меня от страсти оправдывать себя, «дабы умилостивиться и над прочими беззакониями моими, излечить все недуги мои, избавить от гибели жизнь мою, увенчать меня милостью и милосердием и насытить благами желание мое»[1]. Ты принизил гордость мою страхом Твоим и приучил шею мою к ярму Твоему. И теперь я несу его, и оно легко мне — Ты обещал это и сделал: таким оно и было, а я и не знал, когда боялся надеть его.

59. Ужели, Владыка, Ты единый, владычествующий, не знающий гордыни, ибо Ты один настоящий Владыка и нет владыки над Тобой, ужели это третье искушение отошло от меня или

[1] Пс 102, 3–4.

за всю эту жизнь отойти не сможет? Желать, чтобы люди меня боялись и любили не ради чего другого, а только потому, что в этом радость, которая вовсе не в радость. Жалкая жизнь и гадкое тщеславие! Это вот главным образом и уничтожает любовь к Тебе и чистый страх перед Тобой, потому Ты «гордым противишься, а смиренным даешь благодать»[1] и мечешь на мирское тщеславие громы, от которых «сотрясаются основания гор»[2]. А так как некоторые общественные обязанности можно выполнять только если тебя любят и боятся, то враг истинного счастья нашего тут и начинает наступать, всюду разбрасывая, как приманку по силкам, свои похвалы: мы жадно их подбираем и по неосторожности попадаемся, отлагаем от истины Твоей радость свою и полагаем ее в человеческой лжи. Нам приятно, чтобы нас любили и боялись не ради Тебя, а вместо Тебя. И враг, уподобив нас таким образом себе, держит нас при себе, не ради согласия в любви, а ради сообщества в наказании. Это он решил «утвердить престол свой на севере»[3], чтобы ему, извращенно и уродливо Тебе подражающему, служили исполненные мрака и холода.

[1] Иак 4, 6; 1 Пет 5, 5.
[2] Пс 17, 8.
[3] Ис 14, 14.

Мы же, Господи, вот мы, «малое стадо Твое»[1], владей нами. Раскинь крылья Твои, пусть мы укроемся под ними. Будь славой нашей; пусть нас любят ради Тебя, пусть боятся в нас Слова Твоего! Того, кто хочет людских похвал, невзирая на Твое порицание, не защитят люди на Суде Твоем, не вырвут его от осуждения Твоего. Не «грешника, однако, хвалят за желания души его», «не творящего беззаконие благословляют»[2]: хвалят человека за дар, от Тебя полученный, но если он больше радуется похвалам, чем самому дару, за который его хвалят, то Ты его порицаешь. И тот, кто хвалит, лучше того, кого хвалят. Первому угоден в человеке Божий дар, а второму более угоден дар от человека, а не от Бога.

XXXVII

60. Искушают нас эти искушения ежедневно, Господи, непрерывно искушают. Человеческий язык — это искусительное горнило на каждый день[3]. Ты приказываешь нам и здесь владеть собой: дай, что повелишь, и повели, что хочешь. Ты знаешь стенания сердца моего к Тебе и реки

[1] Лк 12, 32.
[2] Ср. Пс 9, 24.
[3] Ср. Притч 27, 21.

слез моих. Мне нелегко сообразить, насколько очистился я от этой скверны, и я очень боюсь того, что скрыто во мне; это видят глаза Твои, мои — нет. При других искушениях я способен хоть в какой-то мере проверить себя, при этом — почти нет. Что касается плотских удовольствий и пустого любопытства, то тут я вижу, насколько я успел в обуздании души моей; лишился ли я их добровольно или их вовсе и не было, но я могу себя спросить, каково мне без них: очень тяжко или не особенно. К богатству стремятся, чтобы служить какой-либо из этих трех страстей, одной, или двум, или всем трем, и если душа не может дать себе отчета, презирает ли она богатство, им обладая, то можно от него отказаться, чтобы испытать себя. А неужели, чтобы проверить, как на нас подействует отсутствие похвал, мы должны жить дурной жизнью, настолько порочной и зверской, чтобы все, нас знающие, нас возненавидели? Можно ли сказать или подумать что-нибудь бессмысленнее! И если похвала и должна быть и бывает спутницей хорошей жизни и хороших дел, то не следует отказываться ни от такой спутницы, ни от самой хорошей жизни. А понять, без чего обойдусь я спокойно или с трудом, я могу только при отсутствии того, о чем шла речь.

61. В чем же исповедуюсь я Тебе, Господи, говоря об этом искушении? Не в том ли, что по-

хвалы мне очень приятны? Но истина больше, чем похвалы. Если бы меня спросили, предпочту ли я стать безумцем, во всем заблуждаться и слышать всеобщие похвалы или быть разумным, твердо стоять в истине и слышать всеобщее порицание, я знаю, что́ выберу. Я не хотел бы только, чтобы одобрение из чужих уст увеличивало во мне радость от чего-то доброго во мне. А оно — признаюсь — увеличивает; мало того, порицание уменьшает. И когда я в тревоге от этой нищеты своей, то тут и подкрадывается ко мне извинение; Ты, Господи, знаешь ему цену, но меня оно смущает. Ты ведь приказал нам быть не только воздержанными, то есть подавлять любовь к некоторым вещам, но и справедливыми, то есть знать, на что обращать ее; Ты захотел, чтобы мы любили не только Тебя, но и ближнего. И мне часто кажется, что когда я радуюсь похвале очень понимающего человека, то я радуюсь росту ближнего или надеждам на этот рост, и наоборот — огорчаюсь его недостатками, когда слышу, как он порицает или то, чего он не понимает, или то, что хорошо. А иногда я огорчаюсь и похвалами себе: если хвалят во мне то, что мне самому не нравится, или оценивают больше, чем они стоят, качества даже хорошие, но незначительные. И опять, откуда я знаю, возникает ли во мне это чувство потому,

что я не хочу, чтобы тот, кто меня хвалит, был обо мне другого мнения, чем я сам, и беспокоюсь вовсе не о его пользе: те самые хорошие качества во мне, которые и мне нравятся, становятся мне приятнее, если они нравятся и другому. Если же мое собственное мнение о себе не встречает похвалы, это значит, что в какой-то мере не хвалят и меня, потому что или хвалят то, что мне не нравится, или хвалят больше то, что мне в себе нравится меньше. Не загадка ли я сам для себя?

62. И вот в Тебе, Истина, вижу я, что надлежит мне приходить в беспокойство от похвал себе не ради себя, а ради пользы ближнего. А бывает ли так, не знаю. Тут я себе меньше знаком, чем Ты. Молю Тебя, Боже мой, покажи мне меня самого, чтобы в ранах, которые я увижу в себе, исповедаться братьям моим: они будут молиться за меня; я стану опять допрашивать себя внимательнее. Если, слушая похвалы себе, я беспокоюсь о пользе ближнего, то почему я беспокоюсь меньше, слыша несправедливые упреки не себе, а другому? Почему меня уязвляет больше оскорбление, брошенное мне, чем нанесенное другому в моем присутствии и столь же незаслуженно? И этого ли не знаю? Остается «обольщать самого себя»[1] и лгать перед Тобой языком и сердцем? Это безумие уда-

[1] Гал 6, 3.

ли от меня, Господи, «да не станут слова мои елеем грешника, чтобы умастить главу мою»[1].

XXXVIII

63. «Нищ я и беден»[2], но я лучше, когда, опротивев себе и стеная, втайне ищу милосердия Твоего, пока не восполнится ущербность моя и не исполнюсь я мира, неведомого оку гордеца. Речи же, выходящие из уст, и дела, известные людям, искушают опаснейшим искушением: любовью к похвале, которая попрошайничает и собирает голоса в пользу человека, чтобы как-то его возвысить. Она искушает меня, когда я изобличаю ее в себе, тем самым, что я ее изобличаю: часто презрением к пустой славе прикрывается еще более пустая похвальба; нечего хвалиться презрением к славе: ее не презирают, если презрением к ней хвалятся.

XXXIX

64. В нас засело, засело еще и другое зло, обнаруживаемое этим искушением: оно опустошает души тех, кто сам себе нравится, хотя другим

[1] Ср. Пс 140, 5.
[2] Пс 108, 22.

они и не нравятся или даже противны. Они и не стараются понравиться. Нравясь себе, очень они Тебе опротивеют: нехорошее они считают хорошим; Твои хорошие дела своими, а если и Твоими, то совершенными благодаря им; пусть в силу Твоего влияния, но они ему не порадуются вместе с другими, а позавидуют тем, кто им воспользовался. В таких и подобных опасностях и затруднениях Ты видишь трепет сердца моего, и я чувствую, что Ты будешь вновь и вновь исцелять раны мои, но не перестанешь наносить их.

XL

65. Где не проходила Ты вместе со мной, Истина, уча, чего остерегаться и к чему стремиться, когда я приносил Тебе скудные домыслы свои, какие мог, и спрашивал совета! Я обошел, где мог, чувством своим внешний мир, вглядывался в жизнь, оживляющую мое тело, и в эти самые внешние чувства мои. Оттуда я вступил в тайники моей памяти, в эти просторы, с их многообразием; они чудесным образом наполнены бесчисленными сокровищами. Я смотрел и ужасался: я не мог ничего разобрать без Тебя, но всё это — не Ты.

И не сам я нашел это, хотя всюду проник и постарался всё различить и оценить по до-

стоинству: об одном я узнавал от моих вестников-чувств, которые я спрашивал; другое, я чувствовал, срослось со мной, и я разбирался в самих этих вестниках моих, распределяя их, и уже в богатых сокровищах памяти моей одно пересматривал, другое прятал, иное извлекал на свет. Ни сам я, занятый этим, то есть ни сила моя, с помощью которой я этим занимался, не были Ты, ибо Ты Свет вечно пребывающий, у которого я спрашивал обо всем: существует ли это, что это такое, какая ему цена, — и я слушал Твои уроки и приказания. И я часто это делаю, в этом радость моя, сладостное убежище, куда я бегу всякий раз, чуть отпустят меня дела необходимые. Во всем, однако, что я перебираю, спрашивая Тебя, не нахожу я верного пристанища для души моей; оно только в Тебе, где собирается воедино пребывающее в рассеянии, и ничто во мне не отходит от Тебя. И порою Ты допускаешь в глубине моей редкое чувство неизведанной сладости; если бы пережить его во всей полноте, то не знаю, что будет, — этой жизнью это не будет. И я падаю обратно сюда под горьким бременем; меня засасывает обычное и держит меня: я сильно плачу, но и держит оно меня сильно. Вот чего стоит груз привычки! Быть здесь я в силах, но не хочу; там хочу, но не в силах: жалок обоюдно.

XLI

66. Вот почему рассмотрел я грехи мои, которыми болею, подчиняясь тройному вожделению[1], и воззвал к деснице Твоей для спасения моего. Увидел я, раненный сердцем, сияние Твое и, ослепленный им, сказал: кто может его выдержать? «Отвергнут я от очей Твоих»[2]. Ты — Истина, над всем царящая, и я, в жадности своей, не захотел потерять Тебя, но захотел вместе с Тобой обладать и ложью. Никто ведь не захочет изолгаться до того, чтобы самому не знать, в чем истина. Так я и потерял Тебя, потому что Ты не удостоишь ложь того, чтобы ужиться с ней.

XLII

67. Кого найти мне, чтобы примирить меня с Тобой? Обратиться к Ангелам? С какой молитвой? С помощью каких обрядов? Многие старались вернуться к Тебе, но не смогли этого сделать своими силами и, по моим слухам, испробовали это средство: они были охвачены желанием не-

[1] Похоть плоти, похоть очей и гордость житейская (1 Ин 2, 16).

[2] Пс 30, 23.

обычных видений и по заслугам оказались жертвой собственных вымыслов. Они искали Тебя, кичась своей наукой, гордо выпятив грудь, а не смиренно ударяя в нее; они привлекли себе, по сходству сердец, в товарищи и помощники своей гордости «духов воздуха»[1], которые и обманули их силами магии. Они искали посредника, который бы очистил их, но его не было: был «диавол, принявший вид ангела света»[2]. И гордая плоть их особенно соблазнялась тем, что у него не было плотского тела!

Были они смертные и грешники, Ты же, Господи, примирения с Кем они гордо искали, бессмертен и безгрешен. И посреднику между Богом и людьми надлежало в чем-то уподобиться Богу, в чем-то уподобиться людям; подобный во всем людям, он был бы далек от Бога; подобный во всем Богу, он был бы далек людям и, следовательно, не мог стать посредником. У того же, мнимого, посредника (тайным судом Твоим определено через него посрамлять гордость, как она того и заслужила) есть одно общее с людьми — грех. Ему, однако, желательно казаться, что есть у него и нечто общее с Богом: не будучи облечен смертной плотью, он и хвалится

[1] Еф 2, 2.
[2] 2 Кор 11, 14.

бессмертием. А так как «возмездие за грех — смерть»[1], то объединяет его с людьми как раз то, за что вместе с ними он и осужден на смерть.

XLIII

68. Истинный же Посредник, Которого в таинственном милосердии Твоем явил Ты людям, послав к ним, чтобы на Его примере научились они настоящему смирению, «Посредник между Богом и людьми, человек Христос Иисус»[2], встал между смертными грешниками и Бессмертным и Праведным — смертный, как люди, праведный, как Бог. А так как награда праведности — жизнь и мир, то праведностью, соединявшейся с Богом, он изгнал смерть для оправдания грешников, пожелав приобщиться к ней вместе с ними. Он явлен был древним святым, дабы они спаслись верой в будущие страдания Его, как спасены мы верой в бывшие. Как человек, Он посредник, а как Слово, Он не стоит посередине, ибо Он равен Богу, Он Бог у Бога и единый Бог вместе с Богом.

69. Как же полюбил Ты нас, добрый Отец, что Сына Своего единственного не пожалел и предал Его за нас, нечестивых. Как полюбил Ты нас, за

[1] Рим 6, 23.
[2] 1 Тим 2, 5.

которых Он, «не почитая хищением быть равным Богу, смирил Себя, быв послушным даже до смерти крестной»[1]. Он единственно «свободный среди мертвых», «имеющий власть отдать душу Свою» и «власть опять принять ее»[2]. Он за нас пред Тобой победитель и жертва; и победитель потому, что жертва; Он за нас пред Тобой первосвященник и приношение, и первосвященник потому, что приношение; Он сделал нас из рабов сыновьями Тебе, от Тебя рожденный, нам послуживший.

По справедливости крепко надеюсь на Него: Ты исцелишь все недуги мои через Того, Кто сидит одесную Тебя и ходатайствует за нас пред Тобою. Иначе я впал бы в отчаяние: многочисленны и тяжки недуги мои, многочисленны и тяжки, но сильнее врачевание Твое. Мы могли бы думать, что Слово Твое так далеко от человека, что не может соединиться с ним, и пришли бы в отчаяние, если бы «Оно не стало плотью и не обитало бы среди нас»[3].

70. Ужаснувшись грехов моих, под бременем нищеты моей, задумал я в сердце своем бежать в пустыню, но Ты удержал и укрепил меня, говоря: «Христос для того умер за всех, чтобы живущие не для себя жили, но для Того, Кто умер за всех».

[1] Флп 2, 6–8.
[2] Ин 10, 18.
[3] Ин 1, 14.

Вот, Господи, я слагаю на Тебя свою заботу, да живу и «увижу чудеса закона Твоего»[1]: Ты знаешь невежество мое и слабость мою: научи меня и исцели меня. Твой единственный Сын, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»[2], выкупил меня Своей Кровью. Пусть не клевещут на меня гордецы: я думаю о моем выкупе, когда принимаю и раздаю Причастие. Я, бедный, желаю насытиться вместе с теми, кто принимает и насыщается: «И восхвалят Господа, кто ищет Его»[3].

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

I

1. Ужели, Господи, Ты, чей удел вечность, не знаешь того, о чем я Тебе говорю? Или то, что совершается во времени, Ты видишь в то же самое время? Зачем же я Тебе столько рассказываю и так подробно? Не затем, разумеется, что-

[1] Пс 118, 18.
[2] Кол 2, 3.
[3] Пс 21, 27.

бы Ты от меня об этом узнал, но чтобы возбудить
и в себе и в тех, кто это читает, любовь к Тебе, да скажем все: «Велик Господь и достохвален»[1]. Я уже сказал и еще скажу: я делаю это из любви к любви Твоей. Мы ведь молимся, хотя истина и говорит: «Знает Отец ваш, в чем имеете нужду, прежде чем вы попросите у Него»[2]. Наши чувства к Тебе раскрываем мы, исповедуя Тебе несчастья наши и милости Твои: доверши освобождение наше, Тобой начатое; да перестанем быть несчастными в себе, да будем в Тебе счастливы. Ты ведь призывал нас стать нищими духом, кроткими, плачущими, алчущими и жаждущими правды, милостивыми, чистыми сердцем, миротворцами[3]. Вот и рассказал я Тебе много: что мог и что хотел. Ты ведь первый захотел, чтобы я исповедался Тебе, Господу Богу моему, «ибо Ты добр, ибо навеки милость Твоя»[4].

II

2. Когда же мне довольно будет сообщать языком пера о всех увещаниях Твоих, о всех угрозах

[1] Пс 144, 3.
[2] Мф 6, 8.
[3] Мф 5, 3–9.
[4] Пс 117, 1.

Твоих, об утешениях и руководствах, которыми привел Ты меня проповедовать слово Твое и раздавать тайны Твои народу Твоему? А если и довольно будет сообщить всё по порядку, то дорого ведь мне стоит каждая капля времени. Давно уже горит сердце мое размышлять о законе Твоем и тут показать Тебе свое знание и свою неопытность, первые проблески Твоего света и оставшиеся тени мрака, пребывающего во мне, доколе не поглотит сила Твоя немощь мою. Я не хочу растрачивать на другое часов, остающихся свободными от необходимых забот о себе, от умственного труда, от услуг людям, обязательных и необязательных, но все-таки мною оказываемых.

3. Господи Боже мой, внемли молитве моей; по милости Твоей услышь желание мое; оно кипит во мне не только ради меня: я хочу от него пользы любимым братьям; и Ты видишь в сердце моем, что это так. Да послужу Тебе мыслью и словом, да принесу их в жертву Тебе: дай, что предложить Тебе, ибо «нищ я и беден, но Ты богат для всех, призывающих Тебя»[1], свободный от забот, Ты заботишься о нас. Отсеки всякое неразумие и всякую ложь во мне и вне меня, на устах моих. Да пребудет Писание Твое чистой усладой моей, да не впаду в заблуждение через

[1] Пс 85, 1; Рим 10, 12.

него, да не введу им в заблуждение. Внемли, Господи, и сжалься, Господи Боже мой, свет слепых и сила немощных, и всегда свет зрячих и сила сильных! Внемли душе моей, услышь «взывающего из бездны»[1]. Если нет в бездне ушей Твоих, куда нам идти? К кому взывать? «Твой день и Твоя ночь»[2], по мановению Твоему пролетают минуты. Одари меня щедро временем для размышлений над тем, что сокрыто в законе Твоем; перед стучащимися не закрывай его. Не напрасно же заставил Ты написать столько страниц, повитых глубокой тайной. Разве в лесах этих нет своих оленей, которые приходят туда укрываться, отдохнуть, походить, попастись, полежать и пожевать жвачку. О, Господи, доведи меня до разумения и открой мне эти страницы. Голос Твой — радость моя; голос Твой дороже всех наслаждений. Дай, что я люблю: ведь я люблю. И любить Ты дал мне. Не оставляй даров Твоих, не презри жаждущую былинку Твою. Да исповедую Тебе всё, что найду в книгах Твоих, да «услышу глас хвалы», буду впивать Тебя и созерцать «чудеса закона Твоего»[3] от начала, когда

[1] Пс 129, 1.
[2] Пс 73, 16.
[3] Пс 25, 7; ср. 118, 18.

создал Ты землю и небо, и до вечного царства, с Тобой во святом граде Твоем.

4. Умилосердись, Господи, услышь желание мое. Мне не надо ничего земного: ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни изукрашенных одежд, ни почестей, ни высоких званий, ни плотских наслаждений, и даже того, что нужно телу в этом нашем житейском странствии, — всё это «приложится нам, ищущим Царства Божия и правды его»[1]. Взгляни, Господи, откуда у меня это желание. «Рассказывали мне беззаконные о наслаждениях своих; они не таковы, как от закона Твоего, Господи»[2]. Вот откуда желание мое. Взгляни, Отец, посмотри и одобри: да обрету милость у Тебя перед лицом милосердия Твоего, да откроется на мой стук сокровенное в словах Твоих. Молю Тебя во имя Господа нашего Иисуса Христа, Сына Твоего, сидящего одесную Тебя, Сына Человеческого, Которого Ты доставил посредником между Тобой и нами, через Которого Ты искал нас, не искавших Тебя, чтобы мы искали Тебя; во имя Слова Твоего, через Которое Ты создал всё, в том числе и меня; во имя Единственного Твоего, через Которого Ты усыновил верующих, в том числе и меня; умоляю Тебя во

[1] Мф 6, 33.
[2] Ср. Пс 118, 85.

имя Его, сидящего одесную Тебя, нашего Ходатая, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и ведения»[1], которых ищу я в книгах Твоих. Моисей писал о нем; Он сам это говорит; истина это говорит.

III

5. Дай мне услышать и понять, каким образом Ты сотворил в начале небо и землю. Написал это Моисей, написал и ушел, перешел отсюда — от Тебя к Тебе, и нет его сейчас передо мною. Если бы он был тут, я ухватился бы за него и просил и заклинал Тобою раскрыть мне эти слова, я ловил бы своим телесным слухом звуки, лившиеся из уст его. Если бы он говорил по-еврейски, его голос напрасно стучался бы в уши мои и разума моего ничто бы не коснулось. Если же по-латыни, я понял бы, что он говорит. Но откуда бы я узнал, правду ли он говорит? А если бы и это узнал, то разве от него бы узнал? Внутри, конечно, внутри меня, в обители размышлений моих истина, не нуждающаяся ни в еврейском, ни в греческом, ни в латинском, ни в варварском языке, сказала бы мне беззвучно, не языком и не устами: «Он истину говорит», и я тотчас же, в полной

[1] Кол 2, 3

уверенности сказал бы человеку Твоему: «Ты истину говоришь». А так как я не могу его спросить, то прошу Тебя, Истина (он говорил истину, ею исполненный), прошу Тебя, Боже мой, «не подстерегай грехов моих»[1]. Ты, давший рабу Твоему сказать эти слова, дай и мне их понять.

IV

6. Вот земля и небо; они кричат о том, что они созданы; ибо они меняются и облик их различен. В том же, что не сотворено и, однако, существует, в том нет ничего, чего не было раньше, то есть нет изменения и различия. Кричат они также, что не сами они себя создали: «Мы существуем потому, что мы созданы: нас ведь не было, пока мы не появились; и мы не могли возникнуть сами собой». И самой очевидностью подтвержден этот голос. Итак, Господи, Ты создал их; Ты прекрасен — и они прекрасны; Ты добр — и они добры; Ты Сущий — и они существуют. Они не так прекрасны, не так добры и не так существуют, как Ты, их Творец. По сравнению с Тобой они не прекрасны, не добры и их не существует. Мы знаем это и благодарим за это Тебя; наше знание, по сравнению с Твоим знанием, невежество.

[1] Иов 14, 16.

V

7. Как же создал Ты небо и землю, каким орудием пользовался в такой великой работе? Ты ведь действовал не так, как мастер, делающий одну вещь с помощью другой. Душа его может по собственному усмотрению придать ей тот вид, который она созерцает в себе самой внутренним оком. А почему может? Только потому, что Ты создал ее. И она придает вид веществу, уже существующему в каком-то виде, например земле, камню, дереву, золоту и тому подобному, а если бы Ты не образовал всего этого, откуда бы оно появилось? Мастеру тело дал Ты; душу, распоряжающуюся членами его тела, — Ты; вещество для его работы — Ты; талант, с помощью которого он усвоил свое искусство и видит внутренним зрением то, что делают его руки, — Ты; телесное чувство, которое объясняет и передает веществу требование его души и извещает ее о том, что сделано, — Ты; пусть она посоветуется с истиной, которая в ней живет и ею руководит, хороша ли работа. И всё это хвалит Тебя, Создателя всего. Но как Ты это делаешь? Каким образом, Боже, создал Ты землю и небо? Не на небе же, конечно, и не на земле создавал Ты небо и землю, не в воздухе и не на водах: они ведь связаны с небом и с землей. И не во вселенной создал Ты

вселенную, ибо не было ей, где возникнуть, до того, как возникло, где ей быть. И ничего не держал Ты в руке Своей, из чего мог бы сделать небо и землю. И откуда могло быть у Тебя вещество, которого Ты не сделал раньше, чтобы потом сделать из него что-то? Всё, что есть, есть только потому, что Ты есть. Итак, Ты сказал, «и явилось», и создал Ты это словом Твоим[1].

VI

8. А каким образом Ты сказал? Так ли, как тогда, когда из облака раздался Твой голос: «Это Сын Мой возлюбленный»[2]? Этот голос прозвучал и отзвучал; заговорил и умолк. Слоги прозвучали и исчезли: второй после первого, третий после второго, и так по порядку до самого последнего, после которого наступило молчание. Из этого явствует, что их произвело движением своим создание Твое временное, но послужившее вечной воле Твоей, — и эти слова Твои, сказанные во времени, наружное ухо сообщило разуму, который внутренним ухом прислушивается к вечному слову Твоему. И он, сравнив те, во времени прозвучавшие слова, с вечным сло-

[1] Пс 32, 9.
[2] Мф 3, 17.

вом Твоим, пребывающим в молчании, сказал: «Это другое, совсем другое, эти слова меньше меня, да их вообще и нет, они бегут и исчезают; слово же Бога моего надо мной и пребывает вовеки»[1]. Итак, если словами, прозвучавшими и исчезнувшими, повелел Ты быть небу и земле, если таким образом создал Ты небо и землю, то, значит, раньше земли и неба было уже существо, обладающее телом, чей голос, вызванный временным усилием, и пронесся во времени. Никакого, однако, тела раньше земли и неба не было, а если и было, то, конечно, не голосом преходящим создал Ты его, дабы потом создать преходящий, которым и повелел появиться небу и земле. А что это за существо, которое могло издать такой голос? Если бы Ты его не создал, его вообще бы не было. Какое же слово было Тобой сказано, чтобы появилось тело, произнесшее эти слова?

VII

9. Так зовешь Ты нас к пониманию Слова-Бога, пребывающего с Богом[2]; извечно произносится оно и через него всё извечно произнесено.

[1] Ис 40, 8.
[2] Ин 1, 1.

То, что было произнесено, не исчезает; чтобы произнести всё, не надо говорить одно вслед за другим: всё извечно и одновременно. Иначе существовало бы время и изменяемость — не настоящая вечность и не настоящее бессмертие.

Знаю это, Господи, и благодарю Тебя; знаю это, исповедую Тебе, Боже мой, и вместе со мной знает это и благословляет Тебя каждый, кто не остается неблагодарным, узнав несомненную истину. Мы знаем, Господи, знаем, что не быть тем, чем был, и стать тем, чем не был, — это своего рода смерть и рождение. А в Слове Твоем ничто не исчезает, ничто не приходит на смену: оно бессмертно и вечно. И поэтому Словом, извечным, как Ты, Ты одновременно и вечно говоришь всё, что говоришь; возникает всё, чему Ты говоришь возникнуть; Ты создаешь только Словом, и, однако, не одновременно и не от века возникает всё, что Ты создаешь Словом.

VIII

10. Почему же, спрашиваю я, Господи Боже мой? Я как-то это вижу, но не знаю, как выразить. Может быть, всё, что начинает быть и перестает быть, тогда начинает быть и тогда перестает, когда до́лжно ему начаться и перестать, и это известно вечному разуму, в котором ничто не на-

чинается и не перестает быть. Этот разум и есть Слово Твое, а Он есть начало, как нам и сказано[1]. Так говорит Он в Евангелии голосом плоти; эти слова прозвучали во внешнем мире для людских ушей, чтобы им поверили, стали бы искать их в сердце своем и нашли в вечной истине, где Он, добрый, единый Учитель, поучает всех учеников Своих[2]. Там слышу я голос Твой, Господи, говорящий мне: ибо Он говорит с нами. Он, кто учит нас; кто же не учит, тот, если и говорит, не для нас говорит. А кто же учит нас, кроме незыблемой, недвижной истины? Даже когда нас наставляет и существо изменчивое, его уроки всё-таки ведут нас к недвижной истине, где мы и учимся по-настоящему: стоим и слушаем мы его, «радостью радуемся, слыша голос жениха»[3], и возвращаемся туда, откуда мы сами. Потому-то Он и есть «Начало»: если бы Он не пребывал, пока мы блуждали, нам некуда было бы вернуться. Когда мы возвращаемся от заблуждений, мы, конечно, возвращаемся потому, что узнали их, а узнавать их и учит нас Он, ибо Он Начало и говорит нам.

[1] Ср. Ин 8: 25.
[2] Мф 19, 16.
[3] Ин 3, 29.

IX

11. Этим началом Ты и создал, Боже, небо и землю — Словом Твоим. Сыном Твоим, силой Твоей, мудростью Твоей, истиной Твоей: дивным было слово Твое и дивным дело Твое. Кто это поймет? Кто объяснит? Что это брезжит и ударяет в сердце мое, не нанося ему раны? Трепещу и пламенею, трепещу в страхе: я так не похож на Тебя; горю, пламенею любовью: я так подобен Тебе. Мудрость, сама мудрость забрезжила мне, разорвав туман, который вновь окутывает меня, бессильного от этого мрака под грудой мучений моих. «Так ослабела сила моя в нищете»[1], что не могу нести я и хорошее свое, пока Ты, Господи, «милостивый среди всех согрешений моих», не «исцелишь все недуги мои». Тогда выкупишь Ты «из гибели жизнь мою», «увенчаешь меня милостью и милосердием» и насытишь «благами желание мое», ибо «обновится юность моя, как у орла»[2]. «Надеждой спасены мы» и «терпеливо ожидаем»[3], когда исполнятся обещания Твои.

Пусть слушает, кто может, в сердце своем слова Твои; я же воскликну, доверяя пророчеству

[1] Пс 30, 11.
[2] Пс 102, 3–5.
[3] Рим 8, 24–25.

Твоему: «Как величественны дела Твои, Господи, все премудро сделал Ты»[1]. И премудрость Твоя — и есть начало, и этим началом создал Ты небо и землю.

X

12. Разве не обветшали разумом те, кто спрашивает нас: «Чтó делал Бог до того, как создал небо и землю? Если Он ничем не был занят, говорят они, и ни над чем не трудился, почему на всё время и впредь не остался Он в состоянии покоя, в каком всё время пребывал и раньше? Если же у Бога возникает новое деятельное желание создать существо, которое никогда раньше Им создано не было, то что же это за вечность, в которой рождается желание, раньше не бывшее? Воля ведь присуща Богу до начала творения: ничто не могло быть сотворено, если бы воля Творца не существовала раньше сотворенного. Воля Бога принадлежит к самой субстанции Его. И если в Божественной субстанции родилось то, чего в ней не было раньше, то субстанция эта по справедливости не может быть названа вечной; если вечной была воля Бога творить, почему не вечно Его творение?»

[1] Пс 103, 24.

XI

13. Те, кто говорит так, еще не понимают Тебя, Премудрость Божия, просвещающая умы, еще не понимают, каким образом возникло то, что возникло через Тебя и в Тебе. Они пытаются понять сущность вечного, но до сих пор в потоке времени носится их сердце, и до сих пор оно суетно. Кто удержал бы и остановил его на месте: пусть минуту постоит неподвижно, пусть поймает отблеск всегда недвижной сияющей вечности, пусть сравнит ее и время, никогда не останавливающееся. Пусть оно увидит, что они несравнимы: пусть увидит. Что длительное время делает длительным множество преходящих мгновений, которые не могут не сменять одно другое; в вечности ничто не преходит, но пребывает как настоящее во всей полноте; время, как настоящее, в полноте своей пребывать не может. Пусть увидит, что всё прошлое вытеснено будущим, всё будущее следует за прошлым и всё прошлое и будущее создано Тем, Кто всегда пребывает, и от Него исходит. Кто удержал бы человеческое сердце: пусть постоит недвижно и увидит, как недвижная пребывающая вечность, не знающая ни прошедшего, ни будущего, указывает времени быть прошедшим и будущим. Есть ли в руке моей сила описать; может ли язык мой поведать словом о столь великом?

XII

14. Вот мой ответ спрашивающему: «Что́ делал Бог до сотворения неба и земли?». Я отвечу не так, как, говорят, ответил кто-то, уклоняясь шуткой от настойчивого вопроса: «Приготовлял преисподнюю для тех, кто допытывается о высоком». Одно — понять, другое — осмеять. Так я не отвечу. Я охотнее ответил бы: «Я не знаю того, чего не знаю», но не подал бы повода осмеять человека, спросившего о высоком, и похвалить ответившего ложью. Я называю Тебя, Боже наш, Творцом всего творения, и если под именем неба и земли разумеется всё сотворенное, я смело говорю: до создания неба и земли Бог ничего не делал. Делать ведь означало для Него творить. Если бы я знал так же всё, что хочу знать на пользу себе, как знаю, что не было ничего сотворенного до того, как было сотворено!

XIII

15. И если чей-то легкомысленный ум скитается среди образов давних времен и удивляется, почему Ты, Господи, Всемогущий, все создавший и все содержащий, Мастер, создавший небо и землю, не приступил к такому великому делу в течение бесчисленных веков, то пусть

он пробудится и поймет, что удивление его напрасно.

Как могли пройти бесчисленные века, если они не были еще созданы Тобой, Творцом и Учредителем всех веков? Было разве время, Тобой не учрежденное? И как могло оно пройти, если его вовсе и не было? А так как делатель всякого времени — Ты, то если до сотворения неба и земли было какое-то время, то почему можно говорить, что Ты пребывал в бездействии? Это самое время создал Ты, и не могло проходить время, пока Ты не создал времени. Если же раньше неба и земли вовсе не было времени, зачем спрашивать, что́ Ты делал тогда. Когда не было времени, не было и «тогда».

16. Ты не во времени был раньше времен, иначе Ты не был бы раньше всех времен. Ты был раньше всего прошлого на высотах всегда пребывающей вечности, и Ты возвышаешься над всем будущим: оно будет и, придя, пройдет, «Ты же всегда — тот же, и годы Твои не кончаются»[1]. Годы Твои не приходят и не уходят, а наши, чтобы прийти им всем, приходят и уходят. Все годы Твои одновременны и недвижны: они стоят; приходящие не вытесняют идущих, ибо они не проходят; наши годы исполнятся тогда, когда

[1] Пс 101, 28.

их вовсе не будет. «Годы Твои как один день»[1], и день этот наступает не ежедневно, а сегодня, ибо Твой сегодняшний день не уступает места завтрашнему и не сменяет вчерашнего. Сегодняшний день Твой — это вечность; поэтому вечен, как и Ты, Сын Твой, Которому Ты сказал: «Сегодня Я породил Тебя»[2]. Всякое время создал Ты и до всякого времени был Ты, и не было времени, когда времени вовсе не было.

XIV

17. Не было времени, когда бы Ты не создавал чего-нибудь; ведь создатель самого времени Ты. Нет времени вечного, как Ты, ибо Ты пребываешь, а если бы время пребывало, оно не было бы временем.

Что же такое время? Кто смог бы объяснить это просто и кратко? Кто смог бы постичь мысленно, чтобы ясно об этом рассказать? О чем, однако, упоминаем мы в разговоре, как о совсем привычном и знакомом, как не о времени? И когда мы говорим о нем, мы, конечно, понимаем, что это такое, и когда о нем говорит кто-то другой, мы тоже понимаем его слова. Что же такое

[1] 2 Пет 3, 8.
[2] Пс 2, 7.

время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему — нет, не знаю. Настаиваю, однако, на том, что твердо знаю: если бы ничто не проходило, не было бы прошлого времени; если бы ничто не приходило, не было бы будущего времени; если бы ничего не было, не было бы и настоящего времени. А как могут быть эти два времени, прошлое и будущее, когда прошлого уже нет, а будущего еще нет? И если бы настоящее всегда оставалось настоящим и не уходило в прошлое, то это было бы уже не время, а вечность; настоящее оказывается временем только потому, что оно уходит в прошлое. Как же мы говорим, что оно есть, если причина его возникновения в том, что его не будет! Разве мы ошибемся, сказав, что время существует только потому, что оно стремится исчезнуть?

XV

18. И, однако, мы говорим «долгое время», «краткое время», и говорим это только о прошлом и будущем. О сроке, например, в сто лет как в прошлом, так и в будущем мы говорим как о «долгом времени»; «кратким временем» назовем предположительно для прошлого и будущего промежуток дней в десять. Но как может быть

долгим или кратким то, чего нет? Прошлого уже нет, будущего еще нет. Не будем же говорить о прошлом просто «долго», но скажем «было долго», а о будущем: «Будет долго».

Боже мой, Свет мой, не посмеется ли истина Твоя и здесь над человеком? Долгое прошлое стало долгим, когда уже прошло, или раньше, когда было еще настоящим? Оно могло быть долгим тогда, когда было то, что могло быть долгим; но ведь прошлого уже нет — как же долгим может быть то, чего вовсе нет? Не будем, следовательно, говорить: «Долгим было прошлое время»; мы ведь не найдем ничего, что было долгим: прошлое прошло, и его больше нет. Скажем так: «Долгим было это настоящее время», будучи настоящим, оно и было долгим. Оно еще не прошло, не исчезло, и поэтому и было то, что могло быть долгим; когда же оно прошло, то сразу же перестало быть долгим, потому что перестало быть вообще.

19. Посмотрим, душа человеческая, может ли настоящее быть долгим; тебе ведь дано видеть сроки и измерять их. Что ты ответишь мне? Сто лет настоящего времени — это долго? Посмотри сначала, могут ли все сто лет быть в настоящем? Если из них идет первый год, то он и есть настоящее, а остальные девяносто девять — это будущее, их пока нет. Если пойдет второй год, то один окажется уже в прошлом, другой

в настоящем, а остальные в будущем. Возьми как настоящий любой год из середины этой сотни: бывшие до него будут прошлым, после него начнется будущее. Поэтому сто лет и не могут быть настоящим. Посмотри дальше: тот год, который идет, будет ли в настоящем? Если идет первый его месяц, то остальное — это будущее; если второй, то первый — это прошлое, остальных месяцев еще нет. Следовательно, и текущий год не весь в настоящем, а если он не весь в настоящем, то и год не есть настоящее. Двенадцать месяцев составляют год; из них любой текущий и есть настоящее; остальные же или прошлое, или будущее. А, впрочем, и текущий месяц не настоящее; настоящее — это один день; если он первый, то остальные — будущее; если последний, то остальные — прошлое; если любой из средних, он оказывается между прошлыми и будущими.

20. Вот мы и нашли, что долгим можно назвать только настоящее, да и то сведенное до однодневного срока. Расчленим, однако, и его: ведь и один день в целом — не настоящее. Он состоит из ночных и дневных часов; всего их двадцать четыре. По отношению к первому часу остальные — будущее; по отношению к последнему — прошлое; по отношению к любому промежуточному бывшие до него — прошлое; те, которые наступят, — будущее. И самый этот

единый час слагается из убегающих частиц: улетевшие — в прошлом, оставшиеся — в будущем. Настоящим можно назвать только тот момент во времени, который невозможно разделить хотя бы на мельчайшие части, но он так стремительно уносится из будущего в прошлое! Длительности в нем нет. Если бы он длился, в нем можно было бы отделить прошлое от будущего; настоящее не продолжается.

Где же то время, которое мы называем долгим? Это будущее? Мы, однако, не говорим: «оно долгое», ибо еще нет того, что может стать долгим, а говорим: «долго будет». Когда же оно будет? Если в будущем, то как может стать долгим то, чего еще нет? Если же оно станет долгим тогда, когда начнет возникать из будущего, которого еще нет, станет настоящим и окажется как будто тем, что может стать долгим, то ведь это настоящее время всеми вышесказанными словами закричит, что оно не может быть долгим.

XVI

21. И, однако, Господи, мы понимаем, что такое промежутки времени, сравниваем их между собой и говорим, что одни длиннее, а другие короче. Мы даже измеряем, насколько одно время длиннее или короче другого, и отвечаем, что

этот промежуток вдвое или втрое больше или меньше того или что оба равны. Мы измеряем, однако, время, только пока оно идет, так как, измеряя, мы это чувствуем. Можно ли измерить прошлое, которого уже нет, или будущее, которого еще нет? Осмелится ли кто сказать, что можно измерить несуществующее? Пока время идет, его можно чувствовать и измерять; когда оно прошло, это невозможно: его уже нет.

XVII

22. Я ищу, Отец, не утверждаю; Боже мой, помоги мне, руководи мной. Кто решился бы сказать, что трех времен, прошедшего, настоящего и будущего, как учили мы детьми и сами учили детей, не существует; что есть только настоящее, а тех двух нет? Или же существуют и они? Время, становясь из будущего настоящим, выходит из какого-то тайника, и настоящее, став прошлым, уходит в какой-то тайник? Где увидели будущее те, кто его предсказывал, если его вовсе нет? Нельзя увидеть несуществующее. И те, кто рассказывает о прошлом, не рассказывали бы о нем правдиво, если бы не видели его умственным взором, а ведь нельзя же видеть то, чего вовсе нет. Следовательно, и будущее и прошлое существуют.

XVIII

23. Позволь мне, Господи, «Надежда моя»[1], опрашивать и дальше, да не приведут меня в смятение искания мои. Если и будущее и прошлое существуют, я хочу знать, где они. Если мне еще не по силам это знание, то всё же я знаю, что где бы они ни были, они там не прошлое и будущее, а настоящее. Если и там будущее есть будущее, то его там еще нет; если прошлое и там прошлое, его там уже нет. Где бы, следовательно, они ни были, каковы бы ни были, но они существуют только как настоящее. И правдиво рассказывая о прошлом, люди извлекают из памяти не сами события — они прошли, — а слова, подсказанные образами их: прошлые события, затронув наши чувства, запечатлели в душе словно следы свои. Детства моего, например, уже нет, оно в прошлом, которого уже нет, но когда я о нем думаю и рассказываю, то я вижу образ его в настоящем, ибо он до сих пор жив в памяти моей.

Не по сходной ли причине предсказывают будущее? По образам, уже существующим, предчувствуют то, чего еще нет? Признаюсь, Господи, не знаю этого. В точности, однако, знаю,

[1] Пс 70, 5.

что мы обычно предварительно обдумываем будущие действия наши, и это предварительное обдумывание происходит в настоящем, самого же действия, заранее обдуманного, еще нет: оно в будущем. Когда мы приступим к нему и начнем осуществлять предварительно обдуманное, тогда только действие и возникает, ибо тогда оно уже не в будущем, а в настоящем.

24. Каким же образом происходит это таинственное предчувствие будущего? Увидеть можно ведь только то, что есть, а то, что есть, это уже не будущее, а настоящее. И когда о будущем говорят, что его «видят», то видят не его — будущего еще нет, — а, вероятно, его причины или признаки, которые уже налицо. Не будущее, следовательно, а настоящее предстает видящим, и по нему предсказывается будущее, представляющееся душе. Эти представления уже существуют, и те, кто предсказывает будущее, всматриваются в них: они живут в их уме. Пусть пояснением послужит мне один пример, а их множество. Я вижу зарю и уже заранее объявляю, что взойдет солнце. То, что я вижу, это настоящее; то, о чем я объявляю, это будущее; в будущем не солнце — оно уже есть, — а восход его, которого еще нет. Если бы я не представлял себе в душе этот восход, как представляю сейчас, когда о нем говорю, я не смог бы его предска-

зать. Ни заря, которую я вижу на небе, не есть солнечный восход, хотя она ему предшествует; ни воображаемая картина его в душе моей; но то и другое я вижу в настоящем и заранее объявляю, что солнце взойдет. Будущего еще нет, а если его еще нет, то его вообще нет, а если вообще нет, то его и увидеть никак нельзя, но можно предсказать, исходя из настоящего, которое уже есть и которое можно видеть.

XIX

25. Каким образом Ты, правящий миром, Тобою созданным, объясняешь душам будущее? А Ты объяснял его пророкам Своим. Каким же образом объясняешь Ты будущее, Ты, для Которого будущего нет? Или, вернее, через настоящее объясняешь Ты будущее? Ибо того, чего нет, никак невозможно объяснить. Не так остры глаза мои, чтобы рассмотреть, как Ты действуешь, это выше сил моих, не могу постичь сам, но смогу с Твоей помощью, когда Ты подашь ее, сладостный свет внутреннего взора моего.

XX

26. Совершенно ясно теперь одно: ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить

о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени — настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящее будущего. Некие три времени эти существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего — это память; настоящее настоящего — его непосредственное созерцание; настоящее будущего — его ожидание. Если мне позволено будет говорить так, то я согласен, что есть три времени; признаю, что их три. Пусть даже говорят, как принято, хотя это и неправильно, что есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее; пусть говорят. Не об этом сейчас моя забота, не спорю с этим и не возражаю; пусть только люди понимают то, что они говорят, и знают, что ни будущего нет, ни прошлого. Редко ведь слова употребляются в их собственном смысле; в большинстве случаев мы выражаемся неточно, но нас понимают.

XXI

27. Я несколько ранее говорил о том, что мы измеряем время, пока оно идет, и можем сказать, что этот промежуток времени вдвое длиннее другого или что они между собой равны,

и вообще сообщить еще что-то относительно измеряемых нами частей времени. Мы измеряем, как я и говорил, время, пока оно идет, и если бы кто-нибудь мне сказал: «Откуда ты это знаешь?», я бы ему ответил: «Знаю, потому что мы измеряем его; того, что нет, мы измерить не можем, а прошлого и будущего нет». А как можем мы измерять настоящее, когда оно не имеет длительности? Оно измеряется, следовательно, пока проходит; когда оно прошло, его не измерить: не будет того, что можно измерить. Но откуда, каким путем и куда идет время, пока мы его измеряем? Откуда, как не из будущего? Каким путем? Только через настоящее. Куда, как не в прошлое? Из того, следовательно, чего еще нет; через то, в чем нет длительности, к тому, чего уже нет. Что же измеряем мы как не время в каком-то его промежутке? Если мы говорим о времени: двойной срок, тройной, равный другому и так далее в том же роде, то о чем говорим мы, как не о промежутке времени? В каком же промежутке измеряется время, пока оно идет? В будущем, откуда оно приходит? Того, чего еще нет, мы измерить не можем. В настоящем, через которое оно идет? То, в чем нет промежутка, мы измерить не можем. В прошлом, куда оно уходит? Того, чего уже нет, мы измерить не можем.

XXII

28. Горит душа моя понять эту запутаннейшую загадку. Не скрывай от меня, Господи Боже мой, добрый Отец мой, умоляю Тебя ради Христа, не скрывай от меня разгадки; дай проникнуть в это явление, сокровенное и обычное, и осветить его при свете милосердия Твоего, Господи. Кого расспросить мне об этом? Кому с большей пользой сознáюсь я в невежестве моем, как не Тебе? Кому не в тягость огнем пламенеющее усердие мое над Твоим Писанием? Дай мне то, что я люблю; да, я люблю, и это дал мне Ты. Дай, Отец — Ты ведь воистину умеешь «давать дары добрые детям Твоим»[1], — дай мне узнать, над чем я тружусь, и «трудно это в глазах моих»[2], пока Ты не откроешь мне. Молю Тебя ради Христа, во имя Его, Святого среди святых, да никто не мешает мне. «Я верю, потому и говорю»[3]. Вот надежда моя; ради нее и живу, «да увижу красоту Господню»[4]. «Определил Ты дни мои стариться»[5], и они проходят, а как, я не знаю.

[1] Мф 7, 11.
[2] Пс 72, 16.
[3] Пс 115, 1.
[4] Пс 26, 4.
[5] Ср. Пс 38, 6.

А мы только и говорим: «время и время, времена и времена»: «как долго он это говорил»; «как долго он это делал»; «какое долгое время я этого не видел»; «чтобы произнести этот слог, времени требуется вдвое больше, чем для того, краткого». Мы и говорим это и слышим это; сами понимаем и нас понимают. Это яснее ясного, обычнее обычного, и это же так темно, что понять это — это открытие.

XXIII

29. Я слышал от одного ученого человека, что движение солнца, луны и звезд и есть время, но я с этим не согласен. Почему тогда не считать временем движение всех тел? Если бы светила небесные остановились, а гончарное колесо продолжало двигаться, то не было бы и времени, которым мы измеряли бы его обороты? Разве не могли бы мы сказать, в зависимости от того, как шло колесо, равномерно, замедляя свой ход или ускоряя его: эти обороты длились дольше, а те меньше? Разве говоря это, мы говорили бы вне времени? И не было в наших словах долгих и коротких слогов? Одни ведь звучали в течение более длительного, а другие более короткого времени. Господи, дай людям в малом увидеть законы общие для малого и великого. Есть

звезды, светильники небесные, «для знамений и времен дней и годов»[1]. Да, есть, но ни я не скажу, что оборот этого деревянного колесика есть день, ни тот ученый не сможет сказать, что тут времени нет.

30. Я хочу узнать природу и сущность времени, которым мы измеряем движение тел и говорим, например: «Это движение было вдвое длительнее того». Я спрашиваю вот о чем: днем называется не только время, когда солнце находится над землей (этим обусловлена разница между днем и ночью), но и время, за которое оно совершает весь круговорот свой от восхода до восхода, в соответствии с чем мы и говорим: «Прошло столько-то дней», — в это понятие «столько-то дней» включаются и ночи; ночное время не высчитывается отдельно. Полный день, следовательно, определяется движением солнца и его круговоротом от восхода до восхода, и я спрашиваю, что такое день: само это движение; срок, в течение которого оно совершается; или и то и другое?

В первом случае днем оказался бы и один час, если бы солнце могло совершить свой путь за такой промежуток времени; во втором дня вовсе бы не было, если бы один восход солнца

[1] Быт 1, 14.

был отделен от другого кратким промежутком в один час; солнцу пришлось бы для полного дня совершить двадцать четыре круговорота. В третьем случае нельзя назвать днем ни часовой промежуток, за который солнце совершило бы полный свой оборот, ни (допустив, что солнце остановится) такое количество времени, за какое оно обычно совершает весь свой обход от утра до утра. Итак, я не буду спрашивать сейчас, что такое называется днем: я спрашиваю, что такое время, измеряя которым движение солнца, мы говорим: солнце прошло свой путь за промежуток времени вполовину меньший, чем обычно, если оно совершило его за промежуток времени в двенадцать часов. Сравнивая оба времени, мы скажем, что одно вдвое больше другого и что солнце совершает свой обход от восхода до восхода иногда за одно время, иногда за другое, двойное. Пусть же никто не говорит мне, что движение небесных тел и есть время: когда некий человек остановил молитвой солнце, чтобы победоносно завершить битву, солнце стояло, но время шло. Сражение длилось и закончилось в свое время[1]. Итак, я вижу, что время есть некая протяженность. Вижу ли? Не кажется ли мне, что вижу? Ты покажешь мне это, Свет и Истина.

[1] См.: Нав 10, 13.

XXIV

31. Ты велишь мне подтвердить, что время — это движение тел? Нет, не велишь. Что всякое тело может двигаться только во времени, это я слышу. Ты мне это говоришь. А что это самое движение тела есть время, этого я не слышу: не Ты это говоришь. Когда тело начинает двигаться, то я временем измеряю, как долго, от начала движения и до прекращения его, оно находилось в движении. И если я не видел, с какого времени тело начало двигаться, а оно движения не прекращало, и я тоже не увидел, когда оно остановилось, то я не могу измерить продолжительности движения, разве что за время, с какого я это тело увидел, и до того, как перестал его видеть. И если я его вижу длительно, то я могу заявить только, что прошло много времени, не определяя точно его продолжительности, ибо продолжительность определяется сравнением; например: «такой же срок, как и тот» или «срок вдвое больший» и прочее в том же роде. Если же мы сможем отметить место, откуда начинает и где заканчивает свое движение тело или его части, если оно движется словно на токарном станке, то мы сможем сказать, сколько времени продолжалось движение тела или части его от одного места до другого. А раз движение тела — это одно, а то, чем изме-

ряется длительность этого движения, — другое,
то не ясно ли, чему скорее следует дать название времени? И если тело и движется иногда по-разному, а иногда и останавливается, то мы можем измерить временем не только движение, но и остановку, и сказать: «стояло столько же времени, сколько и двигалось» или «стояло вдвое или втрое больше, чем двигалось» и прочее в том же роде, смотря по тому, точно наше исчисление или приблизительно: «больше», «меньше». Время, следовательно, не есть движение тела.

XXV

32. Признаюсь Тебе, Господи, я до сих пор не знаю, что такое время, но признаюсь, Господи, и в другом: я знаю, что говорю это во времени, что я долго уже разговариваю о времени и что это самое «долго» есть не что иное, как некий промежуток времени. Каким же образом я это знаю, а что такое время, не знаю? А может быть, я не знаю, каким образом рассказать о том, что я знаю? Горе мне! Я не знаю даже, чего я не знаю. Вот, Боже мой, я пред Тобою: я не лгу; как говорю, так и думаю. «Ты зажжешь светильник мой, Господи Боже мой, Ты осветишь тьму мою»[1].

[1] Пс 17, 29.

XXVI

33. Разве не правдиво признание души моей, признающейся Тебе, что она измеряет время? Да, Господи Боже мой, я измеряю и не знаю, что́ измеряю. Я измеряю движение тела временем. И разве я не измеряю само время? Когда я измеряю, как долго движется тело и как долго проходит оно путь оттуда сюда, что́ я измеряю, как не время, в течение которого тело движется? А само время чем мне измерять? Более длинное более коротким, подобно тому как мы вымеряем балку локтем[1]? Мы видим, что длительностью краткого слога измеряется длительность долгого: о нем говорится, что он вдвое длиннее. Мы измеряем величину стихотворения числом стихов, длину стиха числом стоп, длину стоп числом слогов и длительность долгих длительностью коротких. Счет этот ведется независимо от страниц (в противном случае мы измеряли бы место, а не время), но по мере того как слова произносятся и умолкают, мы говорим: «Это стихотворение длинное; оно составлено до стольких-то стихов; стихи длинны — в них столько-то стоп; стопы длинны: они растянуты на столько-то слогов; слог долог, он вдвое длиннее короткого». Точ-

[1] Локоть — мера длины, около полуметра.

ной меры времени здесь, однако, нет; может ведь иногда случиться, что стих более короткий, но произносимый более протяжно займет больше времени, чем стих более длинный, но произнесенный быстро. Так и с целым стихотворением, так и со стопой, так и со слогом. Поэтому мне и кажется, что время есть не что иное, как растяжение, но чего? Не знаю; может быть, самой души. Что же я, Господи, измеряю, говоря или неопределенно: «Это время длиннее того», или определенно: «Оно вдвое больше того»? Что я измеряю время, это я знаю, но я не могу измерить будущего, ибо его еще нет; не могу измерить настоящего, потому что в нем нет длительности, не могу измерить прошлого, потому что его уже нет. Что же я измеряю? Время, которое проходит, но еще не прошло? Так я и говорил.

XXVII

34. Будь настойчива, душа моя, напрягай свою мысль сильнее: «Бог помощник наш. Он создал нас, а не мы себя»[1]. Обрати внимание туда, где брезжит заря истины. Вот, представь себе: человеческий голос начинает звучать, и звучит, и еще звучит, но вот он умолк и наступило молчание:

[1] Пс 53, 6; 99, 3.

звук ушел, и звука уже нет. Он был в будущем, пока не зазвучал, и его нельзя было измерить, потому что его еще не было, и сейчас нельзя, потому что его уже нет. Можно было тогда, когда он звучал, ибо тогда было то, что могло быть измерено. Но ведь и тогда он не застывал в неподвижности: он приходил и уходил. Поэтому и можно было его измерять? Проходя, он тянулся какой-то промежуток времени, которым и можно его измерить: настоящее ведь длительности не имеет.

Если, следовательно, можно было измерить тогда, то вот смотри: начинает звучать другой звук и звучит еще и сейчас непрерывно и однообразно; измерим его, пока он звучит. Когда он перестанет звучать, он уйдет и измерять будет нечего. Измерим же точно и скажем, какова его длительность. Но он еще звучит, а измерить его можно только с того момента, когда он начал звучать, и до того, как перестал. Мы, значит, измеряем промежуток между каким-то началом и каким-то концом. Поэтому звук, еще не умолкший, нельзя измерить и сказать, долог он или краток, равен другому, вдвое его длиннее или еще что-нибудь подобное. Когда же он умолкнет, его уже не будет. Каким же образом можно его измерять? И все же мы измеряем время — не то, которого еще нет, и не то, которого уже нет, и не то, которое вовсе не длится, и не то, которое не

дошло еще до своих границ. Мы измеряем, следовательно, не будущее время, не прошедшее; не настоящее, не проходящее — и всё же мы измеряем время.

35. Deus creator omnium («Господь всего создатель») — стих этот состоит из восьми слогов, кратких и долгих, чередующихся между собой; есть четыре кратких: первый, третий, пятый, седьмой; они однократны по отношению к четырем долгим: второму, четвертому, шестому и восьмому. Каждый долгий длится вдвое дольше каждого краткого: я утверждаю это, произнося их: поскольку это ясно воспринимается слухом, то оно так и есть. Оказывается — если доверять ясности моего слухового восприятия, — я вымеряю долгий слог кратким и чувствую, что он равен двум кратким. Но когда один звучит после другого, сначала краткий, потом долгий, как же удержать мне краткий, как приложить его в качестве меры к долгому, чтобы установить: долгий равен двум кратким. Долгий не начнет ведь звучать раньше, чем отзвучит краткий. А долгий — разве я измеряю его, пока он звучит? Ведь я измеряю его только по его окончании. Но, окончившись, он исчезает. Что же такое я измеряю? Где тот краткий, которым я измеряю? Где тот долгий, который я измеряю? Оба прозвучали, улетели, исчезли, их уже

нет, а я измеряю и уверенно отвечаю (насколько можно доверить изощренному слуху), что долгий слог вдвое длиннее краткого, разумеется по длительности во времени. И я могу это сделать только потому, что эти слоги прошли и закончились. Я, следовательно, измеряю не их самих — их уже нет, — а что-то в моей памяти, что прочно закреплено в ней.

36. В тебе, душа моя, измеряю я время. Избавь меня от бурных возражений; избавь и себя от бурных возражений в сумятице своих впечатлений. В тебе, говорю я, измеряю я время. Впечатление от проходящего мимо остается в тебе, и его-то, сейчас существующее, я измеряю, а не то, что прошло и его оставило. Вот его я измеряю, измеряя время. Вот где, следовательно, время, или же времени, я не измеряю.

Что же? Когда мы измеряем молчание и говорим: «Это молчание длилось столько времени, сколько длился этот звук», — разве мы мысленно не стремимся измерить звук, будто бы раздавшийся, и таким образом получить возможность что-то сообщить о промежутках молчания во времени? Молча, не говоря ни слова, мы произносим в уме стихотворения, отдельные стихи, любую речь; мы сообщаем об их размерах, о промежутках времени, ими занятых, и о соотношении этих промежутков так, как если бы

мы всё это произносили вслух. Допустим, кто-то захотел издать продолжительный звук, предварительно установив в уме его будущую длительность. Он, конечно, молчаливо определил этот промежуток времени, запомнил его и тогда уже начал издавать звук, который и будет звучать до положенного ему срока, вернее, он звучал и будет звучать: то, что уже раздалось, конечно, звучало; оставшееся еще прозвучит, и все закончится таким образом: внимание, существующее в настоящем, переправляет будущее в прошлое; уменьшается будущее — растет прошлое; исчезает совсем будущее — и всё становится прошлым.

XXVIII

37. Каким же образом уменьшается или исчезает будущее, которого еще нет? Каким образом растет прошлое, которого уже нет? Только потому, что это происходит в душе, и только в ней существует три времени. Она и ждет, и внимает, и помнит: то, чего она ждет, проходит через то, чему она внимает, и уходит туда, о чем она вспоминает. Кто станет отрицать, что будущего еще нет? Но в душе есть ожидание будущего. И кто станет отрицать, что прошлого уже нет? Но и до сих пор есть в душе память о прошлом. И кто станет отрицать, что настоящее

лишено длительности: оно проходит мгновенно. Наше внимание, однако, длительно, и оно переводит в небытие то, что появится. Длительно не будущее время — его нет; длительное будущее — это длительное ожидание будущего. Длительно не прошлое, которого нет; длительное прошлое — это длительная память о прошлом.

38. Я собираюсь пропеть знакомую песню; пока я не начал, ожидание мое устремлено на нее в целом; когда я начну, то по мере того как это ожидание обрывается и уходит в прошлое, туда устремляется и память моя. Сила, вложенная в мое действие, рассеяна между памятью о том, что я сказал, и ожиданием того, что я скажу. Внимание же мое сосредоточено на настоящем, через которое переправляется будущее, чтобы стать прошлым. Чем дальше и дальше движется действие, тем короче становится ожидание и длительнее воспоминание, пока, наконец, ожидание не исчезнет вовсе: действие закончено; оно теперь всё в памяти. То, что происходит с целой песней, то происходит и с каждой ее частицей и с каждым слогом; то же происходит и с длительным действием, частицей которого является, может быть, эта песня; то же и со всей человеческой жизнью, которая складывается, как из частей, из че-

ловеческих действий; то же со всеми веками, «прожитыми сынами человеческими», которые складываются, как из частей, из всех человеческих жизней.

XXIX

39. Но так как «милость Твоя лучше, нежели жизнь»[1], то вот жизнь моя: это сплошное рассеяние, и «десница Твоя подхватила меня»[2] в Господе моем, Сыне Человеческом, посреднике между Тобой, Единым, и нами, многими, живущими во многом и многим; «да достигну через Него, как достиг меня Он»[3]. Уйдя от ветхого человека и собрав себя, да последую за одним. «Забывая прошлое», не рассеиваясь в мыслях о будущем и преходящем, но сосредоточиваясь на том, что передо мной, не рассеянно, но сосредоточенно «пойду к победе призвания свыше» и услышу «глас хвалы и буду созерцать красоту Твою»[4], которая не появляется и не исчезает. Теперь же «годы мои проходят в стенаниях»[5], и утешение мое Ты, Господи; Ты мой извечный Отец, я же

[1] Пс 62, 4.
[2] Пс 17, 36.
[3] Флп 3, 12.
[4] Пс 25, 7; 26, 4.
[5] Пс 30, 11.

низвергся во время, строй которого мне неведом; мысли мои, самая сердцевина души моей раздираются в клочья шумной его пестротой, доколе не сольюсь я с Тобой, очищенный и расплавленный в огне любви Твоей.

XXX

40. Тогда я встану и утвержусь в Тебе, в образе моем, в истине Твоей. Я не буду больше терпеть от вопросов людей, которые наказаны болезненной жаждой: им хочется пить больше, чем они могут вместить. Они и спрашивают: «Что делал Бог до сотворения мира?» или: «Зачем Ему пришло на ум что-то делать, если раньше Он никогда ничего не делал?». Дай им, Господи, как следует понять, что они говорят, дай открыть, что там, где нет времени, нельзя говорить «никогда». Сказать о ком-нибудь: «он никогда не делал» — значит сказать: «он не делал во времени». Пусть они увидят, что не может быть времени, если нет сотворенного; и пусть прекратят пустословие. Пусть обратятся к тому, что «перед ними»; пусть поймут, что раньше всякого времени есть Ты — вечный Создатель всех времен, что раньше Тебя не было ни времени, ни созданий, если даже есть и надвременные.

XXXI

41. Господи Боже мой, в каких же глубинах скрываются тайны Твои и как далеко от них отбросило меня следствие грехов моих. Исцели глаза мои, да сорадуюсь свету Твоему. Если есть душа, сильная великим знанием и предвидением, которой всё прошлое и будущее знакомо так, как мне прекрасно знакомая всем песня, то это душа удивительная, повергающая в священный трепет: от нее ведь не сокрыто ни то, что прошло, ни то, что еще остается в веках, как не сокрыто от меня, когда я пою эту песню, что и сколько из нее уже спето, что и сколько остается до конца.

Да не придет мне в голову, что Ты, Устроитель вселенной, Устроитель душ и тел, да не придет мне в голову, что Ты знаешь всё будущее и прошлое в такой же мере. Ты постигаешь его гораздо-гораздо чудеснее и гораздо таинственнее. У поющего знакомую песню и слушающего ее настроение меняется в ожидании будущих звуков и при воспоминании о прошлых, и чувства возникают разные. Не так у Тебя, неизменно вечного, воистину вечного Творца умов. И как Ты знал «в начале небо и землю»[1], неизменным знанием Твоим, так

[1] Быт 1, 1.

и сотворил Ты в начале небо и землю единым действием Твоим. Кто это понимает, пусть восхвалит Тебя, и кто не понимает, пусть восхвалит Тебя! О! на каких Ты высотах! И сердца́ смиренных — дом Твой[1]. «Ты поднимаешь поверженных»[2], и не падают те, кого Ты возвысил.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

I

1. Скорбит сильно сердце мое, Господи, в этой скудости жизни моей, когда стучатся в него слова Святого Твоего Писания. Широковещательная речь прикрывает обычно нищету человеческого ума; искание речистее открытия, просьба длительнее ее удовлетворения, стучащая рука утруждена больше получающей. У нас есть обещание: кто извратит его? «Если Бог за нас, кто против нас?»[3] — «Проси́те и полу́чите, ищите

[1] Ср. Ис 57, 15.
[2] Пс 145, 8.
[3] Рим 8, 31.

и найдете, стучите, и отворят вам. Ибо всякий, кто просит, получает, ищущий находит, и стучащему отворят»[1]. Это обещания Твои, и кто же побоится обмана, когда обещает Истина?

II

2. Исповедую высоте Твоей ничтожество языка моего: Ты создал небо и землю — это небо, которое я вижу, и землю, которую попираю; из нее эта земля, которую я ношу[2]. Ты это создал.

Где же, однако, Господи, небо небес, о которых мы слышали в псалме: «Небо небес Господу; землю же дал Он сынам человеческим»[3]. Где это небо, которого мы не видим, перед которым всё, что мы видим, — земля? Этот дольный мир в целости своей — он, впрочем, не всюду целен — получил такую красоту в самых последних созданиях своих. И, однако, перед тем «небом небес» даже небо над нашей землей — земля. И эти оба больших тела действительно земля по сравнению с тем, мне неведомым небом, которое принадлежит Господу, а не «сынам человеческим».

[1] Мф 7, 7–8.
[2] Т. е. человеческое тело.
[3] Пс 113, 24.

III

3. Земля эта «была невидима и неустроенна»[1]; не знаю, что это за глубокая бездна, над которой не было света: она была лишена всякого вида, почему и велел Ты написать: «Тьма была над бездной». Что это означает, как не отсутствие света? Где был бы свет, если бы он был? Он находился бы надо всем и всё озарял. А так как света еще не было, то что означает присутствие тьмы, как не отсутствие света? Над бездной, следовательно, находилась тьма, ибо под ней света не было; это как со звуком: там, где его нет, там молчание. А что значит «там молчание»? То, что там нет звуков.

Не Ты ли, Господи, наставил эту душу, которая Тебе исповедуется? Не Ты ли, Господи, наставил меня: прежде чем Ты придал форму и красоту этой бесформенной материи, не было ничего: ни цвета, ни очертаний, ни тела, ни духа. И всё-таки это не было полное «ничто»: было нечто бесформенное, лишенное всякого вида.

IV

4. Каким же именем назвать это «ничто», чтобы о нем получили какое-то представление умы даже

[1] Быт 1, 2.

не очень острые? Каким-нибудь обычным словом, конечно. А что во всех частях вселенной найдется более близкого к полному отсутствию формы, как не земля и бездна? Находясь на самой нижней ступени творения, они соответственно и менее прекрасны, чем все светящиеся и сверкающие тела вверху. Почему же для обозначения бесформенной материи, которую Ты создал сначала без всякого вида, чтобы потом из нее создать мир, прекрасный видом, не взять мне столь знакомых людям слов, как «земля невидимая и неустроенная»?

V

5. Когда же мысль ищет в этой материи, что в ней доступно уму, она говорит себе: «Это не нечто отвлеченное, как жизнь, как справедливость, ибо это телесная материя, но она и чувственно не воспринимается, ибо в “невидимом и неустроенном” ничего нельзя увидеть и воспринять». Когда это говорит себе человеческая мысль, то к чему сводятся ее попытки? Знать, не понимая, или не понимать, зная?

VI

6. Я же, Господи — если бы исповедать Тебе устами моими и пером моим всё, чему Ты научил

меня об этой материи! — я слышал раньше ее название, не понимая его сути, и рассказывали мне о ней люди, ее тоже не понимавшие. Я мысленно представлял ее в бесчисленном разнообразии видов и, следовательно, не ее представлял. Душа моя кружилась среди беспорядочно перемешанных, отвратительных и страшных форм, но всё-таки форм. Я называл бесформенным не то, что было лишено всякой формы, но имело такую, от которой, явись она воочию, отвратились бы, как от непривычной и нелепой, мои чувства и я бы, по человеческой слабости, пришел в замешательство.

То, что я мысленно себе представлял, было бесформенным не по отсутствию всякой формы, но по сравнению с формами более красивыми. Здравый разум убеждал меня совлечь начисто всякий остаток формы, если я мысленно хочу представить бесформенное; но я не мог. Я скорее счел бы лишенное всякой формы просто несуществующим, чем мысленно представил себе нечто между формой и «ничто»: нечто не имеющее формы, но и не «ничто», — почти бесформенное «ничто».

Ум мой перестал тогда допрашивать воображение, полное образами тел, имевших формы, которые оно произвольно изменяло и разнообразило. Я направил внимание на самые тела, глубже оглядывался в их изменчивость: исчезает то, чем они были, и возникает то, чем они не

были. Я начал подозревать, что этот самый переход из одной формы в другую совершается через нечто бесформенное, не через совершенное «ничто», — и захотел знать, а не только подозревать.

Если бы мой голос и стиль исповедали Тебе всё, что Ты распутал мне в этом вопросе, то у кого из моих читателей хватит терпения всё это обдумать? Не перестанет, однако, сердце мое воздавать Тебе честь и воспевать хвалу за то, о чем оно не в силах поведать.

Итак, изменчивое в силу самой изменчивости своей способно принимать все формы, через которые, меняясь, проходит изменчивое. Что это такое? Душа? Тело? Некий вид души или тела? Если бы можно было о ней сказать: «ничто, которое есть нечто» и «есть то, чего нет», — я так и сказал бы. И всё же она как-то была, дабы могло возникнуть видимое и устроенное.

VII

7. Откуда же это «как-то была», как не от Тебя, от Которого всё существующее, поскольку оно существует? Только чем оно с Тобой несходнее, тем оно дальше от Тебя, — и не о пространстве тут речь.

Господи, Ты не бываешь то одним, то другим, то по-одному, то по-другому: Ты всегда то же

самое, то же самое, то же самое — святой, святой, святой, Господь Всемогущий, Ты создал нечто из «ничего», Началом, которое от Тебя, Мудростью Твоей, рожденной от субстанции Твоей. Ты создал небо и землю не из Своей субстанции: иначе Творение Твое было бы равно Единородному Сыну Твоему, а через Него и Тебе. Никоим образом нельзя допустить, чтобы Тебе было равно то, что не от Тебя изошло. А кроме Тебя, Боже, Единая Троица и Троичное Единство, не было ничего, из чего Ты мог бы создать мир. Ты и создал из «ничего» небо и землю, нечто великое и нечто малое, ибо Ты всемогущ и добр и потому сотворил всё добрым: великое небо и малую землю. Был Ты и «ничто», из которого Ты и создал небо и землю: два тела, одно близкое к Тебе, другое близкое к «ничто»; одно, над которым пребываешь Ты; другое, под которым ничего нет.

VIII

8. «Небо небес» Твое, Господи; земля же, которую Ты дал «сынам человеческим», которую можно видеть и трогать, была не такой, какую мы сейчас видим и трогаем. Она была невидима и неустроенна: это была бездна, над которой не было света: «тьма закрывала бездну», то есть была еще большей, чем в бездне. В бездне вод, ставших уже

видимыми, даже на глубине есть своеобразный свет, как-то ощущаемый рыбами и гадами, ползающими по дну; тогда же всё целиком было почти «ничто», потому что было совсем бесформенно и, однако, уже могло принять форму.

Ты же, Господи, создал мир из материи бесформенной, которую, почти «ничто», создал из «ничего», чтобы из этого создать великое, чему изумляемся мы, сыны человеческие. Так изумительно это зримое небо, эта твердь между водой и водой, которой Ты сказал на второй день после создания света: «да будет» — и стало так. Эту твердь Ты назвал небом, но небом для этой земли и моря, которые Ты создал в третий день, дав зримый облик бесформенной материи, созданной до всех дней. И небо Ты создал до всех дней, но только «небо этих небес», ибо в начале создал Ты небо и землю.

Земля же эта, Тобою созданная, была бесформенной материей[1], была «невидима, неустроенна, и тьма была над бездной». Из этой невидимой и неустроенной земли, из этого бесформенного, этого почти «ничто» Ты и создал всё то, из чего этот изменчивый мир состоит, но не сто́ит он, это воплощение самой изменчивости. Она и позволяет чувствовать время и вести

[1] Прем 11, 18.

ему счет, ибо время создается переменой вещей: разнообразно в смене обликов то, чему материалом послужила упомянутая «невидимая земля».

IX

9. Поэтому Дух, поучающий слугу Твоего, напомнив, что Ты сотворил в начале небо и землю, молчит о времени, ни слова не говорит о днях. И действительно, «небо небес», которое Ты создал в начале, есть мир духовный. Он ни в коем случае не извечен, как Ты, Троица, но все же причастен Твоей вечности. В сладостном счастье созерцать Тебя он не позволяет себе изменяться. Не зная падений, от самого времени сотворения своего прильнувший к Тебе, он находится вне круговой смены скользящего времени. И это бесформенное нечто, «земля невидимая и неустроенная», находилось также вне времени. Где нет никакого облика, никакого порядка, где ничто не приходит и не уходит, нет, конечно, ни дней, ни смены времен.

X

10. О истина, свет моего сердца, пусть не говорит со мной темнота моя! Я скатился в нее, и меня обволокло тьмой, но и там, даже там я так любил Тебя. Я скитался и вспомнил Тебя.

«Я услышал за собой голос Твой»[1] и приказ вернуться, но едва услышал его в свалке тех, кто не знает мира. И теперь вот, в поту, задыхаясь, возвращаюсь к источнику Твоему. Пусть никто не отгоняет меня: из него буду пить, им буду жить. Да не в себе найду жизнь свою: я плохо жил собой, смертью был я себе: в Тебе оживаю. Говори со мной, наставляй меня. Я поверил книгам Твоим, но слова их — великая тайна.

XI

11. Ты сказал мне уже, Господи, громким голосом во внутреннее ухо мое, что Ты вечный, «единый, имеющий бессмертие»[2], ибо не меняешься Ты ни в облике, ни в движении, и не разной по времени бывает воля Твоя. Воля, желающая то одного, то другого, не может быть бессмертной. Это ясно мне «пред лицом Твоим»[3] и да проясняется, прошу Тебя, всё больше и больше: да пребуду я в откровении этом смиренно под крылами Твоими.

Также сказал Ты мне, Господи, громким голосом во внутреннее ухо мое, что все создания

[1] Ис 30, 21.
[2] 1 Тим 6, 16.
[3] Пс 78, 11.

и все субстанции, которые не то, что Ты, но которые всё же существуют, созданы Тобой; не от Тебя только то, что не существует. Уклонение воли от Тебя, Сущего, к тому, что существует ущербно, тоже не от Тебя; такое уклонение есть проступок и грех — но ничей грех не вредит Тебе и не разрушает порядка в твоем Царстве, ни на небесах, ни на земле. Это ясно мне «пред лицом Твоим» и да проясняется, прошу Тебя, все больше и больше; да пребуду я в откровении этом смиренно под крылами Твоими.

12. Также сказал Ты мне, Господи, громким голосом во внутреннее ухо мое, что не извечны и те создания, для которых Ты единственная радость. Упиваясь Тобой в неколебимой чистоте, нигде и никогда не выявляя изменчивость свою, всегда в присутствии Твоем, всей любовью привязанные к Тебе, не ожидая будущего, не переправляя в прошлое воспоминаний, они не подлежат сменам перемен и не разбрасываются во времени. Блаженны эти создания, причастные блаженству Твоему, блаженны потому, что вечно обитаешь Ты с ними и просвещаешь их. Не знаю, что вернее назвать «небом небес для Господа», как не эту обитель Твою, эти чистые умы, единые и согласные, в нерушимом мире святых духов созерцающие сладость

Твою, без единого поползновения уйти, — этих граждан града Твоего на небесах выше нашего неба.

13. Теперь да поймет душа, которую далеко завело ее странствие, что если она жаждет Тебя и если «слезы стали ей хлебом, когда ежедневно говорят ей: "Где Бог Твой?"»[1]; если просит она «у Тебя одного и одного ищет» — поселиться «в доме Твоем на все дни жизни своей»[2] (а что ее жизнь, как не Ты? а что дни Твои, как не вечность, как и «годы Твои, которые не истощаются», ибо «Ты всегда тот же»[3]), — да поймет же душа, которая это может, как высоко стоишь Ты, вечный, над всеми временами, если и обитающие в жилище Твоем и не ушедшие странствовать, хотя и не извечны, как Ты, но не знают смены времен, находясь в общении с Тобой непрерывном и неразрывном. Это ясно мне «пред лицом Твоим» и да проясняется, прошу Тебя, все больше и больше; да пребуду я, получив это откровение, смиренно под крылами Твоими.

14. Не знаю, какая бесформенная материя возникает при изменениях в самом последнем

[1] Пс 41, 4.
[2] Пс 26, 4.
[3] Пс 101, 27–28.

и низком. И кто осмелится сказать мне, кроме человека, который в пустоте сердца скитается и кружится среди созданий собственного воображения, — кто, кроме такого человека, осмелится сказать мне, что смена времен возможна при умалении и полном исчезновении всякой формы, когда останется одна бесформенная материя, которая позволяет одной форме изменяться и переходить в другую? Это вовсе невозможно, потому что без разнообразия в движении нет времени, а где нет никакой формы, нет и никакого разнообразия.

XII

15. Обдумывая это, Боже мой, поскольку Ты позволяешь, поскольку побуждаешь меня стучать и поскольку открываешь стучащему, нашел я, что Ты создал два мира, где нет времени, хотя ни один из них не извечен, как Ты: один устроен так, что в созерцании неослабном, в неизменности постоянной, хотя изменчивый, но неизменный, наслаждается он Твоей вечностью и неизменяемостью; другой был настолько бесформен, что в нем не было ничего, что могло перейти из одной формы движения или покоя в другую, то есть не было ничего, что подчинено времени. Ты не оставил этот мир бесфор-

менным, ибо сотворил раньше всякого дня «в начале небо и землю», эти два мира, о которых я говорил.

«Земля же была невидима и неустроенна, и тьма над бездной». Эти слова подсказывают понятие бесформенности и дают возможность постепенно понять их смысл людям, которые не могут представить себе, что и при отсутствии всякой формы что-то есть. Из этой бесформенной материи и возникли другое небо и земля, видимая и устроенная, и вода с ее красотой, и вообще всё, упоминаемое при дальнейшем устроении мира с указанием дней: всё это по свойствам своим подчинено смене времен в силу упорядоченных изменений в движении и форме.

XIII

16. Вот что мне пока стало понятно, Боже мой, когда я слышу, как говорит Писание Твое: «В начале Бог создал небо и землю, земля же была невидима и неустроенна, и тьма была над бездной», не упоминая, в какой день Ты это создал. Стало пока мне понятно, что здесь говорится о «небе небес», «разумном небе», где разуму дано познать всё сразу, а не частично, не «в загадке», не «в зеркале», а полностью, в откровении, «лицом

к лицу»[1]; не познать то одно, то другое, а, как сказано, сразу все, вне всякой смены времен. Не упомянуты дни потому, что земля, невидимая и неустроенная, была вне всякой смены времен, обусловливающей возможность то одного, то другого: там, где нет никакой формы, нигде нет «того» и «другого». Имея в виду, с одной стороны, нечто первоначально организованное, с другой — совершенно бесформенное: то небо, но «небо небес», и эту землю, но землю невидимую и неустроенную, Писание Твое, как стало мне пока понятно, и говорит, не упоминая дней: «В начале сотворил Бог небо и землю», и сразу же добавляет, о какой земле говорится. Упоминая же, что во второй день сотворена твердь, названная небом, оно дает понять, о каком небе раньше, без указания дней, шла речь.

XIV

17. Удивительна глубина слов Твоих! Вот перед нами их поверхность — она улыбается детям, но удивительна их глубина. Боже мой, удивительна глубина! С трепетом вглядываешься в нее, с трепетом почтения и дрожью любви. Ненавижу неистово врагов Писания. О, если бы по-

[1] 1 Кор 13, 12.

губил Ты их мечом обоюдоострым — да не будут они врагами его. Так хочу я, чтобы они погибли для себя, чтобы жить Тобой!

Вот и другие: они не нападают, они восхваляют книгу Бытия и говорят: «Не в том смысле сказал слова эти Дух Божий, написавший это через слугу своего, Моисея, не в том смысле, как ты толкуешь, а в другом, как толкуем мы».

Взяв Тебя посредником, Господь всех нас, отвечаю им так:

XV

18. Вы, пожалуй, скажете, что ложно сказанное мне Истиной громким голосом во внутреннее ухо: воистину вечен Творец; субстанция Его никоим образом не меняется во времени. Его воля слита с его субстанцией? И поэтому Он не хочет то одного, то другого; то, чего Он хочет, Он хочет раз и навсегда, а не по-разному: сейчас это, затем то, потом хочет того, чего не хотел, и не хочет того, чего хотел раньше. Подобная воля — воля изменчивая, а всё изменчивое не вечно; «Бог же наш вечен»[1].

Сочтете вы ложью и то, что сказала мне Истина во внутреннее ухо: ожидание того, что

[1] Пс 47, 15.

придет, становится созерцанием, когда оно пришло; и это созерцание становится воспоминанием, когда ожидаемое прошло; умственная деятельность, столь разнообразная, изменчива и в силу этой изменчивости не вечна. «Бог же наш вечен».

Собираю эти мысли, объединяю их и нахожу, что Бог мой, Бог вечный, основал мир не по какому-то возникшему внове желанию и что в знании его нет ничего преходящего.

19. Что скажете вы, спорщики? Это ложь? «Нет», — говорят они. А что еще? Разве не правда, что вся природа, принявшая форму, и вся материя, способная принять форму, получили свое бытие только от Него, в полной мере благостного, потому что Он в полной мере Сущий? «И этого не отрицаем». Что же еще? Вы отрицаете, что есть некие высокие создания, чистой любовью соединенные с Богом истинным и воистину вечным? Хотя они и не извечны, как Он, но они не удаляются от Него и не соскальзывают в пеструю смену времен, а покоятся в подлинном созерцании Его, Единого, ибо им, кто любит Тебя так, как Ты учишь, Ты, Боже, являешь Себя, и с них этого довольно: они не уклоняются ни от Тебя, ни к себе. Это «дом Божий», не земной, не из плотной небесной массы, а духовный, причастный вечности Твоей, ибо без пятна он

вовеки. Ты учредил его «на веки и веки веков», «положил закон ему», и «он не прейдет»[1]. Он, однако, не извечен, как Ты, имея начало: он ведь был создан.

20. И мы не найдем времени до создания этого дома, ибо «раньше всего создана была мудрость»[2] — не та Мудрость, конечно, которая извечна Тебе, Отцу своему, Боже наш, и Тебе равна и которой всё сотворено; то Начало, которым «создал Ты небо́ и землю», — а мудрость сотворенная, то есть разумная природа, ставшая светом от созерцания света. И она, хотя и сотворенная, называется мудростью, но как свет, который освещает, отличается от света отраженного, так и Мудрость, которая творит, отличается от той, которая сотворена; как правда оправдывающая отличается от правды, восстановленной оправданием. И о нас ведь сказано, что мы оправданы Тобой. Говорит ведь раб Твой: «чтобы мы в Нем сделались праведными перед Богом»[3]. Итак, «раньше всего сотворена была мудрость» — сотворены духи разумные и пребывающие в чистом граде Твоем, у матери нашей, которая «вверху, свободна и вечна

[1] Пс 148, 6.
[2] Сир 1, 4.
[3] 2 Кор 5, 21.

в небесах»[1]. На каких же небесах, как не на тех, которые восхваляют Тебя, на небе небес, которое и есть «небо небес Господа»? И раньше этой мудрости мы не найдем времени, потому что она предшествовала сотворению времени, ибо «раньше всего была сотворена». Прежде нее, однако, был сам вечный Творец, от Которого она и получила начало, хотя и не во времени, ибо времени еще не было, — начало собственного существования.

21. Итак, он от Тебя, Бога нашего, этот мир, совсем иной, чем Ты, не имеющий самостоятельного существования. Не только до него не было времени, но и в нем его нет, ибо способен он всегда взирать на Лицо Твое, никогда от него не отвращаясь. Поэтому нет в нем изменения и перемены, хотя ему свойственна изменчивость, которая могла бы окутать его мраком и холодом, если бы не был он связан с Тобой великой любовью, которой по милости Твоей сияет и горит, словно вечный полдень.

О, залитая светом, прекрасная обитель! «я возлюбил красоту твою и место, где обитает слава»[2] Господа моего, твоего строителя и владельца. О тебе вздыхаю в странствии моем и говорю

[1] Гал 4, 26.
[2] Пс 25, 8.

Тому, Кто создал тебя: да владеет там и мною, ибо и меня ведь создал Он. «Я блуждал, как потерянная овца»[1], но пастырь мой, Зиждитель твой, надеюсь, принесет меня на плечах Своих к тебе.

22. К вам обращаюсь, спорщики, признающие, однако, что и Моисей благочестивый слуга Божий, и книги его продиктованы Святым Духом. Что́ вы мне скажете? Разве это не обитель Божия, не извечная правда, как Бог, но в меру свою «вечная на небесах»[2], где вы напрасно ищете смены времен: вы ее не найдете. Она поднялась над всей длительностью времени, над всем его круговоротом; там всегда «благо прильнуть к Богу»[3]. «Да, она есть», — говорят они. Что же из того, о чем сердце мое «возопило к Богу моему», услышав внутри «голос хвалы»[4] Его, что, утверждаете вы, здесь неправда? Существование бесформенной материи, совершенно неупорядоченной по отсутствию всякой формы? Но при отсутствии всякой упорядоченности не могло быть и смены времен. И, однако, это «почти ничто» (поскольку оно не было совсем «ничто») было,

[1] Пс 118, 176.
[2] 2 Кор 5, 1.
[3] Пс 72, 28.
[4] Пс 25, 7.

конечно, от Того, от Которого есть всё, что есть, поскольку оно хоть как-то есть. «И этого, — говорят они, — мы не отрицаем».

XVI

23. Я хочу кое о чем побеседовать — перед Тобою, Господи, — с теми, которые признают истиной всё то, о чем в душе моей, внутри, не умолчала Истина Твоя. Те же, кто ее отрицает, пусть себе лают сколько хотят, оглушая себя самих. Я попытаюсь их убедить: пусть успокоятся и проложат дорогу слову Твоему к себе. Если же они этого не захотят и оттолкнут меня, молю Тебя, Боже мой, «не будь безмолвен вдали от меня»[1]. Говори по всей истине в сердце моем — только Ты будешь так говорить, — я выгоню их вон: пусть вздымают пыль дыханием своим и засыпают ею глаза свои; да войду «в комнату мою» и воспою Тебе песню любви, стеная «стенаниями неизреченными»[2] в странствии моем. И вспоминая Иерусалим, вознесусь всем сердцем к тебе, Иерусалим, отечество мое, Иерусалим, матерь моя, и к Тебе, царящий в нем и его просвещающий, отец, хранитель, супруг, к его

[1] Пс 27, 1.

[2] Рим 8, 26.

усладам чистым и крепким, к радости прочной, ко всем его несказанным благам, ко всем вместе, ибо Ты единое истинное и высочайшее благо. Да не отвращусь от Тебя, пока Ты не водворишь меня в покое ее, покое дорогой матери, где находятся начатки духа моего, откуда всё мое достоверное знание; пока не соберешь меня, рассеянного, не преобразишь, безóбразного, и не утвердишь в вечности, Боже мой, Милосердие мое.

С теми же, кто не объявляет всех этих истин ложью, кто чтит святые книги Твои, написанные Моисеем, человеком святым, и вместе с нами ставит их выше всех авторитетов, которым надлежит следовать, но тем не менее кое в чем нам возражает, я побеседую так. Ты же, Боже наш, будь посредником между моим исповеданием и возражениями их.

XVII

24. Они говорят: «Это истина, но не то имел в виду Моисей, когда, по откровению Духа, говорил: “В начале Бог создал небо и землю”. Именем неба он обозначил не тот духовный, умный мир, всегда созерцающий лик Божий, а именем земли не бесформенную материю». — «А что?» — «То, что мы говорим, то самое

разумел и этот великий муж, это и выразил в тех словах». — «Что же именно?» — «Именем земли и неба он хотел сначала обозначить, обобщенно и кратко, весь этот видимый мир, чтобы затем, при упоминании дней, распределить, как бы расчленяя по частям, всё, о чем угодно было так возвестить Святому Духу. Люди, составлявшие тот грубый, плотский народ, с которым он разговаривал, были таковы, что, по его суждению, показать им можно было только видимые творения Божии». Они соглашаются, однако, что невидимую и неустроенную землю и темную бездну (последовательно показано, как из этого в те дни создано и устроено всё видимое и общеизвестное) можно, не впадая в противоречия, считать именно бесформенной материей.

25. Что же? Кто-то скажет, что название земли и неба для этой самой бесформенной и хаотической материи было сначала подсказано тем, что этот видимый мир со всеми созданиями, получившими в нем вполне отчетливый облик, из нее сотворенный и доведенный до совершенства, обычно и называют «землей и небом».

Дальше? Кто-то еще скажет, что земля и небо — подходящее название для видимой и невидимой природы, так как оно охватывает в этих двух словах всё, что Бог сотворил Муд-

ростью, то есть Началом. Всё, правда, сотворено не из самой Божественной субстанции, а из «ничего»: творение не имеет самостоятельного существования, как Бог, и ему присуща некая изменчивость, пребывает ли оно, как вечная Божия обитель, или меняется, как душа и тело у человека. Общая для всего созданного, невидимого и видимого, материя, еще бесформенная, но способная принять форму, материя, из которой и будут созданы земля и небо, то есть невидимые и видимые создания, уже принявшие форму, и обозначается этими названиями: «земля невидимая и неустроенная, и тьма над бездной». Тут только та разница: под «землей невидимой и неустроенной» следует понимать материю телесную, еще не оформленную, а под «тьмой над бездной» — духовную материю до того, как был положен предел ее чрезмерной расплывчатости и она была озарена мудростью.

26. Можно еще, пожалуй, при желании сказать, что «земля и небо» обозначают невидимую и видимую природы еще до получения ими совершенной формы. Когда читаем: «В начале Бог создал небо и землю», то этими словами называется еще бесформенный набросок мира, материя, способная принять форму и послужить материалом для творения: мир уже был в ней,

но в состоянии хаотическом, без различия в качествах и формах: упорядоченный и стройный, он и называется небом и землей: первое — мир духовный, вторая — телесный.

XVIII

27. Выслушав всё это и обдумав, я не хочу «спорить о словах: это не приносит никакой пользы, а только расстраивает слушающих»[1]. Для увещания существует «добрый закон, если кто законно им пользуется»[2]: «цель увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры»[3]. Наш Учитель знал, к каким двум заповедям возвести весь закон и пророков. Я с жаром исповедую их. Боже мой, Свет очей моих в темноте, чем же тогда помешает мне то, что эти слова можно понимать по-разному? Истина их несомненна. Чем, говорю я, помешает мне, если я иначе пойму писавшего, чем поймет другой? Все мы, читающие, конечно, силимся усвоить и уследить, что хотел сказать тот, кого мы читаем. Веря в его правдивость, мы не осмеливаемся думать, что он говорил заведомую

[1] 2 Тим 2, 14.
[2] 1 Тим 1, 8.
[3] 1 Тим 1, 5.

ложь. И если каждый старается понять в Священном Писании мысли самого писавшего, то что плохого, если он увидит в них то, что Ты, Свет всех правдивых умов, показываешь ему как истину? Пусть даже тот, кого он читает, имел в виду иное. И он ведь понимал, в чем истина, хотя и понимал по-другому.

XIX

28. Истинно, Господи, что Ты создал небо и землю. Истинно, что Начало есть Мудрость Твоя, которой «Ты сотворил всё»[1]. Истинно также, что в этом видимом мире есть две большие части: небо и земля; этим кратким обозначением охватываются все созданные существа. Истинно, что всё изменяющееся подсказывает нам мысль о чем-то бесформенном, что может принять форму, изменяться и становиться разным. Истинно, что не подвластно времени настолько слившееся с неизменяемой формой, что и будучи изменчиво оно не изменяется. Истинно, что для бесформенного, которое почти «ничто», не может быть смены времен. Истинно, что вещество, из которого какой-то предмет делается, может в переносном смысле получить название по предмету, из

[1] Пс 103, 24.

него сделанному; поэтому и можно было назвать «небом и землей» любую бесформенную материю, из которой созданы небо и земля. Истинно, что из всего принявшего форму ближе всего к бесформенному земля и бездна. Истинно, что не только сотворенное и приобретшее форму, но всё, что могло быть сотворено и могло принять форму, создал Ты, «от Которого всё»[1]. Истинно, что всё, получившее форму из бесформенного, было сначала бесформенным, а затем приобрело форму.

XX

29. Из всех истин, в которых не сомневаются те, чьему внутреннему глазу Ты дал это видеть и кто непоколебимо верит, что Моисей, слуга Твой, говорил «в духе истины», — из всех этих истин один выбирает себе слова «в начале Бог создал небо и землю» и толкует их так: «Словом Своим, извечным, как Он Сам, Бог создал мир умопостигаемый и мир чувственный, то есть духовный и телесный». Другой, говоря «в начале Бог создал небо и землю», понимает это иначе: «Словом Своим, извечным, как и Он Сам, Бог создал всю громаду этого телесного мира со всем,

[1] 1 Кор 8, 6.

что мы на нем видим и знаем»; третий, говоря «в начале Бог создал небо и землю», понимает это еще иначе: «словом Своим, извечным, как и Он Сам, Бог создал бесформенную материю для мира духовного и телесного». Четвертый, говоря «в начале Бог создал небо и землю», понимает еще иначе: «Словом Своим, извечным, как и Он Сам, Бог создал бесформенную материю для мира телесного, где еще в смешении находились и небо и земля, которые теперь, как мы видим, получили в громаде этого мира свое место и свою форму». Пятый, говоря «в начале Бог создал небо и землю», понимает это так: «в самом начале Своего дела Бог создал бесформенную материю, содержавшую небо и землю в смешении; получив форму, они выдвинулись из нее и появились со всем, что на них».

XXI

30. То же самое относится и к пониманию следующих слов: «земля же была невидима и неустроенна, и тьма была над бездной». Из всех верных толкований один выбирает себе такое: «то телесное, что создал Бог, было еще бесформенной материей для существ телесных, беспорядочной и неосвещенной». Другой: «земля же была невидима и неустроенна,

и тьма была над бездной» — это значит: всё, что называется небом и землей, было еще бесформенной и темной материей, из которой и созданы наше небо и наша земля со всем, что на них познается телесными чувствами». Третий: «земля была невидима и неустроенна, и тьма была над бездной», это значит: всё, что было названо небом и землей, было еще бесформенной и темной материей, из которой возникли умопостигаемое небо — в другом месте оно называется «небом небес» — и земля, то есть всё телесное, включая сюда и это наше земное небо; иначе говоря, имеется в виду материя, из которой возник весь видимый и невидимый мир. Еще толкование: «земля была невидима и неустроенна, и тьма была над ней». Писание назвало именем неба и земли вовсе не эту бесформенную материю; «землей невидимой и неустроенной и темной бездной» именует оно то бесформенное, уже существовавшее, из чего, как сказано в Писании раньше, Бог создал небо и землю, то есть миры духовный и телесный. Есть и другое толкование: «земля была невидима и неустроенна, и тьма была над бездной», то есть нечто бесформенное было уже материей, из которой Бог, как сказано раньше в Писании, создал небо и землю, то есть всю телесную мировую массу, разделенную на две огромные

части, верхнюю и нижнюю, со всем, что на них создано, известно и привычно.

XXII

31. На два последних мнения кто-нибудь попытался бы, пожалуй, возразить так: если вы не желаете называть эту бесформенную материю «небом и землей», то, значит, было нечто, чего Бог не создал, чтобы из этого создать небо и землю. Писание ведь не рассказывает о создании Богом этой материи, но мы можем думать, что когда сказано было: «в начале Бог создал небо и землю», то словами «небо и земля» или одним словом «земля» именно она и была обозначена, и хотя в словах следующих «земля была невидима и неустроенна» Писанию и было угодно назвать так бесформенную материю, но под ней можно понимать только ту, которую создал Бог; о ней и написано выше: «создал небо и землю». Защитники тех двух мнений, которые я привел последними, или либо одного, либо другого, услышав это, ответят так: мы не отрицаем, что эта бесформенная материя создана Богом, Богом, от Которого «всё очень хорошо», но скажем, что значительно лучше созданное в определенной форме, и признаем менее хорошим, хотя и хорошим, то, в чем только заложена способность

принять определенную форму. Писание не упомянуло, что Бог создал эту бесформенную материю, как не упомянуло и многого другого, например Херувимов, Серафимов и всех тех, кого раздельно называет апостол: «престолы, господства, начальства, власти»[1], — они все, несомненно, созданы Богом. Если слова «создал небо и землю» охватывают всё созданное, то что сказать о водах, «над которыми носился Дух Божий»[2]? Если же под словом «земля» разумеются и воды, то как принять название «земля» для бесформенной материи, когда мы видим, как прекрасны воды? А если это принять, то почему написано, что из этой самой бесформенной материи создана твердь и названа небом, но ничего не написано о создании вод? Они ведь не бесформенны и не скрыты от взора; мы видим, как прекрасны они в своем течении. Если же получили они эту красоту, когда Бог сказал: «да соберется вода, которая под твердью», и в этом собирании они и обрели форму, то что ответить о водах, находящихся над твердью? Бесформенные, они не заслужили бы столь почетного места, но какое слово дало им форму, об этом не написано.

[1] Кол 1, 16.
[2] Быт 1, 2.

Поэтому, если Бытие и молчит о некоторых творениях Божиих (а то, что они сотворены Богом, не станет оспаривать ни правая вера, ни твердый разум), то ни одно здравое учение не осмелится сказать, что эти воды извечны, как Бог, на том основании, что они упомянуты в книге Бытия, но мы не найдем указания, когда они сотворены. Почему же эту бесформенную материю, которую Писание называет «землей невидимой и неустроенной и мрачной бездной», не считать нам, как тому учит истина, созданной Богом из «ничего» и поэтому не извечной, как Он, хотя в этом рассказе и пропущено сообщение о времени ее сотворения?

XXIII

32. Выслушав эти возражения и вдумавшись в них, насколько хватает моих слабых сил (в этой слабости я исповедуюсь Тебе, Господи, хотя Ты ее и знаешь), я вижу следующее: так как некоторые вести сообщаются правдивыми вестниками с помощью символов, то тут могут возникнуть разногласия двоякого характера: во-первых, относительно истины рассказа; во-вторых, бывает разногласие о том, что хотел сообщить сам вестник. Одно — доискиваться, что истинно в рассказе о сотворении мира, и другое — какого

понимания этих слов у слушателей и читателей хотел Моисей, этот замечательный слуга веры Твоей[1].

Что касается сомнений первого рода, то прочь от меня все, кто принимает ложь за истинное знание. Что касается сомнений второго рода, то прочь от меня все, кто думает, что Моисей говорил ложь. Я хочу быть в Тебе, Господи, вместе с теми, кто питается истиной Твоей в полноте любви, и вместе с ними радоваться в Тебе. Да приступим вместе к словам книги Твоей и будем искать в них намерение Твое через намерение слуги Твоего, перу которого поручил Ты сообщить эти слова.

XXIV

33. Но кто же из нас обнаружит именно это намерение среди стольких истин, допускающих, однако, разное толкование? Кто с такой же уверенностью скажет: «Вот что думал Моисей, и он хочет, чтобы в таком смысле и поняли этот рассказ...», с какой уверенностью говорит: «Рассказ этот правдив, всё равно, так ли думал Моисей или иначе»?

[1] Ср. Евр 3, 5.

Вот, Господи, «я раб Твой»[1]; я принес Тебе в жертву эту исповедь мою и прошу по милосердию Твоему «исполнить обеты мои»[2]; могу ли я с такой же уверенностью, как говорю, что Словом Своим, не знающим изменения, создал ты всё, видимое и невидимое, сказать, что ничего иного не имел в виду Моисей, когда писал: «В начале Бог создал небо и землю»? И если я вижу в свете истины Твоей верность этого, то так ли вижу я и в его уме мысли, с которыми он это писал?

Он мог, сказав «в начале», думать: «в самом начале творения»; мог хотеть, чтобы «земля и небо» были поняты в этом месте не как природа, и духовная и телесная, уже получившая форму и завершение, а как некое еще бесформенное начало той и другой. Я вижу, что оба эти толкования могут быть верными, но что именно имел в виду Моисей, когда писал эти слова, я не вижу с той же ясностью. Для меня несомненно одно: такое ли толкование или какое другое, мною не усмотренное, представлялось уму этого великого человека, когда он произносил эти слова, но он видел истину и возвестил ее подобающим образом.

[1] Пс 115, 7.
[2] Пс 21, 26.

XXV

34. Пусть же никто не надоедает мне, говоря: «Моисей думал не так, как ты говоришь; он думал так, как я говорю». Если бы мне сказали: «Откуда ты знаешь, что Моисей думал именно так, как ты толкуешь его слова?», то я бы обязан был спокойно это выслушать; я бы ответил, может быть, так же, как ответил выше, и даже несколько пространнее, если бы собеседник сдался не сразу. Но когда мне говорят: «Он думал не так, как ты говоришь, а как я говорю», признавая при этом, что и мои слова правильны, — о, Жизнь бедных, Боже мой, в чьем лоне нет противоречий, пролей дождем в мое сердце кротость, чтобы терпеливо переносить мне таких людей. Они говорят со мной так не потому, что вдохновлены свыше и увидели в сердце слуги Твоего то, что говорят, а потому, что они гордецы; они не знают мысли Моисея, они любят свою собственную, и не потому, что она истинна, а потому, что она их собственная. Иначе они бы в равной степени любили и чужую истинную мысль, как я люблю слова их, когда они говорят истину, — люблю не потому, что это их слова, а потому, что это истина, а раз это истина, то она уже не их собственность. Если бы они любили слова

свои, потому что в них истина, слова эти стали бы достоянием их и моим, ибо истиной сообща владеют все, кто любит истину.

Их же утверждение, что Моисей думал не так, как я говорю, а как они говорят, я отвергаю, оно мне противно, даже если это и так: эта смелость не от знания, а от дерзости; его породило не ви́дение, а спесь. Потому, Господи, и надлежит трепетать пред судом Твоим: истина Твоя принадлежит не мне или еще кому-то, а всем нам, кого Ты призываешь к открытому общению в ней. И грозно предупреждение Твое: не держать ее, как собственность, чтобы не лишиться ее. Всякий требующий только себе то, что Тобою предложено всем, желающий сделать своим то, что принадлежит всем, бывает отогнан от общего достояния к своему, то есть от истины ко лжи, ибо кто «говорит ложь, говорит свое»[1].

35. Прислушайся, самый добрый Судья, Боже, сама Истина, прислушайся, что я скажу этому спорщику, прислушайся; я говорю ведь пред Тобой и перед братьями моими, которые «законно пользуются законом»[2], завершая его в любви.

[1] Ин 8, 44.
[2] 1 Тим 1, 8.

Прислушайся и посмотри, угодно ли Тебе, что́ я ему скажу.

Я обращу к нему слово братское и мирное: «Если мы оба видим, что то, что ты говоришь, истина, и оба видим, что то, что я говорю, — истина, то где, скажи, пожалуйста, мы ее видим? Разумеется, ни я в тебе, ни ты во мне, но оба в той неизменной Истине, которая выше нашего разума. Если мы не спорим об этом свете, исходящем от Господа Бога нашего, зачем спорить нам о мыслях ближнего, если мы не можем видеть их так, как видим неизменную истину. Если бы сам Моисей явился нам и сказал: "Вот что я думал", то ведь мы не увидели бы его мысли, а поверили бы ему. Поэтому "не сверх того, что написано, и не надо одному превозноситься перед другим"[1]. Возлюбим "Господа Бога нашего всем сердцем, всей душой и всем разумением нашим и ближнего нашего, как самого себя"[2]. Ради этих двух заповедей любви Моисей передумал всё передуманное им в этих книгах. Если мы ему не поверим, то мы сделаем лжецом Господа, предположив у раба Его намерения иные, чем те, в которых наставил его Господь. Посмотри же, как глупо при таком обилии бесспорно истинных мыслей, которые

[1] 1 Кор 4, 6.

[2] Мф 22, 37–39.

можно извлечь из этих писаний, безрассудно утверждать, что именно было главной мыслью Моисея, и опасными спорами оскорблять самое любовь, во имя которой всё сказано тем, чьи слова мы пытаемся объяснить!»

XXVI

36. И однако, Боже мой, Ты, Который поднимаешь меня, смиренного, даешь отдых труждающемуся, Ты, Который слушаешь исповедь мою и отпускаешь грехи мои, Ты велишь ведь мне любить ближнего, как самого себя. Поэтому я не могу поверить, чтобы Моисей, вернейший слуга Твой, получил от Тебя дар меньший, чем просил бы и хотел получить я, если бы родился в его время, и Ты поставил бы меня на это же место: в служении сердцем и словом дать людям эти книги, на пользу всем народам, на столько веков, на преодоление в целом мире всех лживых и гордых учений высотой своего авторитета. Я хотел бы, будь я тогда Моисеем — все мы «из того же вещества», и «что такое человек, если Ты не вспомнишь его»[1], — будь я тогда тем же, что он, и поручи Ты мне написать книгу Бытия, я хотел бы получить от Тебя такую силу слова

[1] Пс 8, 5.

и такое умение ткать речи, чтобы и те, кто еще не в силах понять, каким образом творит Бог, не могли бы отвергнуть слов моих, ссылаясь на то, что они превосходят их разумение; те же, кто это уже может, находили бы в кратких словах слуги Твоего любую верную мысль, до которой они дошли собственным размышлением. А если бы кто увидел в свете истины и другую мысль, то и ее можно было бы усмотреть в этих словах.

XXVII

37. Как источник обильнее водой в маленькой котловинке своей и множеством ручьев орошает пространство более широкое, чем любой из этих ручьев, который, выйдя из этого источника, проходит по многим местам, так и рассказ возвещающего слова Твои, который послужит многим говорунам, струит узенькой струйкой потоки чистой истины, откуда каждый в меру своих сил извлекает один одну истину, другой другую, чтобы затем влачить ее по долгим словесным извивам.

Одни, читая или слушая эти слова, представляют себе Бога как бы человеком или хотя бы неким громадным телом, которое наделено неограниченной силой; по неожиданному и внезапному решению Он создал вне себя, как

бы на расстоянии, небо и землю, два больших тела, одно вверху, другое внизу, где всё и находится. Когда они слышат: «Бог сказал: да будет это, и стало так», то они думают о словах, имевших начало и конец, прозвучавших во времени и умолкнувших; они умолкли, и возникло всё, чему повелено было возникнуть. Таковы и другие, подобные же мнения, подсказанные привычкой к телесному.

Совсем еще маленькие дети, они в своей слабости успокаиваются на этих самых простых понятиях, как на материнской груди; у них, однако, построено здание здравой веры: они твердо стоят на том, что Бог создал всю природу, во всем ее удивительном разнообразии, которое воспринимают они своими чувствами. Если же кто из них, исполнившись презрения к этим будто бы дешевым мыслям, высунется в своей глупой гордости из уютной колыбели — увы! — несчастный падает, и, Господи Боже, сжалься, не дай прохожим растоптать неоперившегося птенца, пошли Ангела Твоего, чтобы он положил его обратно в гнездо: пусть живет там, пока не научится летать!

XXVIII

38. Другие, для которых эти слова уже не гнездо, а тенистый сад, видят скрытые в нем плоды и,

радостно летая, щебечут, ищут их и клюют. Читая или слушая слова эти, они видят, что в недвижимом и вечном бытии Божием преодолены прошедшее и будущее, но что нет ни одного временного существа, Тобою не созданного; что воля Твоя, то есть Ты, не знает перемены, и Ты создал всё по внезапно возникшему, новому желанию. Ты не создал из Себя подобие Свое, как образец для всего, но создал из «ничего» бесформенную материю, с Тобой несходную, которая, однако, может приобрести форму, уподобляясь Тебе и возвращаясь к Тебе, Единому, насколько это возможно в меру тех способностей, которые определены каждому в ряду однородных созданий. И всё «очень хорошо»[1] — и то, что пребывает вокруг Тебя, и то, что, постепенно удаляясь от Тебя, становится во времени и пространстве участником в прекрасном разнообразии мира.

Они видят это и радуются в свете истины Твоей, насколько это в их силах.

39. Кто-нибудь из них остановит свое внимание на словах: «В начале Бог сотворил» и сочтет «началом» мудрость, «потому что она сама говорит нам». Другой тоже остановит свое внимание на этих же словах и поймет «начало» как начальное возникновение сотворенного; как «во-первых создал».

[1] Быт 1, 31.

Среди тех, кто понимает «начало» как мудрость, которой «Ты сотворил небо и землю», один сочтет, что «небо и земля» означают материю, из которой можно было создать небо и землю и которая получила одно имя с ними; другой — что это уже создания, получившие разную форму; третий — что под «небом» разумеется материя, имевшая форму и духовная, а под «землей» — бесформенная масса телесной материи. Те, кто думает, что «небо и земля» означают еще бесформенную материю, из которой потом образуются небо и земля, и об этом думают неодинаково: по мнению одного, она послужила для создания существ, разумных и чувствующих; по мнению другого — только для этой телесной чувствующей массы, содержащей в своем огромном лоне видимые, воспринимаемые существа. Разно думают и те, кто верит, что «небом и землей» назван мир, уже вполне устроенный и упорядоченный: одни разумеют и видимый и невидимый, другие — только видимый: светлое небо и темную землю со всем, что на них.

XXIX

40. Тот же, кто «в начале сотворил» понимает только в смысле «во-первых сотворил», никак

не сможет правильно понять, что такое «небо и земля», если только он не понимает под этими словами материю для неба и земли, то есть для всего разумного и телесного мира. Если же он считает эти слова обозначением мира, уже принявшего форму, то правильно было бы его спросить: «Если Бог сделал это во-первых, что он делал во-вторых?». А так как вселенная уже сотворена, он не найдется что ответить и услышит неприятный для себя вопрос: «А каким же образом во-первых, если ничего нет во-вторых?».

Если же он скажет, что во-первых создана была материя бесформенная, которая уже потом приняла форму, то это ответ толковый, если только говорящий в состоянии разобраться, чему принадлежит первенство по вечности, по времени, по выбору, по происхождению. По вечности: Бог, например, над всем; по времени: цветок, например, раньше плода; по выбору: плод, например, лучше цветка; по происхождению: звук раньше пения.

Из упомянутых мною четырех видов первенства очень трудно понять первый и последний; два средних очень легко. Редко и очень трудно дается видение и созерцание Твоей вечности, Господи, творящей в неизменности своей изменяющееся и поэтому имеющей первенство.

Кто обладает умом настолько острым, чтобы без большого труда понять, каким образом звук первенствует над пением? Пение есть ведь оформленный звук; существовать без формы что-то, конечно, может, но как может принять форму то, чего нет? Материи принадлежит первенство только относительно того, что из нее возникло; она первенствующая не потому, что она «делает»; она ведь сама «сделана» и не имеет первенства во времени. И мы не начинаем во времени бесформенных звуков, которые не являются пением и которые мы потом уже приспособляем к песенной форме или отделываем, как дерево для сундука или серебро для посуды. Такой материал даже по времени раньше вещей, из него сделанных. Но ведь с пением не так. Когда поют и мы слышим звук, то он не звучит сначала бесформенно, а затем уже в пении получает форму. И как бы он ни прозвучал, но он исчез, и ты ничего тут не найдешь, что можно было бы вернуть и превратить в стройное пение. Пение всё в звуках: звуки — это его материя, которой придают форму, чтобы она стала пением. Поэтому, как я и говорил, звук, то есть материя, имеет первенство над пением, звуком уже оформленным, но первенство не по способности «делать». Звук не создает пения; издаваемый телесным органом, он подчиняется

душе певца, дабы стать песней. Нет у него первенства и во времени: звук и пение одновременны. Нет и по выбору: звук не лучше пения, поскольку пение есть не только звук, но еще и красивый звук. Он первенствующий происхождением: не пение приобретает форму, чтобы стать звуком, но звук приобретает форму, чтобы стать пением.

Из этого примера пусть, кто может, поймет, что материя, созданная «во-первых» и названная небом и землей, потому что небо и земля из нее созданы, создана «во-первых» не по времени, потому что время появляется, когда всё уже облечено в форму, а материя эта была бесформенной, и видишь ее уже во времени и вместе с ним. И о ней ничего нельзя сказать, кроме разве того, что у нее есть как бы первенство относительно времени, хотя ей уделяется место низшее, потому что, конечно, имеющее форму лучше бесформенного. Вечность Творца ей предшествует, дабы из «ничего» возникло то, из чего могло что-то возникнуть.

XXX

41. Среди такого разнообразия правильных мыслей да установит согласие сама Истина, и да сжалится над нами Господь наш: будем «закон-

но пользоваться законом»[1], имея в виду его цель: чистую любовь.

И поэтому если кто-нибудь спросит меня, что тут думал Моисей, великий слуга Твой, то исповедь моя не будет исповедью, если я не скажу: «Я не знаю». Знаю только, что мысли его верны, за исключением касающихся плоти, о которых я сказал что думал. И детей, в вере подающих добрые надежды, не устрашают слова книги Твоей, высокие в своем смирении, обильные в своей краткости.

Да полюбим же друг друга все, кто в этих словах видит истину и признает это, и да полюбим также и Тебя, Бога нашего, Источник Истины, если жаждем именно ее, а не суетного и пустого. Слугу же Твоего, написавшего эти книги, исполненного Духом Твоим, почтим и поверим, что когда он писал, то обратил особенное внимание, по откровению Твоему, на то, что вполне истинно и особенно полезно.

XXXI

42. Поэтому, когда один скажет: «Он думал, как я», а другой: «Нет, как раз как я», то, полагаю, благочестивее скажу я: «А почему не

[1] 1 Тим 1, 8.

так, как вы оба, если оба вы говорите правильно?». И если кто увидит в этих словах и третий смысл и, четвертый, и еще какой-то, только бы истинный, почему не поверить, что все их имел в виду Моисей, которому Единый Бог дал составить священные книги так, чтобы множество людей увидело в них истину в разном облике?

Что касается меня, то я смело провозглашаю из глубины сердца: если бы я писал книгу высшей непреложности, я предпочел бы написать ее так, чтобы каждый нашел в моих словах отзвук той истины, которая ему доступна; я не вложил бы в них единой, отчетливой мысли, исключающей все другие, ошибочность которых меня не могла бы смутить. Я не хочу, Боже мой, быть настолько опрометчивым, чтобы не верить, что этот великий муж не заслужил у Тебя такого дара. Он думал, когда писал эти слова, о том, что́ истинного можем мы найти в них, и о том, чего не можем или еще не можем, и что́, однако, в них найти можно.

XXXII

43. И, наконец, Господи, Ты Бог, а не плоть и кровь, и если человек не видит всего, то ужели от благого Духа Твоего, Который «приведет

меня в землю праведную»[1], могло укрыться то, что Ты Сам откроешь в этих словах будущим читателям, если даже и тот, через кого они сказаны, из многих верных мыслей имел в виду лишь одну. Если это так, то эта мысль его будет, конечно, более возвышенной; нам же, Господи, Ты покажешь или ее, или какую Тебе угодно другую истинную, — но откроешь ли Ты открытое самому слуге Твоему или другое, вложенное в те же самые слова, только питай нас, чтобы мы не стали игралищем заблуждения.

Вот, Господи Боже мой, как много написали мы о нескольких словах, как много! Сколько сил нам, сколько времени понадобилось бы, если бы так заняться всеми книгами Твоими.

Позволь же мне короче исповедаться Тебе относительно их и выбрать одно правильное толкование, которое внушишь, вернее и добрее, хотя многое могло бы мне прийти в голову там, где многое может прийти. Верую и исповедую, что если я передам мысли слуги Твоего, это будет правильно и хорошо, — и я должен пытаться так и сделать. Если же я этого не достигну, да скажу все-таки то, что Твоя истина хотела мне сказать словами Моисея, в которых она сказала ему то, что хотела.

[1] Пс 142, 10.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

I

1. Зову Тебя, Боже мой, «милосердие мое»[1]; Ты создал меня и забывшего Тебя не забыл. Зову Тебя в душу мою, которую Ты готовишь принять Тебя: Ты внушил ей желать этого. Теперь не покинь зовущего; Ты ведь предупредил мой зов: упорно, всё чаще и по-разному говорил Ты со мной: да услышу Тебя издали и обращусь и позову Тебя, зовущего меня.

Ты, Господи, уничтожил все злые дела мои, чтобы не воздавать по делам рук моих, потрудившихся над отпадением моим, и предупредил все добрые дела мои, чтобы воздать рукам Твоим, создавшим меня: Ты ведь был, когда меня и не было и не стоил я того, чтобы Ты даровал мне жизнь. И вот я существую по благости Твоей, существовавшей прежде, чем Ты создал и меня и то, из чего Ты создал меня. Ты ведь не нуждался во мне, и я не такая величина, чтобы быть Тебе в помощь, Господь мой и Бог мой. Моя служба не избавит Тебя от усталости: Ты не устаешь, действуя; мои услуги не увеличат Твоего

[1] Ср. Пс 58, 18.

могущества; почет, оказанный мной, не прибавит Тебе чести. Я должен служить Тебе и чтить Тебя, чтобы мне хорошо было с Тобой, от Которого и моя жизнь и возможность чувствовать себя хорошо.

II

2. От полноты благости Твоей возникла вся тварь: от нее Тебе никакой пользы; происходя от Тебя, она не равна Тебе, и, однако, должно быть место и ей, доброй, потому что от Тебя получила она существование.

Какие заслуги перед Тобой у «неба и земли», созданных Тобой «в начале»? Какие заслуги перед Тобой у духовных и телесных существ, «созданных Тобой по мудрости Твоей»[1]? От нее ведь зависели они все, и духовные и телесные, даже в незаконченном и бесформенном виде; стремящиеся к беспорядку, к полной утрате Твоего подобия. Духовное существо, даже бесформенное, выше тела, имеющего форму; телесное бесформенное выше абсолютного «ничто». Бесформенное таким бы и осталось по Слову Твоему, если бы это самое Слово не призвало его к единению с Тобой и не дало бы ему

[1] Пс 103, 24.

формы: исходя от Тебя, высшего Блага, «да станет всё весьма хорошо»[1]. За какие заслуги даровано даже бесформенное состояние? Без Тебя не было бы и такого.

3. Какие заслуги перед Тобой у телесной материи, чтобы стать хотя бы «невидимой и неустроенной»? Она и такой бы не была, не создай Ты ее. А так как ее не было, то ничем не могла она заслужить своего возникновения.

Какие заслуги перед Тобой были у духовных существ, еще только намечаемых, мрачных, неустойчивых, сходных с бездной, несходных с Тобой? Только то же самое Слово обратило их к Нему, их Создателю, и, озаренные Им, они стали светом и хотя не в равной степени, но всё же соответствуют Твоему образу.

Как для тела «быть» не значит «быть красивым» — иначе безобразия бы не существовало, — так и для созданного духа «жить» не то же самое, что «жить мудро» — иначе всякий дух был бы неизменно мудрым. «Благо ему навсегда прильнуть к Тебе»[2], дабы свет, полученный обратившимся к Тебе, отвратившимся не был утерян, дабы не скатился он в жизнь, сходную с мрачной бездной.

[1] Быт 1, 31.
[2] Пс 72, 28.

И мы, имея душу, являемся существами духовными. Отвратившись от Тебя, Света нашего, были мы в этой жизни «когда-то тьмой»[1] и страдаем в остатках нашей темноты, пока не станем «праведными» в Единственном Сыне Твоем[2], как бы «горами Божиими»; ибо были по суду Твоему как бы «глубокой бездной».

III

4. Слова, сказанные Тобой в начале творения: «Да будет свет, и стал свет»[3], я не без основания отношу к существам духовным, уже как-то жившим, способным просветиться светом Твоим. Но как ничем не заслужили они ни такой жизни, которая могла быть просвещена, так не заслужили они и того, чтобы она была просвещена. Тебе не было угодно их бесформенное состояние, они должны были стать светом не в силу существования своего, но созерцая свет просвещающий и сливаясь с ним. Только благодать Твоя позволила им и как-то жить, и жить счастливо, ибо они изменились к лучшему, обратившись к тому, что не может измениться ни к лучшему,

[1] Еф 5, 8.
[2] Ср. 2 Кор 5, 21.
[3] Быт 1, 3.

ни к худшему, — к Тебе, Единственному, Который просто «есть», для Которого жить — значит жить счастливо, ибо Твое счастье Ты Сам.

IV

5. Чего не хватало бы Тебе для счастья — Ты Сам для Себя счастье, — если бы вообще ничего не было или если бы всё оставалось бесформенным? Ты творил ведь не по нужде, а от полноты благодати Твоей; и сообщил созданиям Твоим устойчивую форму вовсе не затем, чтобы радость Твоя стала полнее. Совершенному, Тебе неприятно было их несовершенство; Ты совершенствовал их и делал Себе приятными не потому, что, будучи несовершенен, Ты должен был стать совершеннее от их совершенствования. «Благой Дух Твой носился над водами»[1], не они уносили Его, словно Он опочил на них. Когда говорят, что Дух Твой опочил на ком-то, это значит, что Он дал им покой в Себе. Недоступная ухудшению, неизменяемая, сама в себе достаточная, воля Твоя носилась над тем, что Ты оживил, но живым жить и жить счастливо не одно и то же, потому что мечутся они в темноте своей. Им остается одно: обратиться к Тебе, своему Созда-

[1] Быт 1, 2.

телю, и жить, больше и больше приближаясь 473
к Источнику жизни, и в свете Его видеть свет[1], совершенствоваться, просвещаться и находить счастье.

V

6. Вот предстает мне загадкой Троица, то есть Ты, Боже мой, ибо Ты, Отец, начало мудрости нашей — это Твоя Мудрость, от Тебя рожденная, равная Тебе и, как Ты, извечная, это Сын Твой, через Которого создал Ты небо и землю. Много сказал я о небе небес, о земле невидимой и неустроенной, о мрачной бездне, о духовных существах, которые остались бы бесформенны, неустойчивы и ущербны, не обратись они к Тому, от Которого всякая жизнь, просветившись, стала прекрасной жизнью и возникло небо того неба, которое было потом создано между водой и водой.

Уже в имени Бога я узнал Отца, создавшего это; Началом именовался Сын, через Которого это создано; веря в троичность Бога моего, как я верил, искал я ее в святых речениях Его. И вот «Дух Твой носился над водами». Вот Троица, Боже мой: Отец и Сын и Святой Дух, Создатель всякого создания.

[1] Пс 35, 10.

VI

7. По какой, однако, причине, о Свет истинный — к Тебе приближаю сердце свое, да не лживы будут его уроки мне, рассей мрак его и скажи мне, умоляю Тебя матерью нашей, милосердием, умоляю, — скажи мне, по какой причине Писание Твое назвало Дух Твой лишь после упоминания неба, земли невидимой и неустроенной и мрака над бездной? Потому ли, что надлежало познакомить с Ним, сказав, что Он «носился вверху», а сказать это можно было, только предварительно упомянув то, над чем мог носиться Дух Твой? Он ведь носился не над Отцом и не над Сыном, и нельзя было употребить слово «носиться», если не было над чем носиться. Поэтому и следовало сначала сказать, над чем Он носился, а затем назвать и Того, Которого надлежало упомянуть не иначе как в словах «носился вверху». Почему, однако, нельзя было познакомить с Ним иначе, а только как с Тем, о Котором можно было сказать, что Он «носился вверху»?

VII

8. Теперь пусть мысленно последуют, кто может, за Твоим апостолом, сказавшим: «Лю-

бовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам»[1]; он учил «о дарах духовных», указал «превосходнейший путь любви»[2], преклонял за нас пред Тобою колени, да уразумеем «превосходящую разумение любовь Христову»[3]. Потому-то от начала «превосходящий» Он и носился над водами.

Кому расскажу, как расскажу о грузе страстей, низвергающем нас в страшную пропасть, о любви, поднимающей Духом Твоим, Который «носился над водами»? Кому расскажу? Как расскажу? Тонем и выплываем? Нет в пространстве такого места, где мы тонем и выплываем. Как точно такое сравнение и как оно неточно! Наши настроения, наша любовь, нечистота духа нашего увлекают нас вниз; мы ведь любим свои заботы; но Ты, Святой, поднимаешь нас вверх — мы ведь любим вовне неозабоченность: «Да горé имеим сердцá», где «Дух Твой носится над водами»; да придем к покою, превосходящему всё, когда переправится «душа наша через воды, лишенные субстанции».

[1] Рим 5, 5.
[2] Ср. 1 Кор 12, 1; 31.
[3] Еф 3, 19.

VIII

9. Скатился ангел, скатилась душа человеческая. По ним видим, в какой глубокой и мрачной бездне находились бы все духовные создания, если бы Ты не сказал в начале «да будет свет! и стал свет» и к Тебе поспешно не прильнули бы все умные духи небесного града Твоего, успокоившись в Духе Твоем, Который, не изменяясь, носится над всем изменяющимся. Иначе и небо небес стало бы само по себе мрачной бездной; теперь же это «свет в Господе»[1].

На примере жалкого беспокойства отпавших духов, являющих мрак свой (они не одеты одеждой света Твоего), даешь Ты понять, сколь велики разумные создания Твои, которым покой и счастье можешь дать только Ты — ничто меньшее, а потому не могут и они сами себе. Ты же, Боже наш, осветишь темноту нашу, оденешь нас, и «мрак наш станет как полдень»[2].

Дай мне Тебя, Боже мой, верни мне Тебя: я люблю Тебя. Если мало, дай полюбить сильнее. Я не могу измерить и узнать, сколько не хватает мне до любви совершенной, когда я кинулся бы в объятия Твои и не оторвался бы от

[1] Еф 5, 8.
[2] Ис 58, 10.

Тебя, пока «не скрылся бы под покровом лица Твоего»[1]. Знаю только, что плохо мне без Тебя — не только вовне, но и внутри себя, и нищета для меня всякое богатство, которое не есть Бог мой.

IX

10. А разве Отец и Сын не носились над водами?

Если думать о них как о телах в пространстве, то этого нельзя сказать и о Духе Святом; если же думать о неизменном Божественном величии, пребывающем над всем изменяющимся, то и Отец и Сын и Дух Святой «носились над водами». Почему, однако, это сказано только о Духе Твоем? Почему только по поводу Его сказано, где Он находился, словно это место в пространстве? Почему о Нем одном сказано, что Он «Дар Твой»? В даре Твоем отдыхаем мы; наслаждаемся Тобой. Отдых наш это «место» наше.

Любовь туда возносит нас, и благой Дух Твой поднимает нас, низких, прочь от дверей смерти. Покой Твой для нас в доброй воле. Всякое тело вследствие своего веса стремится к своему месту. Вес тянет не только вниз, он тянет к своему

[1] Пс 30, 21.

месту. Огонь стремится вверх, камень вниз; они увлекаемы своей тяжестью, они ищут свое место. Масло, если налить его вниз, поднимется над водой; вода, налитая на масло, пустится вниз; они увлекаемы своей тяжестью, они ищут свое место. Где нет порядка, там беспокойство; упорядоченное успокаивается. Моя тяжесть — это любовь моя: она движет мною, куда бы я ни устремился. Даровано Тобой воспламеняться и стремиться вверх: пылаем, идем. Поднимаемся, поднимаясь сердцем, и поем песнь восхождения. Огнем Твоим, благим огнем Твоим пылаем, идем; поднимаемся к миру Иерусалима. «Возвеселился я среди тех, кто сказал мне: мы пойдем в дом Господень»[1]. Там поместит нас добрая воля, и ничего мы больше не пожелаем, как пребывать там вовеки.

X

11. Счастливы существа, не знавшие другого состояния! Они стали бы другими, если бы Дар Твой, паривший надо всем изменяющимся, сразу же, как только они были созданы, пока не прошло и мгновения, не поднял их на зов: «Да будет свет! и стал свет». Мы различаем время, когда

[1] Пс 121, 1.

были тьмой, и то, когда стали светом. О них же сказано только, чем они были бы не будучи озарены; сказано об их первоначальной неустойчивости и темноте, дабы выяснить, почему стали они другими: обратившись к свету немеркнущему, стали они светом. Кто может, да поймет; да просит у Тебя понимания. Зачем надоедать мне, будто я могу просветить хоть одного «человека, приходящего в мир»[1]?

XI

12. Кто поймет всемогущую Троицу? А кто не говорит о Ней, если действительно говорит о Ней? Редко встречается душа, которая, говоря о Ней, знает, что она говорит. Спорят, сражаются, и никто не увидит этого видения, не имея мира в душе.

Я хотел бы, чтобы люди подумали над тремя свойствами в них самих. Они — все три — конечно, совсем иное, чем Троица; я только указываю, в каком направлении люди должны напрягать свою мысль, исследовать и понять, как далеки они от понимания.

Вот эти три свойства: быть, знать, хотеть. Я есмь, я знаю, и я хочу; я есмь знающий

[1] Ин 1, 9.

и хотящий; я знаю, что я есмь и что я хочу, и я хочу быть и знать.

Эти три свойства и составляют нераздельное единство — жизнь, и, однако, каждое из них нечто особое и единственное; они нераздельны и всё-таки различны. Пойми это, кто может. Перед каждым стоит, конечно, он сам: пусть всмотрится в себя, увидит и скажет мне.

Если, однако, он и найдет в этом что-то сходное и сумеет об этом сказать, пусть не думает, что он понял неизменное Существо, пребывающее над всем: неизменно Его бытие, неизменно знание, неизменна воля. Троичен ли Бог по причине этих трех свойств, или в каждом Лице имеются эти три свойства, так что троично каждое Лицо, или, в том и другом случае, Троица, дивным образом простая и многообразная, закончена в Себе и бесконечна, а потому Она и есть, и знает Себя, и неизменно полна в обилии и величии Своего единства? Кому это легко понять? Как рассказать? Кто осмелится объяснить каким бы то ни было образом эту тайну?

XII

13. Продолжай свою исповедь, вера моя; скажи Господу Богу твоему: свят, свят, свят. Господи Боже мой, мы крещены во имя Твое, Отец,

Сын и Святой Дух, и крестим во имя Твое, Отец, Сын и Святой Дух, ибо и среди нас через Христа Своего «создал Бог небо и землю», духовных и плотских людей в Церкви Своей. И наша земля до принятия учения «была невидима и неустроенна»; нас покрывал мрак неведения, ибо «наставил Ты человека за преступления его»[1] и «суды Твои, как великая бездна»[2].

«Дух Твой», однако, «носился над водами», и не покинуло нас, бедных, милосердие Твое. Ты сказал: «Да будет свет; покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное. Покайтесь, да будет свет»[3]. И так как в смятении была душа наша, вспомнили мы о Тебе, Господи, «на земле Иорданской»[4], на горе в Твою высоту, умалившейся ради нас; отвратительна стала нам тьма наша, мы обратились к Тебе, «и стал свет». И вот были мы «когда-то тьмой, а теперь свет в Господе».

XIII

14. И, однако, до сих пор только «верой, не видением, надеждой спасены мы. Надежда,

[1] Пс 38, 12.
[2] Пс 35, 7.
[3] Ср. Быт 1, 3; Мф 3, 2.
[4] Пс 41, 7.

которая видит, не есть надежда»[1]. Пока еще «бездна призывает бездну», но уже «голосом водопадов Твоих»[2]. Пока еще тот, кто сказал: «Не могу говорить с вами, как с духовными, но как с плотскими»[3], остается при мысли, что и сам не всё постиг, и «забывая прошлое, устремляется к тому, что впереди»[4], и «вздыхает под тяжким бременем»[5]. Душа его жаждет Бога живого, как олень источников водных, и восклицает: «Когда приду?»[6]. Он хочет «облечься в небесное жилище»[7] и зовет бездну внизу, говоря: «не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего»[8] и «не будьте дети умом; на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни»[9], и «о, несмысленные галаты! кто прельстил вас?»[10]. Это уже не его голос, а Твой: Ты послал с небес Дух Твой через Того, Кто «взошел на небо»

1 Ср. 2 Кор 5, 7; Рим 8, 24.
2 Пс 41, 8.
3 1 Кор 3, 1.
4 Флп 3, 13.
5 2 Кор 5, 4.
6 Пс 41, 2–3.
7 2 Кор 5, 2.
8 Рим 12, 2.
9 1 Кор 14, 20.
10 Гал 3, 1.

и открыл «водопады даров Своих, да обрадует град Твой поток водный»[1].

Об этом граде вздыхает друг жениха[2], уже обладающий начатками духа. «Доселе, однако, стенает он в сердце своем, ожидая усыновления и своего искупления. Он вздыхает о нем — он ведь член Церкви, невесты Христовой — и ревнует о ней — он ведь друг жениха, — о ней ревнует, не о себе, потому что голосом «водопадов Твоих», не своим, взывает он к другой бездне, которой в ревности своей боится: «Как змей хитростью своей прельстил Еву, так и слабые умы могут повредиться, отпав от чистоты»[3], которая есть в Супруге нашем, единственном Сыне Твоем. Как прекрасен будет этот свет, когда мы увидим его таким, как он есть, и окончатся слезы, которые стали мне хлебом моих дней и ночей, ибо ежедневно говорят мне: «Где Бог твой?»[4].

XIV

15. И я говорю: «Где Ты, Бог мой?». Где же Ты? Немного отдыхаю я в Тебе, изливая душу

[1] Пс 45, 5.
[2] Ин 3, 29.
[3] 2 Кор 11, 3.
[4] Пс 41, 4.

свою в ликовании и восхвалении, в звуках торжественного празднования. Но до сих пор печальна она, потому что падает и становится бездной, вернее, она чувствует, что и до сих пор она бездна. Ей говорит вера моя, которую зажег Ты в ночи на пути моем: почему печальна ты, душа моя, и почему смущаешься? Надейся на Бога. На пути твоем есть светильник: Слово Его. Надейся и терпи, пока не пройдет ночь, мать грешников, пока не пройдет гнев Божий, детьми которого были и мы когда-то, когда были тьмой. Остатки ее мы влачим в теле нашем, мертвом по причине греха, «пока не повеет днем и не разойдутся тени»[1]. «Надейся на Бога; утром встану и буду созерцать Его; всегда буду исповедовать Тебя. Утром встану и увижу спасение лица моего»[2], Бога моего, Который «оживит и смертные тела наши ради Духа, Который обитает в нас»[3], ибо милосердно парил Он над мраком нашей неустойчивой души. От Него в этом земном странствии получили мы и залог того, что станем светом[4], и пока еще спасаемся надеждой, но уже сыны света и сыны Божии,

[1] Песн 2, 17.
[2] Ср. Пс 41, 6; 5, 4.
[3] Рим 8, 11.
[4] Ср. 2 Кор 1, 22.

а не сыны ночи и мрака, какими, однако, мы были.

Между ними и нами, при этой неверности человеческого знания, различить можешь только Ты один, испытующий сердца наши, назвавший свет днем, а тьму ночью. Кто сможет отделить нас, кроме Тебя? А что у нас есть, чего мы не получили бы от Тебя, мы «сосуды в честь», сделанные из того же материала, из которого и «сосуды в поношение»[1]?

XV

16. Кто, как не Ты, Боже наш, создал над нами твердь авторитета Твоего — Твое Божественное Писание? «Небо свернется, как свиток»[2], а теперь оно, как кожа, простерто над нами[3]. Авторитет Твоего Божественного Писания стал еще выше с тех пор, как умерли этой смертью те смертные, через которых Ты нам его дал. И Ты, Господи, знаешь, каким образом одел Ты людей кожами[4], когда, согрешив, стали они смертны. И тогда, как кожу, простер Ты твердь Книги

[1] Рим 9, 21.
[2] Откр 6, 4.
[3] Пс 103, 2.
[4] См.: Быт 3, 21.

Твоей, слова Твои, всегда с собой согласные, которые утвердил Ты над нами, действуя через смертных слуг Твоих. Самой смертью своей укрепили они авторитет речений Твоих, через них сообщенных; торжественно распростерся он над всем, что под ним внизу. При жизни их он не распростерся еще так торжественно. Ты не простер еще небо, как кожу; еще не распространил повсюду славу их смерти.

17. Дай, Господи, увидеть небеса, дела перстов Твоих[1]; прогони от глаз наших туман, которым Ты закрыл их. Там свидетельство Твое подает мудрость детям. Доверши, Боже мой, «хвалу Тебе из уст детей и грудных младенцев»[2]. Мы не знаем других книг, которые бы так сокрушали гордость, так сокрушали «врага и защитника», который противится примирению с Тобой и защищает грехи свои. Я не знаю, Господи, не знаю других столь чистых слов, столь убедительно склоняющих исповедаться Тебе, покорно подставить шею под ярмо Твое, бескорыстно чтить Тебя. Дай мне понять их, благий Отец, стоящему внизу, ибо для стоящих внизу утвердил Ты слова Свои.

[1] Пс 8, 4.
[2] Пс 8, 3.

18. Есть над этой твердью, верю я, другие воды, бессмертные, недоступные земной порче. Да хвалят они имя Твое, да хвалят Тебя сонмы Ангелов Твоих, пребывающих выше небес; им не надо смотреть на эту твердь и узнавать слова Твои с помощью чтения. Они всегда видят Лицо Твое[1] и читают, не по слогам и во времени, вечную волю Твою. Они читают ее, предпочитают и почитают; всегда читают, и никогда не преходит то, о чем они читают. Неизменные советы Твои, вот о чем читают они, предпочитая и почитая их. Не закрывается книга их, не сворачивается свиток их, потому что Ты Сам для них эта книга и пребываешь ею вовеки. Ты поставил их над этой твердью и даровал им силу, да взирают на бессилие народов, что внизу, и познают милосердие Твое, возвещающее во времени о Тебе, создавшем время. Ибо «на небе, Господи, милосердие Твое, истина Твоя до облаков»[2]. Уходят облака, небо же остается; уходят из этой жизни в другую жизнь проповедники слова Твоего, Писание же Твое распростерто над всеми народами до конца веков, «небо и земля прейдут, но слова Твои не прейдут»[3], и кожа свернется,

[1] Мф 18, 10.
[2] Пс 35, 6.
[3] Мф 24, 35.

и трава, над которой она была простерта, увянет с красотой своей, «слово же Твое пребывает вовеки»[1]. Сейчас оно предстает нам не таким, как есть, а как «загадка», видимая сквозь облака «в зеркале неба»[2], потому что и для нас, хотя и любимых Сыном Твоим, «не ясно, чем мы будем»[3]. Он разглядывал нас сквозь сети тела, приласкал, обжег любовно, и мы бежим «на запах Его аромата»[4]. Но когда Он появится, мы уподобимся Ему, ибо увидим Его, как Он есть; увидеть Его, как Он есть, Господи, это наш удел, но пока мы им не владеем.

XVI

19. Как абсолютно Твое бытие, так абсолютно и знание; неизменно Твое бытие, неизменно знание и неизменна воля. В бытии Твоем неизменны и знание и воля; в знании Твоем неизменны бытие и воля; в Твоей воле неизменны бытие и знание. Несправедливо, по-видимому, в очах Твоих, чтобы так же, как знает себя неизменный свет, знало его и освещенное им измен-

[1] Ис 40, 8.
[2] Ср. 1 Кор 13, 12.
[3] 1 Ин 3, 2.
[4] Песн 1, 2.

чивое существо. Поэтому «душа моя для Тебя, как земля без воды»[1], как не может она сама осветить себя, так не может сама и насытить себя. «У Тебя ведь источник жизни, и в свете Твоем увидим мы свет»[2].

XVII

20. Кто собрал воедино горькие воды? У них тот же конец: временное земное счастье, ради которого делают всё, хотя и неисчислимо разнообразны заботы, которыми волнуются люди. Кто же, Господи, как не Ты, сказал, чтобы «собрались воды в одно место»[3] и явилась суша, жаждущая Тебя; «и море Твое, и Ты сотворил его, и сухую землю создали руки Твои»[4]. Не горечь желаний, но собрание вод называется морем. Ты сдерживаешь злые страсти души и ставишь границы, докуда разрешается дойти водам: пусть само по себе иссякнет волнение их. Так подчиняешь Ты море власти своей, всюду устанавливающей порядок.

[1] Пс 142, 6.
[2] Пс 35, 10.
[3] Быт 1, 9.
[4] Пс 94, 5.

21. Души, жаждущие Тебя и Тебе предстоящие, удалил Ты с другой целью от союза с морем; Ты орошаешь их водой из тайного сладкого источника, чтобы земля дала плод свой: и дает плод свой, и, подчиняясь велению Господа Бога своего, растит душа наша дела милосердия «по роду своему»; любит ближнего и помогает ему в его телесных нуждах, памятуя о сходстве с ним: собственная немощь заставляет нас сострадать, пособлять нуждающимся и оказывать им такую помощь, какую хотели бы мы получить сами, оказавшись в такой же нужде. И не только помощь незначительную, похожую на траву полевую, но крепкую защиту и покровительство, напоминающие плодоносное дерево. Вырываем мы обиженного из рук могущественных, простирая над ним, как дуб, крепкую сень праведного суда.

XVIII

22. Так, Господи, так молю Тебя, как даешь Ты радость и силу: так да родится «на земле правда, и справедливость взглянет с небес на землю»[1], и «возникнут на тверди светила»[2].

[1] Пс 84, 12.
[2] Быт 1, 14.

Преломим хлеб наш с тем, кто голоден, введем под кров наш бездомного, оденем нагого, не будем презирать рабов, таких же людей, как мы.

Земля родила плоды, посмотри на них: они хороши; «да вспыхнет во время свет наш», и за дела наши — урожай низкого качества — получив радость созерцать Слово жизни, да явимся, как «светила в мире», укрепленные на тверди Писания Твоего. Там научишь Ты нас различать между умопостигаемым и чувственным, как между днем и ночью, как между душами, обращенными к умопостигаемому и обращенными к чувственному. И Ты уже не один в тайных решениях Твоих, как было до создания тверди, отселяешь свет от мрака: духовные создания Твои, размещенные на той же тверди по благодати Твоей, явленной миру, сияют над землей, отделяют день от ночи и отмечают время: «Древнее прошло, теперь всё новое»[1], «приблизилось спасение наше», когда мы в него поверили[2]. Ночь проходит, день уже приблизился, и «Ты благословляешь венец года Твоего»[3] и «посылаешь

[1] 2 Кор 5, 17.
[2] Рим 13, 11.
[3] Пс 64, 12.

работников жать на ниву Твою»[1], над которой, засевая ее, «трудились другие»[2]. Ты посылаешь их на другую ниву, жатва с которой будет снята в конце веков.

Так исполняешь Ты молитвы просящего и благословляешь годы праведника. Ты же всегда Тот же, и в годах Своих, которые не убывают, готовишь житницу для годов преходящих.

23. По вечному совету Твоему посылаешь Ты в свое время на землю дары с небес: «Одному дается Духом слово мудрости» — это великий светильник для тех, кто наслаждается, как утренней зарей, ясным светом истины, «другому от того же Духа слово знания» — это светильник меньший, тому вера, «тому дар врачевства, тому дар чудес, тому пророчества, тому способность различать духов, тому дар языков», — всё это, как звезды. «И всё это дело одного и того же Духа, Который уделяет каждому свое, как Он хочет» и заставляет светила появляться и сиять на пользу[3].

Знание же, объемлющее все таинства, которые меняются со временем, как луна, а также прочие дары, упомянутые мною в сравнении

[1] Мф 9, 38.
[2] Ин 4, 38.
[3] 1 Кор 12, 8–10; 11.

со звездами, отличаются от яркого сияния мудрости, как ликующий рассвет от сумерек. Они необходимы, однако, для людей, с которыми разумнейший слуга Твой «не мог разговаривать как с духовными, а только как с плотскими», он, который «проповедует мудрость среди совершенных»[1].

Душевный человек — это младенец Христов, пьющий молоко, пока не окрепнет настолько, что сможет вкушать твердую пищу и смотреть прямо на солнце; пусть не считает себя покинутым в ночи, но довольствуется светом луны и звезд.

Вот в чем наставляешь Ты нас, Премудрый Боже, Книгой Твоей, твердью Твоей: да научимся в дивном созерцании различать всё, хотя еще только в «знамениях, во временах, в днях и годах».

XIX

24. Прежде, однако, «омойтесь, будьте чисты, уберите зло из сердец ваших и от очей Моих»[2], «да явится сухая земля»[3]. «Научитесь делать

[1] 1 Кор 3, 1–2; 2, 6.
[2] Ис 1, 16.
[3] Быт 1, 9.

добро, защищайте сироту, вступайтесь за вдову»[1], «да взрастит земля траву кормовую и дерево плодоносное»[2]. «Придите, рассудим, говорит Господь, да будут светила на тверди небесной, чтобы светить на землю»[3].

Евангельский богач спрашивал у благого Учителя, что ему делать, чтобы наследовать жизнь вечную. И Учитель благой, Которого тот считал человеком и только, — а Он благ потому, что Он Бог, — сказал ему, что если он хочет прийти к жизни, то пусть соблюдает заповеди, удалит от себя горечь злобы и распутство, не убивает, не прелюбодействует, не крадет, не лжесвидетельствует, дабы показалась «сухая земля» и произрастила бы уважение к отцу и матери и любовь к ближнему. «Всё это, — ответил богач, — я выполнил»[4]. Откуда же, если земля плодоносна, столько терний? Ступай, выкорчуй разросшуюся чащу жадности, продай имение свое, обогатись, раздавая бедным, и получишь сокровище на небесах; следуй за Господом, если хочешь быть совершенным; присоединись к тем, к кому обращает мудрые слова Тот, Кто знает, чем наделить

[1] Ис 1, 17.
[2] Быт 1, 12.
[3] Ис 1, 18; Быт 1, 14.
[4] См.: Мф 19, 16–22.

день и ночь. Узнай их и ты, чтобы они стали тебе светилами в тверди небесной; а это случится только, если там будет «сердце твое, это же случится, если там будет сокровище твое»[1]. Такие слова услышал ты от Учителя благого. И омрачилась земля бесплодная, и тернии заглушили слова.

25. Вы же, «народ избранный»[2], «немощные мира»[3], которые оставили всё, чтобы следовать за Господом, идите за Ним и смутите сильных, идите за Ним, «прекрасные ноги»[4] и светите в тверди, дабы «небеса поведали славу Его», различайте между светом совершенных, но еще не таких, как Ангелы, и тьмой малых, но не безнадежных. Светите всей земле, пусть день, сияющий солнцем, «передаст дню слово мудрости», и ночь, освещенная луной, «возвестит ночи слово знания»[5]. Луна и звезды светят в ночи, но ночь не затемняет их, потому что сами они в меру свою освещают ее. И вот так же, как сказал Бог: «Да будут светила на тверди небесной», «внезапно сделался шум с неба; как бы от несущегося сильного ветра, и явились разделяющиеся

[1] Мф 6, 21.
[2] 1 Пет 2, 9.
[3] 1 Кор 1, 27.
[4] Ис 52, 7; Рим 10, 15.
[5] Ср. Пс 18, 2–3.

как бы огненные языки и почили на каждом из них»[1]. Так и появились «светила на тверди небесной»[2], имеющие Слово жизни. Разбегитесь повсюду огни святые, огни прекрасные. «Вы свет миру» и вы не «под сосудом»[3]. Вознесся Тот, к Кому вы были привязаны, и вознес вас. Разберитесь, станьте известны всем народам.

XX

26. Да зачнет море и родит дела ваши, «да произведут во́ды пресмыкающихся, имеющих душу живую». Отделяя ценное от дешевого, стали вы устами Господа, сказавшего: «Да произведут во́ды душу живую, не такую, как производит земля», но «пресмыкающихся, имеющих живую душу, и птиц, летающих над землей»[4]. И трудом святых Твоих всюду среди волн мирского соблазна появляются таинства Твои, дабы омыть народы крещением Твоим, данным во имя Твое.

Совершилось между тем великое и дивное, подобное созданию «великих рыб». Голоса вестников Твоих носились над землей под твердью

[1] Деян 2, 2–3.
[2] Флп 2, 15.
[3] Мф 5, 14–15.
[4] Быт 1, 20.

Книги Твоей, защищавшей авторитетом полет их, куда бы они ни направлялись. «Нет языка и нет наречия, где не слышался бы голос их; по всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова́ их»[1], ибо, Господи, по благословению Твоему умножились они.

27. Разве лгу я, смешиваю в одно и не различаю между ясным познанием того, что́ на тверди небесной, и человеческими делами на волнующемся море под твердью небесной? Есть знание прочное, законченное, оно не увеличивается от поколения к поколению — это свет мудрости и знания. И о том же сообщают с помощью множества разнообразных телесных действий; вырастая одно из другого, они умножаются по Твоему благословению, Господи. И Ты утешил наши скоро пресыщающиеся телесные чувства: душа, познав единую истину, многими способами может сказать о ней и выразить ее с помощью телесных движений.

Вот что произвели воды, но по слову Твоему. Нужда народов, отвратившихся от вечной истины Твоей, произвела это по Евангелию Твоему. Ибо сами воды выбросили это, и горькая

[1] Пс 18, 4–5.

слабость людская была причиной этого возникновения.

28. Прекрасно всё созданное Тобой, и несказанно прекрасен Ты, Создатель всего. Если бы Адам не отпал от Тебя, не излился бы из его чрева этот морской рассол, род человеческий, предельно любопытный, неистово надменный, неустойчиво шаткий. Тогда не потребовалось бы проповедникам Твоим работать среди моря, сообщая о Твоих таинственных делах и словах телесным чувственным образом. Так представляются мне теперь «пресмыкающиеся» и «птицы», но люди, даже понявшие эти символы, недалеко ушли бы, если бы душа не оживала духовно, поднимаясь выше, и не стремилась бы от начальных слов к совершенству.

XXI

29. И поэтому по Слову Твоему не глубины морские, но земля, отделившаяся от горьких вод, произвела не пресмыкающихся с душою живою и не птиц, а «душу живую»[1]. Она уже не нуждается в крещении, в котором нуждаются язычники, как нуждалась тогда, когда ее покрывали воды. Иначе не входят в Царство Небесное

[1] Быт 1, 25.

с того времени, как Ты установил, чтобы входили таким образом.

Она не требует для веры великого и дивного; верит «без знамений и чудес», ибо отделена уже земля верная от горьких вод неверия, «и языки суть знамение не для верующих, а для неверующих»[1]. Земля, которую «утвердил Ты на водах», не нуждается в тех летающих созданиях, которых, по Слову Твоему, «произвели воды». Пошли на нее слово Твое через вестников Твоих. Мы рассказываем об их деятельности, но это Ты действуешь в них, чтобы они могли создать душу живую.

Земля произвела ее, ибо земля вызвала их деятельность, как море вызвало пресмыкающихся с живой душой и птиц под твердью, земля больше в них не нуждается, хотя и вкушает рыбу[2], поднятую из глубин на трапезу, которую «приготовил Ты пред лицом верующих»[3]; она была поднята из глубин, чтобы напитать сухую землю. И птицы — порождение моря, и, однако, размножаются они на земле. Первые голоса

[1] 1 Кор 14, 22.

[2] Рыба — символ Христа в первые века христианства. Греческое слово составляется из начальных букв греческой фразы «Иисус Христос Божий Сын, Спаситель». Здесь речь идет о Евхаристии.

[3] Ср. Пс 22, 5.

евангельской проповеди раздались по причине людского неверия, но и верным многообразно подает она изо дня в день наставление и благословение. Живая душа берет свое начало от земли, но только верным полезно удаляться от любви к веку сему, дабы для Тебя жила душа их: она умирала, живя в наслаждениях, Господи, смертоносных: для чистого сердца Ты наслаждение животворящее.

30. Пусть же на земле слуги Твои работают иначе, чем в водах неверия, когда они, говоря и возвещая, действовали на невежд (невежество родит удивление) чудесами, знамениями и таинственными голосами, пугая этими непонятными знаками. Так приходят к вере сыновья Адама, забывшие Тебя; скрывшись от лица Твоего, становятся «бездной». Пусть слуги Твои работают, как на сухой земле, отделенной от пучин бездны; пусть жизнь их проходит на глазах у верных, служит образцом[1] для них и побуждает к подражанию. Не только ведь чтобы послушать, но чтобы и действовать, слушают; «ищите Бога, и жить будет душа ваша»[2], произведет земля душу живую. «Не сообразуйтесь с веком

[1] 1 Фес. 1, 7.
[2] Пс 68, 33.

сим»[1], держитесь в стороне. Избегая его, живет душа; стремясь к нему, умирает. Воздерживайтесь от лютой бесчеловечной гордости, от расслабляющих наслаждений распутства, от того, что лживо именуется наукой[2], — да будут дикие звери приручены, домашняя скотина объезжена, змеи безвредны. Все они аллегорически изображают душевные движения, но спесивое превозношение, упоение похотью и ад любопытства — это чувства души мертвой. Смерть ее состоит ведь не в отсутствии всякого чувства: она умирает, отходя от источника жизни, ее подхватывает преходящий век, и она начинает сообразовываться с ним.

31. Слово же Твое, Господи, источник жизни вечной, и оно не преходит. Вот почему запрещено словом Твоим отходить от него и сказано: «Не сообразуйтесь с веком сим», да произведет земля от источника жизни душу живую по слову Твоему, переданному Твоими евангелистами: душу воздержанную, подражающую подражателям Христа Твоего. Это и значат слова: «по роду своему»[3], ибо друг подражает своему

[1] Рим 12, 2.
[2] Ср. 1 Тим 6, 20.
[3] Быт 1, 21.

другу. «Будьте, — говорит, — как Я, потому что и Я, как вы»[1].

Итак, в душе живой будут действовать звери добрые и кроткие. Ты ведь заповедал: «В кротости совершай дела твои, и полюбит тебя каждый»[2]. И домашняя скотина останется доброй и при избытке еды и при ее недостатке, и добрые змеи не будут опасны и не повредят, но будут предусмотрительно остерегаться и исследовать временное лишь настолько, насколько это нужно, чтобы через понимание сотворенного увидеть и понять вечность. Повинуются разуму эти животные, и, уйдя от смертоносного движения вперед, они живут и остаются добрыми.

XXII

32. Вот, Господи Боже наш, Создатель наш, когда обузданы будут привязанности наши к веку сему — мы умираем в них, живя худо, — и начнет возникать, живя хорошо, душа живая; тогда исполнится слово Твое, сказанное через Твоего апостола: «Не сообразуйтесь с веком сим», тогда осуществятся и Твои сразу же следующие слова: «Преобразуйтесь обновлением ума

[1] Ср. Гал 4, 12.
[2] Сир 3, 17.

вашего»[1], уже не «по роду вашему», не подражая ближайшим предкам и живя не по примеру лучшего, чем мы, человека. Ты ведь не сказал: «Да появится человек, соответствующий роду своему», а сказал: «Сотворим человека по образу и подобию Нашему»; да познаем, в чем воля Твоя.

Поэтому проповедник слов Твоих, «родивший сыновей через благовестие»[2], не желая иметь всегда младенцев, которых надлежит питать молоком и лелеять, как кормилице, говорит: «Преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы познать, что́ есть воля Божия, благая, угодная и совершенная». Поэтому и не говоришь Ты: «да появится человек», но «сотворим», не говоришь: «по роду его», но «по образу и подобию Нашему». Обновленный умом, увидевший и понявший истину Твою, не нуждается в человеке, который указал бы ему, как подражать «своему роду». По указанию Твоему он сам познает, «в чем воля Твоя, благая, угодная и совершенная». Ты учишь его, и он уже способен увидеть троичность единства и единство троичности. Поэтому после слов во множественном числе: «сотворим человека» — добавлено в единственном:

[1] Рим 12, 2.
[2] 1 Кор 4, 15.

«и сотворил Бог человека»; после слов во множественном числе: «по образу Нашему» — добавлено в единственном: «по образу Божию». Итак, человек «обновляется в познании Бога по образу Создавшего его» и, «став духовным, судит о всем», что подлежит суду, «о нем же никто судить не может»[1].

XXIII

33. Слова же «он судит обо всем» значат, что он имеет власть над рыбами морскими и птицами небесными, над всем скотом и всеми зверями, над всей землей и над всеми гадами, ползающими по земле. Он властвует в силу своего разума, которым «понимает, что от Духа Божия». А иначе «человека, который не понимает своего достоинства, можно сравнить со скотиной бессмысленной и уподобить ей»[2].

Поэтому в Церкви Твоей, Боже наш, по благодати Твоей, которую Ты даровал ей — «мы ведь измышление Твое, созданное на добрые дела»[3], — есть не только духовные руководители, но и те, кто духовно подчиняется руководи-

[1] 1 Кор 2, 15.
[2] Пс 48, 21.
[3] Еф 2, 10.

телям. Ты ведь «сотворил человека, мужчину и женщину», но по духовной благодати Твоей нет ни мужского пола, ни женского, ибо «нет ни иудея, ни грека, ни раба, ни свободного»[1]. Духовные же люди, руководят ли они, повинуются ли руководителям, судят духовно. Не о духовных истинах, сияющих «в тверди», — они столь авторитетны, что о них судить не положено, — не об этой книге Твоей, хотя и есть в ней места темные: мы подчиняем ей свой ум и уверены, что и то, что закрыто от глаз наших, сказано правильно и правдиво. Человек, пусть и духовный, пусть «обновленный познанием Бога, создавшего его по образу Своему»[2], должен быть «делателем закона, не судьей его»[3], и он не судит о том, кого отнести к людям духовным и кого к плотским. Они ведомы, Господи, очам Твоим, а перед нами не явилось еще дел, чтобы «познать их по плодам их»[4]. Ты же, Господи, уже знал их. Ты разделил их и позвал втайне еще до того, как создана была твердь. И человек, хотя и духовный, не судит о беспокойной толпе века сего. Ему ли «судить о внешних», когда он не знает,

[1] Гал 3, 28.
[2] Кол 3, 10.
[3] Иак 4, 11.
[4] Мф 7, 20.

кто уйдет отсюда в сладостную благодать Твою и кто останется в горечи вечного нечестия?

34. Поэтому человек, которого Ты создал по образу Твоему, не получил власти ни над светилами небесными, ни над самим тайным небом, ни над днем и ночью, которые Ты наименовал еще до создания неба, ни над собранием вод, то есть над морем. Он получил власть над рыбами морскими и птицами небесными, над всем скотом и над всей землей и всеми гадами, ползающими по земле.

Он судит и одобряет то, что правильно, и не одобряет того, что найдет худым в совершении ли Таинств, которыми освящены те, кого милосердие Твое выискало в пучинах водных; при трапезе ли, когда подается рыба, извлеченная из глубины: ее вкушает земля благочестивая; в знаках ли и словах, покорных авторитету Книги Твоей, порхающих, словно птицы, под твердью: когда толкуют, излагают, рассуждают, спорят, благословляют и призывают Тебя в словах, звонко срывающихся с уст; пусть народ отвечает «аминь». Все эти слова должны быть произнесены и должны прозвучать, потому что «век сей» бездна, а плоть слепа: увидеть мысленное она не может, требуется поразить ее слух. И хотя птицы размножаются на земле, но происхождением они от воды.

Духовный человек судит, одобряя то, что правильно, и не одобряя того, что найдет худым в поступках и нравах верных, в их милостыне (это земля плодоносная); он судит о душе живой, прирученной целомудрием, постами, благочестивыми размышлениями о том, что она может воспринять телесными чувствами. Она судит о том, что в ее власти исправить.

XXIV

35. Но что это? В чем эта тайна? Ты благословляешь, Господи, людей «расти, размножаться и наполнять землю», не указывая ли этим на что-то, что мы должны понять? Почему не дал Ты такого благословения ни свету, который назвал днем, ни тверди небесной, ни светилам и звездам, ни земле и морю? Я хотел бы, Боже наш, сказать, что Ты, сотворивший нас по образу Твоему, пожелал одарить этим благословением только человека, — хотел бы, но ведь теми же словами благословил Ты и рыб, и морских чудовищ: «Плодитесь и размножайтесь и наполняйте воды морские, а птицы да размножаются на земле». Я сказал бы, что это благословение относится к тем существам, которые продолжают род свой, рождая

от себя потомков, если бы нашел, что они сказаны и для деревьев, и для кустарников, и для земных животных. «Растите и размножайтесь» не сказано ни травам, ни деревьям, ни зверям, ни змеям, хотя все они, как и рыбы, и птицы, и люди, хранят и увеличивают свою породу, рождая потомство.

36. Что же сказать мне, Свет мой и Истина? Что сказано это ни к чему и впустую? Ни в коем случае. Отец благочестия! прочь от раба Твоего такое слово! И если я не понимаю смысла этой фразы, пусть объясняют ее лучшие, то есть более разумные, чем я; каждому ведь, Боже мой, даешь Ты его меру разумения.

Да угодно будет в очах Твоих исповедание мое: исповедую веру мою, Господи: не зря было Тобой так сказано. Не умолчу о том, какие мысли подсказало мне чтение этого места. Они верны, и я не вижу, что мешает мне понимать слова Книг Твоих в переносном смысле. Я знаю, что постигнутое умом в единой форме может быть выражено словесно во многих, а постигнутое умом в разных формах выражено в одной-единственной словесной формуле. Вот единая мысль о любви к Богу и ближнему. Она выражена в многообразных символах, бесчисленными языками и бесчисленными выражениями в каждом языке!

Так вот растут и умножаются порождения вод. Обрати опять-таки внимание всякий, кто это читает, на следующее: вот фраза из Писания в единственной ее форме: «В начале Бог создал небо и землю». Разве не многообразно понимают ее (ложь и заблуждение я не принимаю в расчет), разумея ее по-разному, но правильно? Так растут и умножаются поколения человеческие!

37. Если мы будем думать о природе вещей, не прибегая к аллегориям, то слова «Растите и множитесь» подойдут ко всему, что рождается из семени. Если мы поймем их в переносном смысле — я думаю, что скорее он и был целью Писания, недаром же уделяет оно это благословение только морским животным и людям, — мы найдем «множества» среди существ духовных и телесных — их обозначают «небо и земля»; среди праведников и грешников они обозначены как «свет и тьма»; среди святых писателей, показавших нам свет, это твердь, которую укрепил Ты между водой внизу и водой вверху; в горьком общении с людьми — вот море; в рвении благочестивых душ — они «сухая земля»; в трудах милосердия, исполненных в этой жизни, они обозначены как «посевы и плодоносные деревья»; в духовных дарах, обнаружившихся нам на благо, — вот «светила

небесные»; в страстях, обузданных умеренностью, — вот «душа живая».

Во всем этом обнаружим мы увеличение, избыток и прирост, но этот рост и умножение таковы, что только в мире чувственных образов и умопостигаемых явлений можно об одном и том же рассказать на тысячу ладов и одноединственное положение на тысячу ладов понять.

Под порождением вод мы понимаем чувственные образы, необходимые для людей глубоко плотских; под порождением людским — мысленные представления, рожденные плодовитым разумом. Поэтому, думаем мы, и сказано Тобою, Господи, тем и другим: «растите и множитесь». Я полагаю, что в этом благословении дарованы нам способность и сила многообразно выражать постигнутое в единой форме и многообразно понимать единообразно выраженное темное место. Так «наполняются морские воды» и приходят в волнение от разных толкований; так и земля наполняется порождениями людей; сухость ее обнаруживается в рвении к знанию, и владычествует над ней разум.

XXV

38. Хочу еще рассказать, Господи Боже мой, в чем убеждают меня следующие страницы Тво-

его Писания. Говорить буду безбоязненно и скажу правду, ибо Ты внушил мне сказать то, что пожелал Ты выразить этими словами. Верю, что правду я говорю только по внушению Твоему, ибо Ты один «Истина»[1], а «всякий человек — ложь»[2]. Поэтому «тот, кто говорит ложь, свое говорит»[3]; чтобы сказать правду, мне надо говорить Твое.

Вот дал Ты нам «в еду всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, которое имеет плод, сеющий семя»[4], — и не только нам, но и всем птицам небесным, и животным земным, и змеям, рыбам же и морским чудовищам не дал.

Мы говорим, что эти земные плоды представляют аллегорически дела милосердия, которые в житейских нуждах подает земля плодоносная: такою землей был благочестивый Онисифор, дому которого даровал Ты милость: «часто покоил он» Твоего Павла «и не стыдился уз его»[5]. То же делали и «братья», взрастившие богатую жатву: «восполнили недостаток его, придя из

1 Ин 14, 6.
2 Рим 3, 4.
3 Ин 8, 44.
4 Быт 1, 29.
5 2 Тим 1, 16.

Македонии»[1]. Жалуется он и на некоторые деревья, не принесшие ему должного плода: «При первой моей защите никого не было со мной; все меня оставили. Да не вменится им!»[2]. «Эти плоды» надлежит приносить тем, кто преподает нам разумное учение, помогая понять Божественные тайны; эти «плоды» надлежит приносить им, как людям. Надлежит и тем, кто предлагает себя душе живой как пример для подражания во всяческой воздержанности. Надлежит, как птицам небесным, за их благословения, которые распространяются по земле, ибо «по всей земле идет голос их»[3].

XXVI

39. Питаются этой пищей те, кто радуется ей; те не радуются, «чей бог чрево»[4]. И у тех, кто предлагает «плоды», они не в том, что они дают, а в чувстве, с которым дают.

Я вижу, чему радуется тот, кто служит Богу, а не своему чреву, вижу и поздравляю его. Он получил от филиппийцев то, что они посла-

[1] 2 Кор 11, 9.
[2] 2 Тим 4, 16.
[3] Пс 18, 5.
[4] Флп 3, 19.

ли через Эпифродита; я вижу, чему он радуется. А то, чему он радуется, и есть его пища, ибо правду говорит он: «Я весьма возрадовался в Господе, что́ уже вновь пробились у вас ростки заботы обо мне; вы и прежде заботились, а потом вам это наскучило»[1]. Филиппийцы зачахли в этой длительной скуке, которая иссушила плоды добрых дел; апостол радуется тому, что пробились новые ростки их, — не за себя, не за то, что они помогли в его скудости. Он ведь продолжает: «Говорю это не потому, что нуждаюсь, ибо я научился довольствоваться тем, что у меня есть. Умею жить и в бедности, умею и в изобилии, научился всему и во всем: быть в сытости и терпеть голод, быть в изобилии и в недостатке: всё могу в Том, Кто укрепляет меня»[2].

40. Чему же ты радуешься, великий Павел? Чему радуешься, что́ питает тебя, человек, обновленный познанием Бога, создавшего тебя по образу Своему, душа живая, столь овладевшая собой, окрыленный язык, говорящий о тайнах? Да, таким душам подобает эта пища. Что же питает тебя? Радость. Послушаем дальше: «Вы хорошо поступили, приняв участие в моей

[1] Флп 4, 10.
[2] Флп 4, 11–13.

скорби». Вот чему он радуется, вот что его питает: их хорошие поступки, а не облегчение в его собственных затруднениях. Он говорит: «В скорби давал Ты мне простор», потому что научился он «жить в изобилии и терпеть недостаток», живя в Тебе, укрепляющем его. «Вы знаете, филиппийцы, — говорит он, — что в начале благовествования, когда я вышел из Македонии, ни одна церковь не оказала мне участия подаянием и принятием, кроме вас одних. Вы и в Фессалонику и раз и два посылали на потребности мои»[1]. И он радуется, что они теперь вернулись к добрым делам, и ликует, видя в них новые ростки, словно видит вновь ожившую плодородную ниву.

41. Думая ли о потребностях своих, говорит он: «Присылали на потребности мои»? Этому ли радуется? Нет, не этому. А откуда знаем мы это? Он сам говорит дальше: «Я ищу не даяния, но ищу плода».

Я научился от Тебя, Боже мой, различать между даянием и плодом. Даяние — это то, что уделяет нам помогающий в нужде: деньги, еда, питье, одежда, кров, помощь. А плод — это добрая правильная воля дающего. Учитель благой не сказал просто: «кто примет пророка», но до-

[1] Флп 4, 14–16.

бавил «во имя пророка»; не сказал просто: «кто примет праведника», но добавил «во имя праведника». Тогда только получит один награду от пророка, а другой от праведника. Он не только сказал: «кто даст чашу холодной воды одному из малых Моих», но добавил: «только во имя ученика» и присовокупил: «истинно говорю вам, не потеряет награды своей»[1]. Принять пророка, принять праведника, протянуть чашу холодной воды ученику — это всё даяния; а плод — сделать это «во имя пророка», «во имя праведника», «во имя ученика». Такими плодами питался Илия у вдовы, знавшей, что она кормила Божиего человека, и потому его кормившей; от ворона он получал даяние: этой пищей питался не Илия внутренний, а внешний, который мог погибнуть без такой пищи[2].

XXVII

42. И я скажу то, что истинно в очах Твоих, Господи. Когда люди, не знающие и неверующие, которые приобщаются вере и оберегаются в ней знамениями и великими чудесами (которые и обозначаются, как мы думаем, именем

[1] Мф 10, 41–42.
[2] См. 3 Цар 17, 6–16.

рыб и морских чудовищ), берутся поддерживать и помогать в какой-нибудь житейской нужде детям Твоим, не зная, зачем это надо делать и с какой целью, то одни не дают настоящей пищи, а другие ее не получают: одни не поступают по святому и правильному намерению, другие не радуются их даянию, не видя еще «плода». А душу питает только то, что доставляет ей радость. Поэтому рыбы и морские чудовища и не едят пищи, которую могла вырастить только земля, отделенная и отличная от горьких морских вод.

XXVIII

43. И Ты увидел, Боже, всё, что сделал, «и вот хорошо весьма»[1]. И мы видим это и находим, что «всё весьма хорошо». Ты рассматривал один за другим каждый вид, возникавший по слову Твоему, и находил, что он хорош. Я насчитал, что семь раз написано, как Ты, рассмотрев создание Твое, находил его хорошим. В восьмой же раз, когда Ты увидел всё созданное Тобой, то нашел, что оно не только хорошо, но весьма хорошо, как нечто целое; всё вместе было не только хорошо, но очень хорошо. Это можно сказать

[1] Быт 1, 31.

и относительно красивых тел. Тело, состоящее из красивых членов, гораздо красивее, чем каждый из этих членов в отдельности, потому что, хотя каждый из них сам по себе и красив, но только их стройное сочетание создает прекрасное целое.

XXIX

44. Я старался понять, семь или восемь раз увидел Ты, что создание Твое хорошо и угодно Тебе. Я не нашел, однако, упоминания о том, что обозрение это происходило во времени; это дало бы мне возможность понять, сколько раз обозревал Ты создание Свое. И я воскликнул: «Господи, разве не правдиво Писание Твое? Ты, Истина и Правда, дал его! Почему же говоришь Ты, что обозрение Твое было не во времени, а Писание Твое говорит мне, что день за днем смотрел Ты на создание Свое и находил его хорошим. И когда я стал считать, я нашел, сколько раз.

И на это говоришь Ты мне, ибо Ты Бог мой, и говоришь рабу Своему громким голосом во внутреннее ухо, разрывая глухоту мою и восклицая: «О человек! То, что говорит Писание Мое, говорю Я. Только оно говорит во времени, слово же Мое времени не подвластно, ибо оно пребывает

со Мной одинаково вечно. То, что вы видите Духом Моим, — Я вижу; то, что вы говорите Духом Моим, — Я говорю. Но вы видите во времени, а Я вижу не во времени, и точно так же вы говорите во времени, а Я говорю не во времени».

XXX

45. Я услышал это, Господи Боже мой, и не обронил этой капли от сладостной истины Твоей. Я понял, что есть люди, которым не нравятся дела Твои; они говорят, что многое сделал Ты, понуждаемый необходимостью: это относится, например, к устройству небес и расположению светил. И творил Ты их не из Своего материала: они уже были где-то и кем-то созданы; Ты только собрал их, соединил и связал, когда, победив врагов, оградил Ты мир стенами, чтобы побежденные не смогли вновь восстать на Тебя; многого же Ты вообще не создавал и не устраивал, например ни телесных существ, ни мельчайших животных, ни Того, что держится за землю корнями: всё это создал и сформировал в нижних пределах мира враждебный дух и природа, Тебе чуждая и не Тобою созданная, Тебе противостоящая.

Безумцы говорят так; не Духом Твоим видят они дела Твои и не узнаю́т Тебя в них.

XXXI

46. Те же, кто видит Духом Твоим, это Ты в них видишь. И когда они видят, что дела Твои хороши, это Ты видишь, что они хороши, а в том, что им дорого ради Тебя, в этом Ты им дорог, а то, что, по Духу Твоему, нравится нам, нравится и Тебе в нас. «Кто из людей знает, что́ в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божиего никто не знает, кроме Духа Божия. Мы же приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога»[1].

Я уверен в том, что говорю: конечно, «Божиего никто не знает, кроме Духа Божия». А каким образом мы знаем, что́ даровано нам Богом? Вот ответ мне: то, что мы знаем Духом Его, «никто не знает, кроме Духа Божия». Поэтому как правильно сказано тем, кто говорит в Духе Божием: «Это не вы говорите», так правильно сказать и тем, кто знает в Духе Божием: «Это не вы знаете». Не менее правильно сказать и тем, кто видит в Духе Божием: «Это не вы видите». Итак, кто видит что-то хорошее в Духе Божием, видят это не сами: Бог видит, что это хорошо.

[1] 1 Кор 2, 11–12.

Вот первый случай: кто-то считает плохим то, что хорошо, как те люди, о которых говорилось выше; второй: человек видит, что хорошее хорошо: многим нравятся создания Твои, потому что они хороши, но в них любят они не Тебя; они предпочитают наслаждаться ими, а не радоваться о Тебе. И третий: человек видит что-то хорошее; что это хорошо, видит в нем Бог, и в творении Его любим мы Бога. Любовь эта могла возникнуть только по внушению Духа, Которого Он даст, «потому что любовь Божия излилась в сердца ваши Духом Святым, данным нам»[1]; Он позволяет нам увидеть, что хорошо всё существующее, каков бы ни был образ его существования: всё от Того, Который существует не каким бы то ни было образом, но существует абсолютно.

XXXII

47. Благодарю Тебя, Господи! Мы видим небо и землю, то есть верхнюю и нижнюю часть материального мира: существа духовные и телесные. Как украшение этих частей, из которых состоит вся громада вселенной, вообще весь созданный мир, мы видим свет, сотворен-

[1] Рим 5, 5.

ный и отделенный от тьмы. Видим небесную твердь, находящуюся между духовными верхними водами и материальными нижними, первое тело мира, и это воздушное пространство, которое тоже называется небом, в котором носятся птицы небесные между водами, которые, как пар, поднимаются над ними и в ясные ночи оседают росой, и теми, которые падают тяжелыми ливнями. Мы видим красоту вод, собранных в морские пространства, и сухую землю, то голую, то видимую и устроенную, мать трав и деревьев. Видим светила, сверкающие вверху: солнце, без которого не будет дня, луну и звезды, которыми утешена ночь: все они отмечают время и обозначают его. Мы видим, что влажная стихия населена рыбами, чудищами и крылатыми существами, ибо плотность воздуха, поддерживающая полет птиц, создается водными испарениями. Мы видим, что лик земли украсили земные животные, видим человека, созданного по образу и подобию Твоему и поставленного над всеми неразумными животными в силу Твоего образа и подобия, то есть в силу разума и понимания. И как в его душе одна сторона рассуждает и приказывает, а другая повинуется и подчиняется, так создана телесно для мужа и женщина; природа ее по разуму и пониманию равна его природе,

но по своему полу женщина подчинена полу мужскому, подобно тому как желание действовать осуществляется по указанию разума, как действовать правильно. Итак, мы видим, что и каждое создание хорошо, а всё, взятое вместе, очень хорошо.

XXXIII

48. Хвалят Тебя, Господи, дела Твои[1], да полюбим Тебя; и мы любим Тебя, да хвалят Тебя дела Твои. Во времени их начало и конец, восход и закат, подъем и спуск, красота и ущерб. За утром следует вечер — и незаметно и явно. Все создано из «ничто» Тобой, но не из Твоей субстанции, а из материи, не какой-то, Тебе не принадлежащей, существовавшей и раньше, но из созданной Тобою тогда же, ибо ей, бесформенной, дал Ты форму без всякого промежутка во времени.

Материя неба и земли разная, различен вид неба и земли; материю же Ты создал из «ничто»; мир из бесформенной материи; то и другое создал Ты разом: материя приняла форму без всякого замедления и перерыва.

[1] Ср. Пс 144, 10.

XXXIV

49. Мы раздумывали, какой аллегорический смысл хотел Ты вложить в такую последовательность творения или в такую последовательность повествования о нем. Мы увидели, что каждое создание в отдельности хорошо, а всё вместе взятое очень хорошо; в Слове Твоем, единственном Сыне Твоем, увидели мы небо и землю, Тело и Главу Церкви предопределительно до всякого времени, без утра и вечера. А когда Ты начал осуществлять предопределенное во времени, дабы явить тайное и упорядочить наш беспорядок, — грехи наши превысили голову нашу, и, отойдя от Тебя, зашли мы в пропасть мрачную, но парил над нами благой Дух Твой, чтобы в свое время подать нам помощь — Ты оправдал безбожников, отделил их от грешников и укрепил авторитет Книги Твоей среди высших, покорных Тебе, и низших, им подчинявшихся; собрал неверных в единое, единодушное общество, да проявится рвение верных и да творят они дела милосердия, раздавая бедным блага земные ради приобретения небесных.

И тогда зажег Ты на тверди светильники: святых Твоих, имеющих слово жизни, сияющих духовными дарами и потому высокоавторитетных; тогда же для обращения народов

неверных из телесной материи извлек Ты таинства, чудеса, прорицания в соответствии с твердью Книги Твоей — она благословение и для верных, — а затем образовал душу живую верных, упорядочив их чувства силой воздержания. Разум, подчиненный только Тебе и не нуждающийся ни в каком человеческом авторитете для подражания, Ты обновил по образу и подобию Твоему, подчинил, как женщину мужчине, деятельность руководству ума и пожелал, чтобы всем Твоим слугам, необходимым в этой жизни для усовершения верных, эти самые верные оказывали помощь в их житейских нуждах; в будущей жизни принесет она плоды обильные.

Мы видим всё это и видим, что это очень хорошо, потому что это Ты видишь их в нас. Ты, давший нам Духа Святого, чтобы мы видели дела Твои и в них любили Тебя.

XXXV

50. Господи Боже, давший нам всё, пошли нам покой, покой отдыха, покой субботы, покой, не знающий вечера. Весь этот прекрасный строй очень хороших созданий, совершив свой путь, пройдет; у них будет свой вечер, как было свое утро.

XXXVI

51. Седьмой же день не знает вечернего заката, ибо Ты освятил его, да продолжится вечно. После трудов Своих, весьма хороших, Ты отдохнул в седьмой день (хотя и творил не выходя из состояния покоя). И голосом Книги Твоей возвещено нам, что и мы после трудов наших, потому «весьма хороших», что Ты дал нам закончить их, в субботу вечной жизни отдохнем в Тебе.

XXXVII

52. И тогда Ты так же отдохнешь в нас, как сейчас в нас действуешь. И наш отдых будет Твоим, как и наша работа — Твоя. Ты же, Господи, всегда действуешь и всегда отдыхаешь. Ты видишь вне времени, действуешь вне времени и отдыхаешь вне времени — но нам даешь видеть во времени, создаешь само время и покой по окончании времени.

XXXVIII

53. Итак, мы видим, что́ Ты сделал, ибо мир существует, но существует он потому, что Ты его видишь. Глядя на внешний мир, мы видим, что он существует; думая о нем, понимаем, что он

хорош; Ты тогда видел его уже созданным, когда увидел, что нужно его создать.

И мы теперь испытываем побуждение делать добро, после того как сердце наше зачало от Духа Твоего мысль об этом; раньше нас, покинувших Тебя, подвигало на злое; Ты же, Господи, Единый, Благой, не прекращал творить добро. И у нас есть, по милости Твоей, некие добрые дела, но они не вечны. Мы надеемся, однако, что, закончив их, мы отдохнем в Твоей святости и величии. Ты же, Благой, не нуждаешься ни в каком благе и всегда отдыхаешь, ибо Твой отдых — Ты Сам.

Кто из людей поможет человеку понять это? Какой Ангел Ангелу? Какой Ангел человеку? У Тебя надо просить, в Тебе искать, к Тебе стучаться: так, только так ты получишь, найдешь и тебе откроют[1].

[1] Ср. Мф 7, 7–8.

СОДЕРЖАНИЕ

ДУХОВНАЯ СОКРОВИЩНИЦА

Блаженный
Августин Гиппонский

ИСПОВЕДЬ

*Перевод с латинского
Марии Сергеенко*

ХУДОЖНИК СЕРИИ иеромонах Матфей (Самохин)
РЕДАКТОР иеромонах Симеон (Томачинский)
КОРРЕКТОР Л. Н. Иконникова
ВЕРСТКА М. Ю. Родионов
ТЕХНОЛОГ М. Ю. Мыскин

На форзаце: *руины Карфагена, Тунис, Северная Африка.*

На фронтисписе: *«Христос — Добрый Пастырь», Мавзолей Галлы Плацидии, фрагмент мозаики, Равенна, V в.*

Формат 70×100 1/32. Объем 16,5 п.л. Тираж 5 000 экз.
Бумага писчая. Печать офсетная. Гарнитура Georgia.
Подписано в печать 25.10.2012. Зак. № 1212710
Отпечатано в полном соответствии с оригинал-макетом
издательства Сретенского монастыря
Адрес типографии: 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97
Адрес издательства: 107031, Москва, ул. Б. Лубянка, 19
Интернет-магазин: www.sretenie.com
Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-8210
Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46

Издательство
Сретенского
монастыря

«Исповедь» блаженного Августина Гиппонского на многие века стала незаменимым путеводителем для всех душ, ищущих Бога. В этом классическом произведении великого учителя Церкви переплелись автобиография, мемуары, философские трактаты, литературная критика, экзегетические штудии — все это в форме вдохновенной молитвы к Богу.

ИСПОВЕДЬ

Блаженный Августин Гиппонский